

Санкт-Петербургский государственный университет

**НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

IV

ТЕКСТ И ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ

Отв. редакторы:

д. ф. н., проф. Е. А. Гончарова,

д. ф. н., проф. С. Т. Нефёдов,

к. ф. н., доц. К. Р. Новожилова

Санкт-Петербургский государственный университет

2014

УДК 81'42
ББК 81.2Нем
Н50

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. И. А. Щирова (С.-Петербург. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена)
канд. филол. наук Л. Н. Пузейкина (С.-Петербург. гос. ун-т)

Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. IV: Текст и текстовые единицы: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук Е. А. Гончаровой, д-ра филол. наук С. Т. Нефёдова, канд. филол. наук К. Р. Новожиловой. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. — 208 с.
ISSN 2307-7824

В сборнике представлены работы, тематически объединенные вокруг трех ключевых вопросов традиционной лингвистики текста, ориентированной на изучение вербальных продуктов коммуникации: свойства текстualityности в динамике текстопорождения / восприятия, типологическое описание разных видов текста и текстовые функции языковых единиц. Авторы стремились изложить текстовую проблематику с акцентом на ее значимости для собственно лингвистического анализа с учетом достижений когнитивно-коммуникативного подхода к языку.

Издание рассчитано в первую очередь на филологов-германистов, а также на лингвистов широкого профиля, интересующихся лингвистикой текста.

УДК 81'42
ББК 81.2Нем

Научное издание

**НЕМЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

IV

ТЕКСТ И ТЕКСТОВЫЕ ЕДИНИЦЫ

Отв. редакторы: д. ф. н., проф. Е. А. Гончарова,
д. ф. н., проф. С. Т. Нефёдов, к. ф. н., доц. К. Р. Новожилова

Корректор *Н. М. Казимирчик*. Технический редактор *А. Г. Хуторовская*.
Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 26.12.2014.

Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 13,0. Тираж 300 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

ISSN 2307-7824

© Авторы статей, 2014
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2014

St. Petersburg State University

**GERMAN PHILOLOGY
IN ST. PETERSBURG
STATE UNIVERSITY**

IV

TEXT AND TEXTUAL UNITS

Publishing editors:

E. A. Goncharova, professor, doctor of philology;

S. T. Nefedov, professor, doctor of philology;

K. R. Novozhilova, assistant professor, candidate of philology

St. Petersburg State University

2014

УДК 81'42
ББК 81.2Нем
H50

Referees:

I. A. Shchirova, professor, doctor of philology
(Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg);
L. N. Puzeikina, candidate of philology (St. Petersburg State University)

German Philology in St. Petersburg State University. Volume IV: Text
H50 and Textual Units. Collection of Research Articles, ed. by E. A. Goncharova, professor, doctor of philology; S. T. Nefedov, professor, doctor of philology; K. R. Novozhilova, assistant professor, candidate of philology. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2014. — 208 c. ISSN 2307-7824

This collection includes research articles that are thematically united around three key issues in traditional text linguistics, which focuses on studies of verbal outcomes of communication: features of textuality in the dynamics of text generation / perception, typological description of different types of texts, and textual functions of linguistic units. The authors sought to represent the range of issues in relation to text with an emphasis on their importance for linguistic analysis proper with reference to the achievements of cognitive-communicative approach to language.

This publication is primarily aimed at Germanists but also at any linguist who is interested in text linguistics.

УДК 81'42
ББК 81.2Нем

Scientific publication

**GERMAN PHILOLOGY
IN ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY**

**IV
TEXT AND TEXTUAL UNITS**

Publishing editors: E. A. Goncharova, professor, doctor of philology;
S. T. Nefedov, professor, doctor of philology;
K. R. Novozhilova, assistant professor, candidate of philology

Proofreading by *N. M. Kazimirchik*. Layout by *A. G. Khutorovskaya*.
Design by *O. V. Rudneva*

Signed to print 26.12.2014.

Format 60×90¹/₁₆. Conv. printed sheets 13.0. Circulation 300 copies. Order No

St. Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034.

ISSN 2307-7824

© Contributors, 2014

© St. Petersburg State University, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных статей, предлагаемый вниманию читателя, посвящен вопросу текста как коммуникативного целого, а также его коммуникативно обусловленным категориям и функционирующим в нем конститутивным единицам.

Текст как феномен вербальной коммуникации и единица высшего языкового уровня уже полстолетия является объектом и предметом лингвистического изучения. Этапы исследования этого феномена соответствуют, прежде всего, общенаучным тенденциям, которые утверждались во второй половине XX — начале XXI века: системно-структурной, коммуникативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной.

Находясь в русле этих тенденций, наука о тексте ставила свои задачи, которые были продиктованы многоаспектностью явления *текст* и необходимостью выработать направления и методы для его исследования.

В истории текстовых исследований Е. А. Гончарова выделяет две самые общие тенденции: «более ранний, скорее, синтаксический, системно-направленный подход („от предложения к тексту“) и более поздний, прагматически ориентированный антропоцентрический взгляд, исходящий из коммуникативно-прагматических предпосылок текстообразования, действующих в треугольнике „адресант — текст — адресат“» [1, с. 7].

Коммуникативно-прагматическая концепция, обосновавшая новый взгляд на языковые образования, обусловила их зависимость от человеческого фактора и предопределила, таким образом, антропоцентрическое направление в исследовании текста. Концентрацией коммуникативного направления лингвистики текста является исследование текста как «коммуникативного события» (Арутюнова), или дискурса в узком понимании этого термина.

Расширительная трактовка дискурса как объекта коммуникативной лингвистики закрепляет за этим термином представление о «совокупности тематически соотнесенных текстов» [3, с. 144]. Дискурс в таком понимании становится объектом исследования нового направления лингвистических исследований — лингвистики дискурса.

Коммуникативно ориентированная лингвистика придерживается понимания текста как функциональной системы, отражающей тенденции коммуникативно-речевой деятельности. «Текст понимается сегодня как иерархическое единство высшего ранга, многоаспектное, многомерное и многофункциональное системное образование, в котором сочетаются характеристики сложного знака и коммуникативного целого» [4, с. 23]. Это понимание текста является принципиальным для статей, входящих в настоящий сборник.

Сборник состоит из трех разделов, соответствующих отдельным задачам, стоящим перед лингвистикой текста: 1) текстуальность как онтологическая характеристика текста и составляющие ее признаки; 2) системно-функциональное своеобразие текстов разных типов и их релевантные категории; 3) функционирование в тексте языковых единиц разных уровней.

Эмпирической основой статей, входящих в сборник, являются научные, публицистические и художественные тексты, заимствованные из современных и исторических письменных источников.

В первом разделе обсуждаются такие признаки/критерии текстуальности, как интертекстуальность и связность. Textoобразующий признак *интертекстуальность* рассматривается здесь в научном лингвистическом тексте как вид взаимодействия авторского вступления к монографии с ее основным текстом, а также с другими паратекстами (статьи С. Т. Нефёдова и И. А. Вороновской). Интертекстуальность как текстовая категория пересекается с явлением прецедентности, которое является категорией лингвокультурологии. Языковые виды этой категории прослеживаются в статьях Л. Н. Григорьевой и Т. В. Пономаревой.

Другой текстообразующий критерий — *связность* — реализуется, в частности, посредством тематического развития текста. На базе тематического развития в статье Е. С. Солнцевой конструируется объемная модель конкретного публицистического текста.

Во втором разделе прослеживаются принципы построения и реализация коммуникативных стратегий в таких типах текста, как *загадка* (статья Л. Ф. Бирр-Цуркан) и *колонка*, относящаяся к литературно-критическому дискурсу (статья Е. С. Садовской).

Лингвопрагматическому анализу подвергается политический мемуар как жанр, находящийся на грани политического и автобиографического дискурса. Устанавливается жанровая предопределенность его многоуровневой структуры и дается лингвистически

обоснованная характеристика его прагматических функций (статья И. Е. Езан и Е. А. Ковтуновой).

В статье К. А. Филиппова обосновывается понятие *концептуальный грамматический текст*, и в качестве его примеров приводятся тексты с грамматической тематикой И. К. Готтшеда и И. К. Аделунга. Рассматривая глубинную и поверхностную структуру этих текстов, автор статьи делает вывод о некоторых особенностях немецкого научного дискурса XVIII века.

Художественный повествовательный текст и его категории являются объектом филологической интерпретации в статьях Е. А. Гончаровой — профессора РГПУ им. А. И. Герцена и гостя этого сборника — К. Р. Новожиловой. Е. А. Гончарова показывает, как функциональные особенности *изображенной речи* в художественном нарративе позволяют сделать вывод о специфике индивидуально-мировосприятия и стиля писателя. В статье К. Р. Новожиловой интерпретируется нарративная категория *перспективы повествования* и предлагается парадигма составляющих ее *точек зрения*, релевантных для безличного нарратора.

Третий раздел сборника посвящен текстовым единицам и отвечает следующей задаче лингвистики текста: «определение качественного своеобразия функционирования языковых единиц различных уровней под влиянием текста в результате их интеграции текстом» [2, с. 59].

Так, статья М. Н. Дмитриевой рассматривает в тексте ученого трактата (перевод Ноткером Немецким трактата Боэция) функционирование интеррогативных предложений как одного из полифункциональных средств аргументации — основной стратегии текста.

В статье К. В. Манеровой исследуются фразеологизмы в лозунговых заголовках медиатекстов, которые претерпевают модификации в связи с прагматическими задачами текста.

Модификация языковых единиц под влиянием текста может иметь форму *синтаксической деривации*. Ее виды и функции в разных ситуациях текста изучаются в статье А. В. Мельгуновой.

Наконец, статья А. К. Филипповой также посвящена вариативности языкового представления информации. Здесь рассматриваются разнообразные формы номинации персонажа и его характеристик в диалогическом тексте радиопьесы, которые обусловлены своеобразием этого жанра художественной коммуникации.

Сборник завершается рецензией на монографию Н. Д. Светозаровой и А. В. Павловой, которая составлена Г. В. Снежинской.

В заключение можно сказать, что настоящий сборник, продолжающий серию «Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете», делает попытку внести свой вклад в эмпирическую и теоретическую базу коммуникативного исследования текста и его единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова Е. А., Шишкина И. П. Интерпретация текста. М.: Высшая школа, 2005. 362 с.
2. Филиппов К. А. Лингвистика текста. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 336 с.
3. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М.: Книжный дом «Либерком», 2009. 248 с.
4. Щирова И. А. Осмысление проблем текста в науке: традиции и современность / Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб.: Книжный дом, 2006. 171 с.

REFERENCES

1. Goncharova E.A., Shishkina I.P. *Interpretatsiia teksta* [Text Interpretation]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2005. 362 s.
2. Filippov K.A. *Lingvistika teksta: Kurs lektsii* [Text Linguistics: A Series of Lectures]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. 336 s.
3. Cherniavskaia V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'*: Uchebnoe posobie [Text Linguistics: the Polycode, Inter textuality, Interdiscursivity: A textbook]. Moscow, Knizhnyi dom LIBROKOM Publ., 2009. 248 s.
4. Shchirova I.A. *Osmyslenie problem teksta v nauke: traditsii i sovremenost'* [Understanding text problems in science: traditions and modernity]. I.A. Shchirova, E.A. Goncharova. *Tekst v paradigmakh sovremenogo gumanitarnogo znaniia* [Text in the Paradigms of Modern Human Science Knowledge]. Saint Petersburg, Knizhnyi dom Publ., 2006. 171 s.

К. Р. НОВОЖИЛОВА

I. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКОВ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

УДК 811.112.2

И. А. ВОРОНОВСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ: ФУНКЦИИ И СТРУКТУРА (на материале немецкоязычных монографий по лингвистике)

Ключевые слова: научный дискурс, предисловие, типологические признаки, функции, композиция научного текста, коммуникативный блок.

В статье рассматривается авторское предисловие к научному тексту как элемент макроструктуры целостного текста, определяются его типологические признаки, функции и структурно-композиционные особенности.

I. A. VORONOVSKAYA

St. Petersburg State University

AUTHORIAL PREFACE: FUNCTIONS AND STRUCTURE (by the example of german linguistic monographs)

Keywords: scientific discourse, preface, typological marks, function, structure of a scientific text, communication unit.

In the article the authorial preface is reviewed as an element of the textual macrostructure, its typological marks as well as its functions and compositional structural peculiarities are being defined.

Научный дискурс остается на современном этапе развития лингвистических исследований привлекательным и многогранным объектом изучения. Его специфика связана с особым видом ментальной деятельности человека и подчинена строгим законам логики и прагматики. Понятие научного дискурса «является условием осмысления науки как особого рода знания, социального института и культурно-исторического проявления духовности в неразрывном единстве этих трех аспектов» [6, с. 159].

Основными текстовыми формами научного дискурса являются монографии, диссертации, учебные пособия, статьи, тезисы и иные принятые в академических сообществах типы текстов, которым исследователи-лингвисты уделяли и уделяют большое внимание. Предисловие, посвящение, послесловие, содержание, примечания, краткая аннотация, глоссарий, комментарии и др. являются неотъемлемыми частями научных текстов, однако выполняют в известной степени вспомогательную функцию. Данные элементы макроструктуры целостного текста не столь часто становились предметом рассмотрения.

К авторскому предисловию как объекту исследования чаще обращаются литературоведы, для которых оно имеет большое значение, зачастую являясь своеобразным комментарием автора к произведению. Для исследователей художественных и поэтических произведений такие предисловия становятся ценными дополнениями как к произведению, так и к личности самого автора, давая возможность получить представление о его общественно-политической позиции или о его взглядах на те или иные актуальные проблемы соответствующей эпохи. Не прочитав предисловия, можно запутаться в сюжетных коллизиях книги, не до конца понять ее смысл, не найти ответов на появившиеся вопросы. В предисловии автор уже начинает мысленный диалог со своим потенциальным читателем и продолжает его в тексте собственно произведения.

Авторское предисловие к научному тексту во многом схоже с литературным: оно поясняет читателю, по какой причине принята публикация, разъясняет цели и обосновывает важность и актуальность произведения, сравнивает издание с аналогич-

ными или предыдущими изданиями. Однако предисловию к научному тексту могут быть свойственны специфические черты, такие как экскурс в проблематику сочинения, наличие терминологического комментария, описание структуры, глав или иных затекстовых элементов при условии их наличия, рекомендации по работе с текстом для определенного круга читателей, выражение благодарности лицам, помогавшим автору в работе или подготовке труда к публикации и т. д. [4, с. 18].

По мнению И. Р. Гальперина, такие части макротекстов, как предисловие, введение, заключение и др., являются факультативными и характеризуются, с одной стороны, некоторой независимостью от основного текста, с другой стороны, неразрывно связаны с ним. Эти части «имеют откровенно воздействующее влияние на читателя и контекстно-вариативное членение, поскольку они представляют собой чисто авторские размышления о содержании произведения в целом» [2, с. 58]. Являясь факультативным, предисловие тем не менее выполняет важную ориентирующую функцию, направляя внимание и мысли читателей на то, о чем пойдет речь далее в основном тексте. Предисловие к научному тексту, таким образом, проявляет характерные признаки, которые на основе вышеизложенного можно определить как прагматичность, описание основной цели и задач исследования; аннотирование, перечисление затронутых в основном тексте проблем; тезисность, краткое изложение обсуждаемых далее проблем; концептуальность, описание отдельных теоретических, методологических и иных положений, которые легли в основу исследования; энциклопедичность, сведения об авторе, краткая ссылка на уже опубликованные работы по данной тематике; ретроспективность, что находит свое выражение в упоминании в них ранее разработанных автором или другими учеными идей или концепций; автосемантия, относительная независимость предисловия от основного текста [2, с. 59]. Перечисленные признаки не являются обязательными для всех предисловий, тем не менее их совокупность в полной мере характеризует авторское предисловие, которое никогда не существует отдельно от основного текста и как бы настраивает

читателя на определенное, отчасти намеченное автором восприятие текста.

Данные характеристики могут быть дополнены более частными признаками, такими как фиксированное положение предисловия по отношению к основному тексту и время написания предисловия, которое может не совпадать с моментом выхода научного труда или его переиздания [10, с. 317–318].

Авторское предисловие, предваряя основной текст и создавая таким образом представление о его содержании, выполняет ряд существенных функций. По словам Ж. Женетта, «каждое предисловие выполняет последовательно и одновременно множество функций» [9, с. 191]. Вероятно, одной из основных следует назвать функцию *привлечения внимания*, поскольку предисловие должно вызвать интерес у реципиента и побудить его к последующему прочтению научного труда. Этой функции близка *фатическая* функция, направленная на установление контакта между участниками коммуникации, в данном случае между автором и потенциальным читателем. Дальнейший диалог между автором и получателем научного текста предполагает передачу информации, служащей описанию научной картины мира и превращающейся, в свою очередь, в объект оценки как со стороны автора, так и со стороны получателя научного сообщения. Таким образом, далее можно говорить об *информативной* функции предисловия, поскольку автор в нем не только извещает реципиента о своем намерении сообщить ему новое знание, но и частично формулирует элементы этого знания [7, с. 104]. Авторское предисловие почти всегда предваряет основной текст. При этом случаи наличия послесловия к научной монографии крайне редки, если не исключительны, на основании чего можно говорить о выполнении предисловием *интродуктивной* функции, или функции введения-вступления [8, с. 261]. Предисловие подобно увертюре к музыкальному произведению, в ней в краткой, иногда завуалированной модуляциями форме звучат все его лейтмотивы. *Ориентирующая* функция авторского предисловия направлена на формирование общего впечатления от содержания основного текста и возможности дальнейшей ориентации в нем. Достаточно часто

авторы уже в предисловии кратко описывают содержание отдельных глав, останавливаясь на значимых моментах основного текста, указывают на те проблемы или вопросы, которые будут обсуждаться подробно или, наоборот, лишь затронуты вскользь. Предисловие может выполнять и *директивную* функцию, поскольку, по мнению У. Вирта, в качестве преамбулы к основному тексту оно носит инструктирующий характер [11, с. 608].

Равно как не каждое предисловие обладает всеми описанными признаками, так и не все функции могут быть представлены в рамках отдельно взятого предисловия. Реализации вышеописанных функций и решению коммуникативной задачи подчинена и структура, или композиция, авторского предисловия. По мысли Е. А. Баженовой, композиция целого научного текста определяется как «построение элементов содержания текста по определенной схеме, обусловленной речемыслительными законами научной деятельности и коммуникативной установкой автора» [1, с. 178]. В научном тексте находит отражение не только авторская точка зрения или концепция, но в определенной мере и процесс ее формирования. Информирование читателя о коммуникативно-познавательных операциях автора может осуществляться посредством так называемых коммуникативных блоков, представляющих собой текстовые функционально-смысловые единицы, которые являются результатом «языковой материализации одного или нескольких коммуникативно-познавательных действий, функционирующие в качестве структурного элемента содержания и характеризующиеся коммуникативной направленностью на выражение актуальной для автора и читателя информации» [3, с. 163–164]. Коммуникативный блок является типичным структурным компонентом научного текста, поскольку выражает один из основных аспектов научно-познавательной деятельности — последовательность и логичность мыслительных операций. Применительно к научному тексту можно выделить характерные коммуникативные блоки, такие как «введение темы», «характеристика объекта изучения», «формулировка проблемы», «выводы» и т. д. Этот ряд является далеко не полным, так как перечень коммуникативно-познавательных действий, ко-

которые составляют основу этих речевых единиц, не исчерпывается приведенными примерами. С. Т. Нефёдов предлагает выделять коммуникативно-смысловые части предисловия, представляя их в порядке частотности реализации: 1) заглавие; 2) эмоционально-экспрессивный блок; 3) коммуникативная ориентация; 4) формулирование целей и задач монографии; 5) представление концептуальной базы и методологии исследования; 6) характеристика предтекстов; 7) указание на целевого адресата; 8) обсуждение архитектоники, содержания частей и навигации основного текста [5, с. 199]. На уровне текста достаточно сложно определить четкие границы коммуникативных блоков. Маркером завершения одной текстовой единицы и начала другой служит «завершение экспликации одной группы коммуникативно-познавательных действий и начало текстового оформления других таких операций» [3, с. 164]. При определении и описании коммуникативных блоков учитывался целый комплекс факторов, которые имеют характер закономерности, что позволяет применять понятие коммуникативного блока не только для анализа научных текстов.

Авторское предисловие к научному тексту является его предтечей, обладает рядом аналогичных с научным текстом функций, решает одну из основных коммуникативных задач — информирование реципиента.

На основе вышесказанного представляется возможным использовать понятие коммуникативного блока при описании структуры текста авторского предисловия. В качестве материала для исследования были использованы 40 авторских предисловий к немецкоязычным монографиям по лингвистике, которые были условно разделены на три группы в зависимости от объема предисловия. В первую группу вошли предисловия небольшого объема, занимающие половину или две трети страницы, вторую группу составили предисловия объемом одна и полторы страницы, в третью группу были собраны примеры предисловий объемом 2–3 страницы. В количественном отношении группы получились практически равными. В результате анализа примеров была выявлена зависимость количества коммуникативных блоков и их состава от объема авторского предисловия.

Первая группа предисловий небольшого объема содержит, как правило, два коммуникативных блока, которые можно условно обозначить как *«История создания книги/монографии»* и *«Выражение признательности/благодарности»*. Задача первого блока сводится к необходимости в достаточно краткой форме проинформировать читателя о причинах или обстоятельствах, вследствие которых был написан данный текст, о месте или условиях его создания. Второй блок содержит выраженную в разнообразных формах признательность за совместную работу, консультирование, техническую помощь, корректуру, прочтение и отзыв, а также за моральную поддержку. Лишь в одном из проанализированных предисловий этот блок отсутствовал. В этой достаточно гомогенной группе был обнаружен пример, в котором устойчивое сочетание вышеописанных двух блоков имело вариацию: блок *«История создания книги/монографии»* здесь оказался заменен блоком *«Презентация содержания»*, в котором указаны и коротко описаны основные смысловые разделы.

Вторая группа предисловий уже отличается репертуаром своих коммуникативных блоков от первой группы. Следует отметить, что количество блоков в целом увеличилось, однако они не представлены в каждом отдельном случае равным числом, в подавляющем большинстве случаев предисловие содержит 3–4 блока. Несколько варьируется и состав коммуникативных блоков. В данной группе представлены блоки *«Тема/Содержание книги/монографии»*, *«Цели и задачи книги/монографии»*, *«Структура книги/монографии»*, они являются новыми; также есть блоки *«История создания книги/монографии»* и *«Выражение признательности/благодарности»*. Блок *«Тема/Содержание книги/монографии»* в зависимости от своего объема содержит описание предмета исследования, основных тематических разделов, иногда очень небольшой экскурс в историю вопроса. Коммуникативно-смысловой блок *«Цели и задачи книги/монографии»* говорит сам за себя. В этом разделе автор указывает на свои целеустановки, на те задачи, которые он пытался решить в процессе создания книги, нередко указания на основного адресата данной работы или на целевую аудиторию. Блок *«Структура*

книги/монографии» представляет собой последовательное изложение ее внутренней организации с комментариями по поводу основных содержательных моментов, иногда проиллюстрированных примерами. В этом же блоке могут содержаться указания на авторство того или иного раздела в случае, если монография была коллективной (не более трех авторов). Блоки *«История создания книги/монографии»* и *«Выражение признательности/благодарности»* не отличаются от одноименных блоков первой группы.

Третья группа предисловий, в которой представлены примеры самого большого объема, отличается как наличием большего количества коммуникативных блоков, так и их тематическим разнообразием. В составе почти каждого предисловия 5–6 блоков, некоторые из них являются константными, к таковым относятся следующие блоки: *«Цели и задачи книги/монографии»*, *«История создания книги/монографии»*, *«Выражение признательности/благодарности»*. В этой же группе появляются новые блоки, количество и состав которых может варьироваться. К таковым относятся: блок *«Исторический экскурс»*, в котором автор описывает историю вопроса или социально-политическую ситуацию в стране, дает ссылки и комментарии; блок *«Тематический комментарий»*, в который автор иногда помещает введение в тему своего исследования или останавливается на современном положении дел в данном вопросе и на существующих точках зрения, упоминая о том, что данное исследование является изложением его точки зрения; блок *«Концепт»* — краткое изложение основных научных позиций автора, в некоторых случаях сопровождающееся перечислением ранее написанных работ с небольшими комментариями. Этот блок встречается далеко не в каждом примере, как и блок *«Комментарии»*, в котором автор дает разъяснения по поводу схем, возможных таблиц или способа написания.

Вышеприведенные примеры позволяют сделать заключение о зависимости количества и содержания коммуникативных блоков от объема авторского предисловия, который, в свою очередь, обусловлен авторскими задачами и интенциями.

Авторское предисловие к научным монографиям обнаруживает определенные типологические признаки, к которым в первую очередь относятся тезисность, аннотирование, прагматичность, ретроспективность и концептуальность. В составе макротекста за предисловием закреплено место перед основным текстом, что наглядно демонстрирует его интродуктивную роль. Предисловие к научным монографиям реализует ряд специальных функций, что позволяет говорить о нем как о самостоятельном тексте, проявляющем признаки автосемантии, но тем не менее не существующим вне основного текста монографии.

Изучение авторского предисловия ставит ряд интересных вопросов, в первую очередь вопрос о его текстотипологическом статусе, на который, вероятно, позволят ответить дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баженова Е. А.* Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции // *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.* Т. 2. Ч. 1. *Стилистика научного текста (общие параметры).* Пермь, 1996. С. 158–235.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 2007. 139 с.
3. *Крижановская Е. М.* Коммуникативный блок // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной.* М.: Флинта; Наука, 2006. С. 163–167.
4. *Меламедова Е. А.* Паратекстовые элементы в англоязычной научной и научно-популярной литературе. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 23 с.
5. *Нефёдов С. Т.* Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на материале авторского предисловия к научной монографии) // *Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 9. Вып. 3.* 2013. С. 198–204.
6. *Халтурин Ю. Л.* Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей / сост. и общ. ред. Н. В. Бряник; отв. ред. О. Н. Дьячкова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. 318 с.
7. *Brinker K.* *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden.* 6. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2005. 179 S.
8. *Fix U.* Was heißt Texte kulturell verstehen? Ein- und Zuordnungsprozesse beim Verstehen von Texten als kulturelle Entitäten // *Blühdorn H.,*

- Breindl E., Waßner U. H. (Hrsg.). Text — Verstehen. Grammatik und darüber hinaus. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2006. S. 254–276.
9. Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001. 401 S.
 10. Voßschmidt L. Das Vorwort und seine Funktionen in Übersetzungen literarischer Texte — Überlegungen am Beispiel der Übersetzungen des Finnischen Epos Kalevala // Käännösteoria, ammattikielet ja monikielisyyt. VAKKI: n julkaisut. № 35. Vaasa, 2008. P. 315–325.
 11. Wirth U. Das Vorwort als performative, paratextuelle und parergonale Rahmung // Fohrmann J. (Hrsg.). Rhetorik: Figuration und Performanz. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2004. S. 603–628.

REFERENCES

1. Bazhenova E.A. *Spetsifika smyslovoi struktury nauchnogo teksta i ego kompozitsii. Ocherki istorii nauchnogo stilia russkogo literaturnogo iazyka XVIII–XX vv.* [Specific features of the semantic structure and composition of the scientific text. Essays on History of the Scientific Style of Standard Russian from the 18th to the 20th Centuries]. T. 2. Ch. 1. Stilistika nauchnogo teksta (obshchie parametry) [Vol. 2. Part 1. Stylistics of the Scientific Text (General Parameters)]. Perm', 1996. S. 158–235.
2. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as Subject of Linguistic Research]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 139 s.
3. Krizhanovskaia E.M. *Kommunikativnyi blok* [Communication unit]. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka, pod red. M.N. Kozhinoi [Encyclopaedic Dictionary of Stylistics of the Russian Language, ed. by M.N. Kozhina]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2006. S. 163–167.
4. Melamedova E.A. *Paratekstovye elementy v angloiazychnoi nauchnoi i nauchno-populiarnoi literature.* Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk [Paratextual Elements in English Scientific and Popular-Science Literature. Doctoral Dissertation Summary]. Samara, 2009. 23 s.
5. Nefedov S.T. Prototipicheskaia model' teksta kak osnova tekstotipologicheskogo znaniia (na materiale avtorskogo predisloviia k nauchnoi monografii) [Prototypical model of the text as a basis of text-typological knowledge (based on the author's preface to a research monograph)]. *Vestnik St. Petersburg University*, 2013. Serii 9. Vyp. 3. S. 198–204.
6. Khalturin Iu.L. *Obshchie problemy filosofii nauki: Slovar' dlia aspirantov i soiskatelei* [General Issues in Philosophy of Science: Dictionary for Post-Graduate Students and Doctoral Candidates], sost. i obshch. red. N.V. Brianik; otv. red. O.N. D'iachkova [compiled and edited by

N.B. Bryanick, publishing ed. O.N. Dyachkova]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2007, 318 S.

7. Brinker K. *Linguistische Textanalyse: Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden*. 6. Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2005. 179 S.
8. Fix U. *Was heißt Texte kulturell verstehen? Ein- und Zuordnungsprozesse beim Verstehen von Texten als kulturelle Entitäten*, Blühdorn H., Breindl E., Waßner U.H. (Hrsg.). *Text — Verstehen. Grammatik und darüber hinaus*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2006, S. 254–276.
9. Genette G. *Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches*. Frankfurt a/M., Suhrkamp, 2001, 401 S.
10. Voßschmidt L. Das Vorwort und seine Funktionen in Übersetzungen literarischer Texte — Überlegungen am Beispiel der Übersetzungen des Finnischen Epos Kalevala. *Käännösteoria, ammattikielet ja monikielisyys*. VAKKI, n julkaisut. № 35. Vaasa, 2008, P. 315–325.
11. Wirth U. *Das Vorwort als performative, paratextuelle und parergonale Rahmung*. Fohrmann J. (Hrsg.). *Rhetorik: Figuration und Performanz*. Stuttgart; Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2004, S. 603–628.

Вороновская Инна Алексеевна

Старший преподаватель кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Inna A. Voronovskaya

Senior teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: inna_w@mail.ru

ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ТЕКСТЕ И ЕГО РОЛЬ В ПЕРЕВОДЕ

Ключевые слова: лингвокультурология; межкультурная коммуникация; прецедентность; прецедентная ситуация; прецедентное имя в Германии, Австрии и Швейцарии; прецедентность в методике преподавания иностранных языков, практике и теории переводоведения.

В статье предпринимается попытка анализа прецедентности как особого явления, относящегося прежде всего к инструментарию лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. При этом прецедентность рассматривается в ее соотношении и сопоставлении с такой текстовой категорией, как интертекстуальность, с учетом черт сходства и различий между ними. Далее феномен прецедентности с его последующим подразделением на прецедентные ситуации и прецедентные имена анализируется применительно к немецкоязычному лингвистическому пространству в трех его вариантах — немецком, австрийском и швейцарском. Особое внимание уделяется также роли феномена прецедентности в процессе перевода, а также в процессе преподавания как перевода, так и других лингвистических дисциплин, например, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, лингвистики текста и пр.

L. N. GRIGORIEVA

St. Petersburg State University

PRECEDENCE IN TEXTS AND ITS ROLE IN TRANSLATION

Keywords: cultural linguistics; intercultural communication; precedence, precedent situation, precedent name in Germany, Austria, Switzerland; precedence in language teaching methods and in translation theory and practice.

This article refers to the analysis of precedence as a specific phenomenon, which relates primarily to the techniques of cultural linguistics and intercultural communication. Precedence is considered here in its

correlation and comparison with such text entity as intertextuality by taking into account their similarities and differences. The phenomenon of precedence is further divided into precedent situations and precedent names and analyzed relating to German linguistic space in its three variations — German, Austrian and Swiss. Special emphasis is put on the importance of precedence to the translation process and to teaching of translation and other linguistic subjects such as intercultural communication, cultural linguistics, text linguistics etc.

Прецедентность представляет собой одно из относительно новых понятий, вошедших в лингвистический обиход во второй половине прошлого века и закрепившихся прежде всего в таких научных дисциплинах, как когнитивная и дискурсивная лингвистика, лингвокультурология и межкультурная коммуникация. Несмотря на свою относительно молодость, эти дисциплины уже располагают собственным научным аппаратом, к которому наряду с вышеупомянутым относятся также такие понятия, как «языковая картина мира», «ментальность», «мифологема», «концепт» и др. (ср. Зиновьева, Юрков).

Появление термина «прецедентность» в его нынешнем понимании, как на то указывает большинство исследователей, связано с именем Ю. Н. Караулова. Караулов впервые ввел понятие «прецедентный текст» (ср. также В. Г. Костомаров и Ю. А. Сорокин), под которым он понимает текст, значимый в познавательном и эмоциональном отношении и имеющий «сверх личностный характер», то есть хорошо известный широкому кругу лиц. К этому понятию ученый относил цитаты, имена персонажей, авторов, а также тексты невербальной природы, ср. [7, с. 216–217]. Само же понятие прецедентности уходит своими корнями в теорию номинации. В ономастических исследованиях (ср. работы А. А. Реформатского, А. И. Смирницкого, А. В. Суперанской и др.) указывается, что прецедентность свойственна именам собственным. Рассмотрение процессов аппелятивации/деаппелятивации, а также онимизации/деонимизации нарицательных и собственных имен позволило ученым выяснить причину приобретения ими свойства прецедентности. К критериям прецедентности, наряду с уже выделен-

ными ранее — их особой значимостью, частотным использованием, узнаваемостью со стороны реципиента, — можно отнести также наличие сигнификации и способность к идентифицирующей функции, именно это позволяет именам собственным стать прецедентными.

В дальнейшем произошло как уточнение, так и развитие понятия прецедентности, в результате чего появилась целая терминологическая система в виде связанных друг с другом производных слов, которые широко применяются в современной лингвистической литературе. Так, в настоящее время наиболее часто используются такие термины, как «прецедентное высказывание», «прецедентная ситуация», «прецедентное имя», «прецедентный феномен» и т. д. (ср. Гудков, Захаренко, Красных). Само значение слова «прецедентный» (от *лат.* *praecedere* — предшествовать, идти вперед) указывает на один из его релевантных признаков — повторяемость, то есть неоднократное воспроизведение в определенной языковой среде. Поэтому, видимо, в широком смысле уместнее говорить о явлении или о феномене прецедентности, ср. [11].

Как правило, за прецедентными текстами, ситуациями или именами кроется обширное культурное содержание, которое можно обнаружить только с учетом приобретенных коннотаций и широкого контекста. Эти коннотации могут иметь как локальный/глобальный, так и временный/долгосрочный характер. Однако при этом они должны обязательно нести в себе некие ассоциативные, оценочные или эмоционально-экспрессивные компоненты.

При рассмотрении прецедентности возникает, как представляется, также необходимость разграничения соприкасающихся в чем-то друг с другом явлений прецедентности и интертекстуальности.

Как известно, интертекстуальность является одним из критериев текстуальности [12] и отражает соотношенность одного текста с другими, то есть диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, что в итоге обеспечивает приращение их смысла, ср. [1, с. 104]. Интертекстуальность, таким

образом, обеспечивает глубину текста, определяемую его способностью накапливать информацию не только за счет непосредственного отраженной в нем действительности, но и опосредованно через связь с другими текстами. Интертекстуальность связана с таким понятием, как «семиотическая память культуры», ср. [10], и придает тексту смысловую неоднозначность и глубину. Интертекстуальность — критерий гносеологической и эстетической ценности текста: если произведение не обладает этим свойством, оно практически не имеет шансов войти в литературу, науку и, наконец, в культуру в целом. Таким образом, интертекстуальность представляет собой составляющий элемент так называемого кода культуры, ср. [9]. Интертекстуальность свойственна, хотя в разной степени и в разных видах, всем без исключения типам текста. Поэтому ее виды могут быть представлены как шкала текстовых включений, начиная от цитат и заканчивая аллюзиями (см. об этом подробнее: [2; 3]), для расшифровки которых нужны известные интеллектуальные усилия и соответствующая подготовка.

Понятие прецедентности не получило еще столь фундаментального толкования и нуждается в некотором уточнении. Лексическая природа прецедентности и ее описанные выше свойства не позволяют ей, подобно интертекстуальности, стать конституирующим признаком текста. Прецедентные единицы представляют собой класс имен, которые по своей языковой природе лучше всего приспособлены к аккумулярованию сгустков смысла, что позволяет, как и в случае с интертекстуальностью, расширить семантические границы текста и ввести в него целые пласты имплицитной информации. Узнаваемость прецедентных единиц предполагает известную стабильность их формы или инварианта. Поэтому они могут быть без особых трансформаций легко «вставлены» в отдельные высказывания и тексты и, в отличие от интертекстуальных включений, расшифрованы среднестатистическим реципиентом. В обратном случае их вряд ли можно отнести к прецедентным. Прецедентность тоже может быть в большей или меньшей степени характерной для тех или иных типов текста, хотя она и не является их неотъемлемой

принадлежностью. Так, в лингвистической литературе отмечается, что прецедентность типична для текстов современных СМИ, ср. [6; 9].

Интертекстуальность и прецедентность, несомненно, связаны друг с другом. Эта взаимосвязь проявляется, например, в некоторой зыбкости границ между обоими явлениями. Хотя вряд ли можно согласиться с мнением Н. А. Кузьминой, что интертекстуальные феномены обязательно проходят фазу прецедентных. Взаимоотношения между этими двумя явлениями гораздо более сложные. Так, прецедентные тексты, безусловно, часто становятся источниками интертекстуальности, Но и любое другое, отличающееся известной автономностью, имя, независимое от конкретного текста или ситуации, вполне может приобрести свойства прецедентности.

Прецедентные имена и ситуации в большинстве своем, по крайней мере, на начальном этапе своего существования, имеют конкретную национальную адресацию и прочно связаны с отдельными социумами, обществами, регионами и странами. Поэтому для того, чтобы быть понятыми, особенно реципиентами, являющимися представителями других культур и социумов, они часто нуждаются в толковании. На эту их особенность указывает, например, Л. И. Гришаева, подчеркивая, что прецедентные феномены представляют собой «модель концептуализации действительности, образец для социализации личности, позволяют самым непротиворечивым образом охарактеризовать процессы культурных заимствований, культурной преемственности, инкультурации и аккультурации в различных условиях осуществления взаимодействия между людьми, использующих вербальный и невербальный коды» [4, с. 136].

В качестве иллюстрации приведенных теоретических положений в данной статье анализируются феномены прецедентности, встречающиеся в немецкоязычном культурном пространстве таких стран, как Германия, Австрия и Швейцария. Используемые примеры прецедентных имен могут быть поделены на три группы: 1) одушевленные имена собственные (антропонимы); 2) неодушевленные имена собственные (топонимы); 3) нарица-

тельные событийные существительные с приобретенными ими прецедентными свойствами.

Если говорить о наиболее репрезентативных для этих стран прецедентных антропонимах, то на ум приходят, в первую очередь, такие как Фауст (Германия), Сисси (Австрия) и Вильгельм Телль (Швейцария).

Фигура Фауста, прецедентность которой отличает и глобальность, и долговременность, была создана во многом благодаря одноименной трагедии И.-В. Гёте и является, несомненно, одним из наиболее значимых прецедентных имен и текстов в истории немецкой литературы (ср. анализ интертекстуальных потенциалов данного прецедентного текста Гёте у Шишковой). Прецедентность данного имени имеет глубокие исторические (и не только собственно немецкие) корни, а его смысловое толкование отличается философской глубиной, влекущая за собой возможность бесконечных интерпретаций.

Для Швейцарии подобным прецедентным феноменом стал образ национального героя Телля, в основном обязанного своей прецедентностью другому великому немецкому писателю — Фридриху Шиллеру. История Телля является квинтэссенцией истории самой страны. Его образ в качестве национального героя прочно вошел в официальную историографию Швейцарской конфедерации.

Если обе вышеуказанные фигуры довольно хорошо известны за пределами своих стран, то в Австрии, пожалуй, трудно отыскать фигуру, подобную по своим масштабам Фаусту или Теллю, которая обладала бы практически абсолютной степенью прецедентности. В качестве примера, наиболее часто ассоциирующегося с данной страной, можно было бы назвать Сисси, жену австрийского императора Франца Иосифа I Елизавету Баварскую. Разница между тремя приведенными прецедентными именами заключается в том, что имена Фауста и Телля связаны с соответствующими хрестоматийными прецедентными текстами, в то время как Сисси относится к автономным прецедентным именам.

Эти прецедентные имена, несмотря на некоторую разницу между ними (если фигура Сисси является исторически абсо-

лютно реальной, то первые две, несмотря на существующие доказательства их реальности, обросли целом шлейфом из мифов и вымыслов), являются одновременно также и концептами, и мифологемами, и источниками интертекстуальности и интердискурсивности. Здесь достаточно упомянуть, например, произведения литературы и искусства, в которых данные имена были использованы и обыграны. Так, в романе Т. Манна «Доктор Фаустус» главный герой во многом повторяет судьбу своего прототипа; в новелле М. Фриша «Вильгельм Телль для школы» герой предстает, по мнению писателя, воплощением свойственной его стране ограниченности и ксенофобии; в фильмах о Сисси режиссеров Эрнста Маришки, Лукино Висконти, не говоря уже о немецком мультфильме режиссера Михаэля Хербига «Lissi und der wilde Kaiser» (в российском прокате «Переполох в Гималаях») мы сталкиваемся со штампом крайне романтизированного образа героини. Эти имена входят в культурный код соответствующих стран и в пресуппозиционный фонд знаний самого широкого круга реципиентов. Поэтому, как правило, они не представляют особых проблем ни в плане понимания в процессе межкультурной коммуникации, ни в плане перевода, где они просто транслитерируются или транскрибируются.

В качестве характерных для данных стран прецедентных топонимов можно назвать, например, Люнебургскую пустошь (Германия), Майерлинг (Австрия) и Шиньонский замок (Швейцария).

Люнебургская пустошь, как известно большинству специалистов по Германии, представляет собой искусственно созданную равнину под городом Люнебург, основными растительными компонентами которой являются вереск и можжевельник. Данный ландшафт символизирует природу Северной Германии, ставшую источником вдохновения для многих немецких художников и литераторов. В качестве примера можно назвать картины художника начала XX века, представителя немецкого модерна Арнольда Лионгрюна или стихотворение Фридриха Геббея «Der Heidenjunge» (1844). Представленный здесь перевод немецкого

эквивалента «Lüneburger Heide» является каноническим и закреплен во многих двуязычных словарях.

Майерлинг — это деревушка в Венском лесу, где в 1899 году были найдены трупы наследника австрийского престола Рудольфа (сына Сисси) и его возлюбленной Марии Вечера, их причина смерти (или самоубийства) так и не была точно установлена. Данная трагедия легла в основу создания множества художественных произведений, в которых данное событие получило самые разные интерпретации.

Шильонский замок, находящийся на берегу Женевского озера в Швейцарской Ривьере, стал знаменитым благодаря поэме Байрона, ее исторической основой послужил тот факт, что там был заключен Франсуа Бонивар. Поэтому этот замок овеян романтическим ореолом, в создание которого, помимо Байрона, внесли свой вклад и другие известные писатели.

Такой тип прецедентных имен по сравнению с приведенными выше антропонимами требует уже от иноязычных реципиентов, не знакомых с историей данных стран, более глубоких знаний, а с точки зрения перевода — знания переводческих соответствий.

Третий тип прецедентных имен представлен, как правило, изначально нарицательными именами существительными, получившими прецедентный характер в силу каких-то исторических причин. Приведем здесь в качестве примеров такие слова, как *Vormärz* (Германия), *Anschluss* (Австрия), *Escalade* (Швейцария).

Слово «*Vormärz*» непосредственно связано с историей Германии и ее литературы, а именно, с периодом, который предшествовал прокатившимся по всей Европе буржуазно-демократическим революциям 1848–1849 годов. В Германии эта революция получила также название мартовской (*Märzrevolution*), а период, предшествующей ей называли «*Vormärz*», то есть «пред-мартовским периодом».

Под «*Anschluss*» в истории Австрии понимают присоединение Австрии к нацистской Германии в 1938 году вопреки решению Сен-Жерменского мирного договора 1919 года, запреща-

шего Австрии объединение с Германией, которое планировалась еще после Первой Мировой войны и распада Австро-Венгерской империи.

«Escalade» обозначает реальное историческое событие, произошедшее в Швейцарии в 1602 году, когда католические войска герцога Эммануила Савойского попытались взять штурмом «вольный» кальвинистский город Женеву. Позже этот день стал отмечаться в Женевском кантоне как праздник-карнавал. Происхождение названия этого праздника идет от французского слова, обозначающего «лестницу» (*escalier*).

В связи с последними тремя примерами, прецедентность которых носит уже более локальный характер, возникают наибольшие сложности и в плане понимания, и в плане перевода. Так, последние два слова рекомендуется транскрибировать как «аншлюс» и «эскалада». Однако если слово «аншлюс» вполне понятно и не вызывает затруднений у людей, неплохо знающих историю Австрии или Второй Мировой войны, то слово «эскалада», безусловно, потребует некоторого дополнительного комментария. Большинство среднестатистических русскоязычных реципиентов довольно плохо знакомо с историей как Швейцарии в целом, так и ее отдельных кантонов.

Слово «Vormärz» и его интерпретация могут быть проиллюстрированы конкретным примером, взятым из практики преподавания. Так, на занятиях по устному переводу в группе магистров-переводчиков оно было переведено студентами, которые, как выяснилось позже, не знали этой реалии, как «давно». Речь шла при этом о том, что немецкая свободно-демократическая партия является старейшей политической партией Германии и была основана в период «Vormärz». При последующем обсуждении возможностей передачи данного слова на русский язык в качестве эквивалентов были предложены варианты «в 1848 году» или «накануне событий революции 1848–1849 годов». В этом случае, как видно из приведенного примера, в поиске наиболее подходящего варианта потребовалось прибегнуть к комментарию.

Как продемонстрировал предварительный, предложенный в данной статье анализ, явление прецедентности и определение

его лингвистического статуса заслуживает дальнейшего изучения с точки зрения самых разных аспектов, включая собственно лингвистический, страноведческий, лингвокультурологический, переводческий и, без сомнения, дидактический. Явления прецедентности должны стать необходимой составной частью системы подготовки специалистов в самых разных лингвистических областях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баженова Е. А.* Интертекстуальность // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. 696 с.
2. *Гончарова Е. А., Шишкина И. П.* Интерпретация текста. М.: Высшая школа, 2005. 362 с.
3. *Григорьева Л. Н.* Способы передачи различных видов интертекстуальности в переводе // *Проблемы современного переводоведения: Сборник статей в честь 60-летия профессора Виктора Ивановича Шадрина.* СПбГУ Филологический факультет, Институт устного и письменного перевода. СПб., 2011. С. 56–70.
4. *Гришаева Л. И.* Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. 298 с.
5. *Зиновьева Е. И., Юрков Е. Е.* Лингвокультурология. СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. 258 с.
6. *Иноземцева Н. В.* Прецедентность и интертекстуальность как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) // *Известия Самарского научного центра РАН.* Т. 12. № 3. 2010. С. 167–169.
7. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2003. 261 с.
8. *Захаркина И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // *Язык, сознание, коммуникация.* Вып. 1. М.: Филология, 1997. 103 с.
9. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессе эволюции поэтического текста. М.: Едиториал УРСС, 2004. 272 с.
10. *Лотман Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста // *Лотман Ю. М. Избранные статьи* в 3-х тт. Таллинн, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 129–132.

11. Шишкина И. П. Трагедия И.-В. Гете «Фауст» как прецедентный текст (к проблеме интертекстуальности и интердискурсивности) // Русская германистика. Т. V. М., 2009. С. 316–324.
12. Beaugrande R.-A. de, Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1981. 290 S.

REFERENCES

1. Bazhenova E.A. *Intertekstual'nost'* [Intertextuality]. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka, pod red. M.N. Kozhinoi [Encyclopaedic Dictionary of Stylistics of the Russian Language, ed. by M.N. Kozhina]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2003. 696 s.
2. Goncharova E.A., Shishkina I.P. *Interpretatsiia teksta* [Text Interpretation]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2005. 362 s.
3. Grigor'eva L.N. *Sposoby peredachi razlichnykh vidov intertekstual'nosti v perevode* [Methods for rendering intertextuality in translation]. Problemy sovremennogo perevodovedeniia: Sbornik statei v chest' 60-letii professora Viktora Ivanovicha Shadrina [Issues in Modern Translation Studies: Collection of articles dedicated to Professor V.I. Shadrin on the occasion of the 60th anniversary of his birth]. SPbGU Filologicheskii fakul'tet, Institut ustnogo i pis'mennogo perevoda. Saint Petersburg, 2011. S. 56–70.
4. Grishaeva L. I. *Arminii, Barbarossa, ved'my s Brokena i drugie: nemetskii iazyk i kul'tura cherez prizmu nemetskikh pretsedentnykh tekstov* [Arminius, Barbarossa, the Witches of Brocken: German Language and Culture through the Prism of German Precedent Texts]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t, 1998. 298 s.
5. Zinov'eva E.I., Iurkov E.E. *Lingvokul'turologiia* [Cultural Linguistics]. Saint Petersburg, Osipov Publ., 2006. 258 s.
6. Inozemtseva N.V. *Pretsedentnost' i intertekstual'nost' kak markery anglo-iazыchnogo nauchno-metodicheskogo diskursa (na materiale anglo-iazыchnykh statei po metodicheskoi problematike)* [Precedent and intertextuality as markers in English texts on research and methodology: A study of English papers on the subject of methodology]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. T. 12. № 3. 2010. S. 167–169.
7. Karaulov Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [The Russian Language and the Linguistic Personality]. Moscow, URSS Publ., 2003. 261 s.
8. Zakharkina I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. *Pretsedentnoe vyskazyvanie i pretsedentnoe imia kak simvolы pretsedentnykh fenomenov. Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Precedent statement and precedent name as symbols of precedent phenomena. Language, Consciousness, Communication]. Vyp. 1. Moscow, Filologiya Publ., 1997. 103 s.

9. Kuz'mina N.A. *Intertekst i ego rol' v protsesse evoliutsii poeticheskogo teksta* [Intertext and its Role in the Evolution of Poetic Text]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 272 s.
10. Lotman Iu.M. *Semiotika kul'tury i poniatie teksta*. Lotman Iu.M. Izbrannyye stat'i v 3-kh tt. [Semiotics of culture and the concept of text. Selected Papers by Lotman, in 3 volumes]. Tallinn, 1992. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Vol. I: Papers on semiotics and typology of culture]. S. 129–132.
11. Shishkina I.P. *Tragediia I.-V. Gete «Faust» kak pretsedentnyi tekst (k probleme intertekstual'nosti i interdiskursivnosti)* [Goethe's Faust as a precedent text: Revisiting the issues of intertextuality and interdiscursivity]. Russkaia germanistika [Russian Germanic Studies]. T. V. Moscow, 2009. S. 316–324.
12. Beaugrande R.-A. de, Dressler W.U. *Einführung in die Textlinguistik*. Tübingen, Niemeyer, 1981. 290 S.

Григорьева Любовь Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Lubov N. Grigorieva

Docent of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: lng@mail.wplus.net

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ

Ключевые слова: референциальная интертекстуальность, текстотипологическая интертекстуальность, лексические маркеры интертекстуальности, авторское предисловие, научный лингвистический дискурс.

Рассматриваются типы и языковые формы интертекстуального взаимодействия авторского предисловия к научной монографии с основным текстом, другими паратекстами, общей схемой построения. Моделируется двухуровневая структура интертекстуальности, включающая текстотипологический и референциальный аспекты. Экспликатеры интертекстуальности представляются как средства двойного назначения: эксплицитной референции к основному тексту и опосредованной — к надстоящему лингвистическому научному дискурсу.

S. T. NEFEDOV

St. Petersburg State University

THE INTERTEXTUAL DIMENSIONS OF THE AUTHORIAL PREFACE

Keywords: referential intertextuality, text-typological intertextuality, lexicological markers of intertextuality, authorial preface, linguistic academic discourse.

This paper discusses the types and the explicit and implicit forms of the intertextual relationship between the authorial preface and the basic text, the paratexts and the text-typological schema of the preface. There is modeled the two-level structure of intertextuality, which includes a text-typological aspect and a referential aspect. The explicit markers of intertextuality are considered as the items with the double function: with the explicit reference to the basic text and the implicit reference to the linguistic academic discourse.

Пространство межтекстовой соотнесенности описывается, как известно, в современной филологии при помощи понятия интертекстуальности (далее — ИТ). Данное понятие используется в целом ряде гуманитарных наук: литературоведении, риторике, эстетике, семиотике, текстологии, стилистике, лингвистике текста и др. Отражая интегративное взаимодействие сходных научных методологий, оно уже само по себе являет в чистом виде факт межотраслевой терминологической ИТ и заимствования категорий, конгруэнтных по общему содержанию в единой человекомерной парадигме современного знания. Понятно, что при видимой транспарентности одноименных категорий речь идет не о тавтологическом заимствовании, а только о перекодировке и трансформации смыслового наполнения термина с целью встраивания его в концептуальную базу и систему понятий соответствующей гуманитарной дисциплины. Поэтому термин ИТ, оставаясь неизменным в своей понятийной основе, лишь частично совпадает по характеру и диапазону категоризируемых явлений, как они рассматриваются в семиотике текста (искусства, культуры), с одной стороны, и в стилистике и лингвистике текста — с другой.

Если говорить о лингвистике текста и — шире — о лингвистике в целом, то термин ИТ получает здесь закономерные смысловые ограничения, ориентированные на анализ языковой материальности текстов и их типов. Иначе говоря, лингвистическое толкование феномена ИТ предполагает тесную привязку интертекстуальных проявлений непосредственно к материальному источнику и носителю — тексту. В этом состоит главное отличие лингвистического подхода от экстремально широких общесемиотических квалификаций с их референциями к культурным и социальным кодам и семантико-смысловым системам, на которые может потенциально опираться тот или иной текст (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Деррида, М. Риффатер, Ю. М. Лотман и др.). Подробно о разграничении широкой и узкой трактовки ИТ в различных науках и научных направлениях см., например [1; 5; 6; 7; 8, с. 28; 9].

Эволюция концепта ИТ со времени его появления в 1967 году и с учетом богатой литературоведческой традиции обобщена

в работах немецкой исследовательницы Уллы Фикс. В них учитываются следующие три типа межтекстовых связей: 1) открытость («разгерметизация» — в терминологии В. Е. Чернявской [4, с. 43]) конкретного текста по отношению к текстовому континууму («Text-Textwelt-Beziehung»); 2) соотносительность текстового экземпляра с общей текстовой моделью его построения («Text-Textmuster-Beziehung»); формально и/или семантически выраженные референции между конкретными текстами («Text-Text-Beziehung») [11, с. 451; 12, с. 32]. В трехуровневой матрице интертекстуальных отношений Уллы Фикс устойчивому лингвистическому пониманию ИТ, признаваемому большинством лингвистов, соответствуют два последних типа интертекстуальных взаимодействий. Это, во-первых, интертекстуальные связи текстов на основе их общей отнесенности к одному и тому же текстовому типу. И, во-вторых, это эксплицитные отсылки к другому тексту (другим текстам) с опорой на структурно-грамматические элементы в форме цитат, реферируемой речи, эпиграфов, прецедентных высказываний и т. д. и/или имплицитные, но контекстуально «распознаваемые» семантические связи с предтекстами через общую тему, мотив, смысловые ассоциации и аналогии, «говорящие» имена и т. д.

Следует подчеркнуть, что это принципиальное разграничение основных типов ИТ пришло в лингвистику из литературоведения, стремившегося адаптировать концепцию диалогичности художественной речи М. М. Бахтина и идеи «безгранично открытого текста» Ю. Кристевой к нуждам практического анализа. В работах середины 1980-х годов немецких литературоведов Манфреда Пфистера, Ренаты Лахманн и др. эти два типа ИТ еще фигурируют под общим названием — «текстово-дескриптивная» ИТ («text-deskriptive Intertextualität» [18]); «привязанная к тексту» ИТ («textbezogene Intertextualität» [19]), хотя и то, и другое понятие охватывает формально и/или семантически представленные в текстовой ткани интертекстуальные связи не только между текстовыми экземплярами, но и между конкретными текстами и их текстотипологической моделью. Лишь десятилетие спустя, например, в междисциплинарной работе Сузанны

Хольтуис, выполненной на стыке лингвистики, литературоведения, семиотики и когнитивной психологии, проводится четкое размежевание между «типологической» и «референциальной» ИТ («typologische / referenzielle Intertextualität») [16, с. 40 ff.]. Под этими последними названиями ИТ обычно входит в академические энциклопедические словари по лингвистике; см., например [10, с. 304–305; 14, с. 304].

Можно согласиться с Роном Скэллоном, что ИТ выступает в весьма разнообразных формах и используется в различных социальных сферах коммуникации с разными целями [20, с. 152]. Это особенно наглядно демонстрирует сопоставление характера и функциональной направленности интертекстуальных референций в литературно-художественной и научной коммуникации.

В художественных текстах большую роль играют подтекст и, соответственно, имплицитные интертекстуальные сигналы на уровне мотива, аллюзий, реминисценций, перекодирования и трансформации исходного смысла предтекста. Одним из базовых принципов научной коммуникации, напротив, является строгое соблюдение границ между «своим» и «чужим» знанием. Как пишет Е. А. Баженова, в научной коммуникации «возможно дистанцирование от предтекста через негативно-критическое противопоставление мнений и концепций, но полное перекодирование предтекста в новом тексте (как при пародировании) исключено в силу преемственности научно-познавательной деятельности и этических норм научного изложения» [1, с. 107]. Поэтому в научных текстах доминируют эксплицитные маркеры ИТ, а импликации, указывающие на межтекстовое взаимодействие, свидетельствуют здесь не о кардинальной авторской переработке содержания предтекста, а нацелены, как будет показано далее, на указательно-предметную перспективу референции.

Более того, не только способы представления межтекстовой соотнесенности разнятся от одной коммуникативно-социальной практики к другой, но и сами средства маркирования ИТ применяются в разных типах дискурса в разном диапазоне и с различными целевыми установками. Эта проблематика де-

тально обсуждается в последнее время на примере реферируемой речи («reported speech») в англоязычной литературе с применением корпусной методикой исследования больших массивов научных, масс-медийных, рекламных и др. текстов [20; 23; 21]. Полученные данные о текстотипологической обусловленности форм проявления ИТ и потенциальной полифункциональности конкретных показателей межтекстового взаимодействия подтверждают гипотезу ученых, работающих в области лингвистики текста, о том, что ИТ — это не универсальная характеристика текстов вообще, а свойство определенных текстов и типов текста [1, с. 107; 4].

В соответствии с этой теоретической установкой в настоящей статье ставится задача описания интертекстуальной соотношенности определенного типа текста — авторского предисловия к немецкоязычной монографии по лингвистике, которое практически не привлекало внимания лингвистов. Неопределенным остается, к примеру, статус этого вида предисловия как текстового образования: является ли оно самостоятельным текстом, зависимой структурной частью целостного текста, функционально самостоятельным компонентом единой текстовой макроструктуры или «паратекстом» (в терминологии Ж. Женетта [13])?

Свою функциональность предисловие приобретает только на фоне базового текста, вне которого его существование лишено всякого смысла: автор не обязан писать предисловие, а адресат — читать. Вместе с другими паратекстовыми компонентами единой макроструктуры (названием, краткой аннотацией на обороте титула, эпиграфом, оглавлением, примечаниями, библиографией, предметным указателем и пр.) предисловие как вторичный текст обладает четко выраженной функцией обслуживания основного текста. Эта функция довлеет над всеми паратекстовыми элементами, получая конкретизацию в каждом из них.

С коммуникативно-функциональных позиций в перспективе продуцента предисловие можно было бы определить как текст-комментарий и одновременно «текст-рекламу», в которой авторская интенция предельно сжатого реферирования и анонсирования созданного продукта сливается с желанием убедить потенци-

ального адресата прочесть данный текст целиком. Адресатом же предисловие воспринимается как текст-ориентация / инструкция, что позволяет ему определиться и принять решение о соответствии/несоответствии научного текста его актуальным ожиданиям, интересам и потребностям. Наличие своей собственной коммуникативной функции обеспечивает предисловию качественную определенность, отличную от текстуальности базового текста. Поэтому в некоторых работах немецких авторов содержатся (часто попутные) указания на предисловие как особый тип текста: «das Vorwort als 'Textsorte-in-Relation'» [22, с. 457], «Text-in-Relation» [11, с. 453], «Textsorte 'Vorwort'» [25, с. 315] и др. Статус предисловия как отдельного типа текста может быть обоснован и тем фактом, что оно создается по своей собственной текстовой модели [3].

Авторское предисловие как текстовое образование, прочно интегрированное в целостную макроструктуру, обнаруживает разноплановые интертекстуальные референции к основному тексту и к текстовой модели его построения. Эти два измерения ИТ анализируются далее в их реальном проявлении на материале 35 авторских предисловий к научным монографиям по лингвистике.

1. Текстотипологическая интертекстуальность

Прототипическая модель, структурно-семантические варианты модели, лексические и грамматические маркеры коммуникативно-смысловых блоков, коммуникативно-прагматический потенциал различных разновидностей авторского предисловия и ряд других вопросов обсуждаются в моей статье, опубликованной в «Вестнике Санкт-Петербургского университета» [3]. Кратко укажу, что идеальная текстотипологическая схема авторского предисловия теоретически содержит 8 коммуникативно-смысловых блоков. В порядке частотности реализации это: 1) заглавие, 2) эмоционально-экспрессивный блок, 3) блок коммуникативной ориентации, 4) блок формулирования целей и задач монографии, 5) концептуально-методологический блок, 6) блок характеристики предтекстов, 7) блок указания на целевого адресата, 8) блок

описания архитектоники, содержания частей и «навигации» основного текста. Практически же данная общая схема чаще всего реализуется не полностью. Отклонения от нее имеют по большей части прагматические основания и коренятся в целевых установках автора. Их мотивировки могут быть понятны только через межтекстовое сравнение разных видов предисловий в рамках общего текстотипа.

Межтекстовые связи между разными предисловиями-реализациями, обнаруживаемые в пределах единой модели их текстового построения, задают текстотипологический аспект ИТ. Этот тип интертекстуального взаимодействия не имеет специальных показателей, выявляется опосредованным образом на уровне текста в целом. В речемыслительном плане текстотипологическая ИТ вообще и авторского предисловия в частности предстает как когнитивно-личностный феномен. Она является следствием и результатом манифестации в процессе текстопорождения / восприятия личных знаний интерактантов (автора и реципиента) о данном типе текста, его целевой установке, основных формах и структурных элементах и пр., которые обычно сводятся исследователями в единую категорию текстотипологического знания («Textsortenwissen» / «Textartwissen» — в терминологии немецких лингвистов) [15, с. 63–65; 17, с. 46 ff.; 7].

2. Маркеры референциальной интертекстуальности авторского предисловия

Межтекстовые связи авторского предисловия с основным текстом — научной монографией по лингвистике — маркируются исключительно лексически. Грамматика языковых построений играет здесь, как и вообще в сфере интертекстуальных отношений, более чем второстепенную роль. Через лексику обеспечиваются прямые семантические референции к основному тексту и одновременно косвенная интеграция последнего в надстоящий дискурс. Таким образом, лексические номинации имеют как бы двойное назначение: эксплицитно соотносят предисловие с базовым текстом и имплицитно указывают на соответствующую со-

циально-коммуникативную практику — научную коммуникацию и ее специализированную область — лингвистику.

Кодирование интертекстуальных связей осуществляется главным образом четырьмя основными типами лексико-семантических группировок слов: 1) номинациями составляющих текстовой макроструктуры; 2) общенаучной лексикой; 3) лингвистическими терминами; 4) именами собственными личными.

Рассмотрим указанные группировки и их интертекстуальный потенциал в динамике текстопроизводства / восприятия.

Номинации составляющих текстовой макроструктуры семантически и функционально не единообразны. Среди них выделены, по крайней мере, три подтипа.

Во-первых, это синтаксически нераспространенные наименования основного текста: *das Buch, der Text, der Band, das Manuskript, das Endlayout, die Arbeit* и др., а также номинации в форме словосочетаний с теми же лексемами в качестве ядерных компонентов и препозитивными атрибутами релятивно-квалифицирующей семантики типа *vorliegend, jeweilig, gegeben* и др. Помимо типичного для них назначения — идентифицировать именуемый объект, такие номинации имеют и интертекстуальную функцию — функцию референции к основному тексту. Образуя номинативные цепочки кореферентных варьирующихся номинаций вроде *Buch — Text — Band — Manuskript* и т. д., они формируют единый семантический образ предмета обсуждения, который предстает перед воспринимающим в разных объективно присущих ему ипостасях.

Следует сказать, что анализируемые случаи иллюстрируют также нетипичные для изучаемого текстового материала примеры тесного взаимодействия лексических и грамматических ресурсов, их совместного функционирования в качестве сигналов ИТ. Это проявляется в том, что однозначность интертекстуальных отсылок дополнительно усиливается через употребление при обсуждаемых именах определенного артикля или указательного местоимения *dieser/es/e*, примарно актуализирующих данность детерминируемого объекта (здесь — базового текста) в поле восприятия реципиента. Значение определенной соотно-

сенности весьма часто дополнительно осложняется семантикой принадлежности или пространственной локализации, поскольку реально в контекстах речи данные номинации фигурируют в составе предложных и генитивных конструкций: *in diesem Buch, der Leitgedanke des/dieses Buches*.

Таким образом, грамматические средства берут на себя роль своеобразных дополнительных актуализаторов интертекстуальных отношений авторского предисловия с основным текстом, делая их более четкими и прозрачными.

Второй подтип в группировке лексем, служащих для именования составляющих текстовой макроструктуры, образуют **номинации структурных частей основного текста**, наиболее крупных по своему объему: *Kapitel, Teil, Modul* и др. Они сконцентрированы, как правило, в композиционно-архитектоническом блоке предисловия и являются эксплицитными семантическими референциями к основному тексту. Их функциональность сходна с текстовым применением имен первого типа.

И, наконец, третий подтип составляют **номинации паратекстов**, входящих в макроструктуру целостного текстового образования: *Vorwort, Literaturverzeichnis, Bibliographie, weiterführende (Fach)literatur, Glossar, Sachregister, Verzeichnis ausgewählter Internetadressen* и др. При помощи данных номинаций актуализируются интертекстуальные связи предисловия с другими паратекстами и одновременно имплицитно воссоздается общая макроструктурная организация целостного текста. Имплицитный потенциал наименований паратекстов может быть интерпретирован и иначе: как актуализация пред- и послетекстового пространства основного текста, который наличные паратексты призваны обслуживать.

Особые интертекстуальные свойства в этом ряду номинаций обнаруживает наименование самого предисловия лексемой *Vorwort*, фигурирующее в качестве заглавия к нему. Обладая скрытой семантической валентностью на объект и указанием на пространственно-временное предшествование этому объекту («слова перед чем-то»; *Worte vor anderen Worten*), данная лексическая номинация всегда прогнозирует соотнесенность с последующим основным текстом.

Две другие группировки лексических маркеров ИТ — *общенаучная лексика* и *лингвистическая терминология* — выполняют в составе авторского предисловия сходные функции. В связи с этим их вклад в выражение интертекстуальных отношений характеризуется далее совместно.

Общенаучная терминология представлена в первую очередь абстрактными широкозначными существительными (большей частью — девербативами) Begriff, Theorie, Grundlage, Konzept, Analyse, Prinzip, Dimension, Kategorie, Zusammenhang, Aspekt, Bezugspunkt и мн. др., а также предикатами-когнитивами bestimmen, beschreiben, konzipieren, erklären, definieren, nachvollziehen, verdeutlichen, behandeln, erörtern, funktionieren, problematisieren и др. Данные лексические единицы обозначают понятия и действия с ними высокого и максимально высокого уровня обобщения и составляют семантико-смысловую основу любого научного описания. В терминологии Харальда Вайнриха такого рода лексемы формируют «общий язык науки» («die Gemeinsprache der Wissenschaft») [26, с. 212–214].

За счет широкого использования общенаучной лексики создается «отвлеченно-обобщенность» (термин М. Н. Кожинной [2]) научного стиля изложения. Отбор абстрактных субстантивных и глагольных лексем согласован при этом с общей коммуникативной целеустановкой в сфере науки — выявлением и описанием всеобщих и более частных закономерностей, законов, правил, тенденций при отвлечении от конкретного и случайного [2, с. 242–248].

Лингвистическая терминология отражает отраслевую специализацию научной деятельности и, соответственно, входит в лексикон науки на правах частного подязыка, сосредоточенного на фиксации закономерностей функционирования естественного языка во всех его возможных проявлениях как социального и индивидуально-личностного феномена. Не нужно объяснять, по-видимому, что в текстовых реализациях авторского предисловия лингвистическая терминология формирует сеть ключевых понятий, центральных для конкретной проблематики соответствующего научного текста. В качестве примера можно при-

вести предисловие Клауса Эрхарда и Ганса-Юргена Херингера к их совместной монографии по прагматике (Ehrhardt, Heringer 2011). Тематический профиль этого предисловия и коррелятивного с ним базового текста создается 18 номинациями ключевых понятий из области лингвистической прагматики: die Kommunikation (8 употреблений) и два композита с одноименным компонентом (Kommunikationsstörungen, Kommunikationsbegriff), die linguistische Pragmatik (3), pragmatisch (3), der Sprecher (1), der Sprachgebrauch (1).

Оценивая в целом интертекстуальный потенциал общенаучной и лингвистической терминологии, следует подчеркнуть, что он основывается на механизме рекурсии, то есть на повторяемости и накоплении сходных и соотнесенных друг с другом семантических признаков в разных коммуникативно-смысловых блоках предисловия. Этот феномен изучается, как известно, в теории коммуникации и когнитивной психологии в связи с проблемой когнитивно-семантических / концептуальных полей, а в лингвистике текста — в связи с обсуждением когерентности текстовых структур по принципу «семантических сетей» [24, с. 39–42]. Рекурсия семантически соотнесенных понятий создает не только тематико-смысловую объединенность частей текста в целом, но и имеет побочный интертекстуальный «эффект», причем эффект двоякого рода: рекурсия поддерживает семантико-смысловую соотнесенность предисловия и основного текста, во-первых, и обеспечивает их вхождение в научный лингвистический дискурс, во-вторых.

И, наконец, четвертую группировку лексических маркеров интертекстуальных связей предисловия и основного текста составляют *имена собственные личные*. К ним относятся прежде всего имена автора/авторов монографии в коммуникативно-ориентационном блоке — в завершающем сегменте предисловия, в котором указываются время, место опубликования текста и его авторство. Имена личные кореферентны с местоименными номинациями *ich, wir, mein, unser* и *пр.* в других блоках предисловия. Кроме того, все они потенциально соотнесены с обозначением автора на титуле и обороте титула книги и, естественно, с авто-

ризующими маркерами в структуре основного текста, тип которых варьируется в зависимости от выбранной субъектной перспективы научного изложения (отстраненность/бессубъектность, *wir*-перспектива, *ich*-перспектива). В эту же группу входят «узнаваемые» воспринимающим имена коллег-ученых в библиографических отсылках к предтекстам типа фоновых ссылок (so Heusinger 1995, Levinson 2000, Holly 2001, Meibauer 2001), встретившихся в 10 из 35 обследованных предисловий; в теоретико-методологическом блоке, например: Grice в предисловии (Ernst 2002), Christian Lehmann — в (Diewald 1997), сложносоставные акциональные образования *das Chomsky-Paradigma*, *das Langacker-Paradigma* — в (Schlobinski 2003) и др. Основная же часть имен языковедов, известных в соответствующей сфере лингвистики, сосредоточена в экспрессивно-эмоциональном блоке, в котором авторы благодарят коллег за содействие, извиняются за неполноту изложения проблемы и технические погрешности и пр.

Если первая подгруппа имен личных «работает» на интертекстуальное взаимодействие предисловия с другими паратекстами и основным текстом, то вторая — имплицитно интегрирует соответствующий макротекст в научный лингвистический дискурс.

Таким образом, интертекстуальное измерение авторского предисловия рассмотренного типа имеет два основных слоя: текстотипологический и референциальный. Первый уровень обращен к фоновым знаниям интерпретаторов (автора и реципиента) и составляет часть их языковой и социокультурной компетенции. Удерживая текстопроизводство / восприятие в рамках общепринятых социальных конвенций, текстотипологическое знание как основа текстотипологической ИТ обеспечивает эффективность коммуникации.

Референциальная ИТ имеет широкий спектр формальных манифестаций через лексемы разных семантических групп, благодаря тематико-смысловой соотнесенности которых формируется эксплицитная соотнесенность предисловия с базовым текстом и другими макроструктурными элементами, а также косвенная интеграция их в научный лингвистический дискурс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баженова Е. А.* Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 104–107.
2. *Кожина М. Н.* Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 242–248.
3. *Нефёдов С. Т.* Прототипическая модель текста как основа текстотипологического знания (на материале авторского предисловия к научной монографии) // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 9. Вып. 3. 2013. С. 198–204.
4. *Чернявская В. Е.* Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка): Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000.
5. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
6. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2013. 208 с.
7. *Чернявская В. Е.* Текст в медиальном пространстве: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 232 с.
8. *Bauks M.* Intertextuality in Ancient Literature in Light of Textlinguistics and Cultural Studies // Bauks Michaela, Horowitz Wayne, Lange Armin (ed.). Between Text and Text. The Hermeneutics of Intertextuality in Ancient Cultures and Their Afterlife in Medieval and Modern Times. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 27–46.
9. *Berndt F, Tonger-Erk L.* Intertextualität. Eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt, 2013. 292 S.
10. *Bußmann Hadumod (Hg.).* Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2008. S. 304–305.
11. *Fix U.* Aspekte der Intertextualität // Brinker Klaus, Antos Gerd, Heineman Wolfgang, Sager Sven F. (Hrsg.). Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbband I. Berlin; New York: de Gruyter, 2000. S. 449–457.
12. *Fix U.* Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. 501 S.
13. *Génette G.* Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Mit einem Vorwort von Harald Weinrich. Aus dem Französischen von Dieter Horning. Suhrkamp, 2001. 398 S.

14. *Glück H.* (Hg.). Metzler Lexikon Sprache. 4., aktualisierte und überarb. Aufl. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler. S. 304.
15. *Graefen G.* Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation. Frankfurt a/M.; Berlin; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1997. 357 S.
16. *Holthuis S.* Intertextualität. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1993. 268 S.
17. *Krause W.-D.* Textsorten. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 2000.
18. *Lachmann R.* Ebenen des Intertextualitätsbegriffs // Stierle Karlheinz, Warning Rainer (Hrsg.). Das Gespräch. München: Fink, 1984. S. 133–138.
19. *Pfister M.* Konzepte der Intertextualität // Broich Ulrich, Pfister Manfred (Hrsg.). Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen: Niemeyer, 1985. S. 1–30.
20. *Scollon R.* Intertextuality across Communities of Practice: Academics, Journalism and Advertising // Moder C. L., Martinovic-Zic A. (ed.). Discourse Across Languages and Cultures. Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 149–175.
21. *Shaw Ph., Pecorari D.* Types of intertextuality in Chairman's statements // Nordic Journal of English Studies. Vol. 13 (1). 2013. P. 37–64.
22. *Timm Ch.* Das Vorwort — eine «Textsorte-in-Relation» // Kalverkämpfer H., Baumann K.-D. (Hrsg.). Fachliche Textsorten: Komponenten — Relationen — Strategien. Tübingen: Gunter Narr, 1996. S. 457–473.
23. *Trillini H., Quassdorf R., Quassdorf S.* A Key to All Quotations? A Corpus-based Parameter Model of Intertextuality // Literary and Linguistic Computing. Vol. 25 (3). 2010. P. 269–286.
24. *Vater H.* Einführung in die Textlinguistik. Struktur und Verstehen von Texten. 3. überarb. Aufl. München: Fink, 2001.
25. *Vofschmidt L.* Das Vorwort und seine Funktionen in Übersetzungen literarischer Texte — Überlegungen am Beispiel der Übersetzungen des Finnischen Epos Kalevala // Kännösteoria, ammattikielet ja monikielisyys. VAKKI: n julkaisut. № 35. Vaasa, 2008. P. 315–325.
26. *Weinrich H.* Sprache, das heisst Sprachen. Tübingen: Narr, 2006. 412 S.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- Diewald 1997* — Diewald Gabriele. Grammatikalisierung. Eine Einführung in Sein und Werden grammatischer Formen. Tübingen: Niemeyer, 1997.
- Ehrhardt, Heringer 2011* — Ehrhardt Claus, Heringer Hans Jürgen. Pragmatik. Paderborn: Fink, 2011.

Ernst 2002 — Ernst Peter. Pragmalinguistik. Grundlagen. Anwendungen. Probleme. Berlin; New York: de Gruyter, 2002.

Schlobinski 2003 — Schlobinski Peter. Grammatikmodelle. Positionen und Perspektive. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2003.

REFERENCES

1. Bazhenova E.A. *Intertekstual'nost'* [Intertextuality]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka*, pod red. M.N. Kozhinoi. 2-e izd., ispr. i dop. [Encyclopaedic Dictionary of the Stylistics of the Russian Language, ed. by M.N. Kozhina. 2nd revised edition]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2006. S. 104–107.
2. Kozhina M.N. *Nauchnyi stil'* [Scientific style]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka*, pod red. M.N. Kozhinoi. 2-e izd., ispr. i dop. [Encyclopaedic Dictionary of the Stylistics of the Russian Language, ed. by M.N. Kozhina. 2nd revised edition]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2006. S. 242–248.
3. Nefedov S.T. Prototipicheskaiia model' teksta kak osnova tekstotipologicheskogo znaniia (na materiale avtorskogo predislovia k nauchnoi monografii) [Prototypical model of the text as the basis for text-typological knowledge (based on the author's preface to a research monograph)]. *Vestnik St. Petersburg University*. Seriiia 9. Vyp. 3. 2013. S. 198–204.
4. Cherniavskaia V.E. *Intertekstual'nost' kak tekstoobrazuiushchaia kategoriia v nauchnoi kommunikatsii (na materiale nemetskogo iazyka)*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Intertextuality as a Text-Forming Category in Scientific Communication: A Study of the German language. Post-Doctoral Dissertation Summary]. Saint Petersburg, 2000.
5. Cherniavskaia V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'*: Uchebnoe posobie [Text Linguistics: the Polycode, Intertextuality, Interdiscursivity: A textbook]. Moscow, Knizhnyi dom LIBROKOM Publ., 2009. 248 s.
6. Cherniavskaia V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa*: Uchebnoe posobie [Text Linguistics. Discourse Linguistics: A textbook]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2013. 208 s.
7. Cherniavskaia V.E. *Tekst v medial'nom prostranstve*: Uchebnoe posobie [Text in the Media Landscape: A textbook]. Moscow, Knizhnyi dom LIBROKOM, 2013. 232 s.
8. Bauks M. *Intertextuality in Ancient Literature in Light of Textlinguistics and Cultural Studies*. Bauks Michaela, Horowitz Wayne, Lange Armin (ed.). *Between Text and Text. The Hermeneutics of Intertextuality in*

Ancient Cultures and Their Afterlife in Medieval and Modern Times. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2013. P. 27–46.

9. Berndt F., Tonger-Erk L. *Intertextualität. Eine Einführung*. Berlin, Erich Schmidt, 2013. 292 S.
10. Bußmann Hadumod (Hg.). *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 2008. S. 304–305.
11. Fix U. *Aspekte der Intertextualität*. Brinker Klaus, Antos Gerd, Heineman Wolfgang, Sager Sven F. (Hrsg.). Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbband I. Berlin; New York, de Gruyter, 2000. S. 449–457.
12. Fix U. *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin, Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. 501 S.
13. Génette G. *Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Mit einem Vorwort von Harald Weinrich. Aus dem Französischen von Dieter Hornig*. Suhrkamp, 2001. 398 S.
14. Glück H. (Hg.). *Metzler Lexikon Sprache. 4., aktualisierte und überarb. Aufl.* Stuttgart; Weimar, Verlag J.B. Metzler. S. 304.
15. Graefen G. *Der wissenschaftliche Artikel — Textart und Textorganisation*. Frankfurt a/M.; Berlin; New York; Paris; Wien, Peter Lang, 1997. 357 S.
16. Holthuis S. *Intertextualität. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption*. Tübingen, Stauffenburg Verlag, 1993. 268 S.
17. Krause W.-D. *Textsorten*. Frankfurt a/M., Peter Lang, 2000.
18. Lachmann R. *Ebenen des Intertextualitätsbegriffs*. Stierle Karlheinz, Warning Rainer (Hrsg.). Das Gespräch. München, Fink, 1984. S. 133–138.
19. Pfister M. *Konzepte der Intertextualität*. Broich Ulrich, Pfister Manfred (Hrsg.). Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, Niemeyer, 1985. S. 1–30.
20. Scollon R. *Intertextuality across Communities of Practice: Academics, Journalism and Advertising*. Moder C.L., Martinovic-Zic A. (ed.). Discourse Across Languages and Cultures. Amsterdam: Benjamins, 2004. P. 149–175.
21. Shaw Ph., Pecorari D. Types of intertextuality in Chairman's statements. *Nordic Journal of English Studies*. Vol. 13 (1). 2013. P. 37–64.
22. Timm Ch. *Das Vorwort — eine «Textsorte-in-Relation»*. Kalverkämpfer H., Baumann K.-D. (Hrsg.). Fachliche Textsorten: Komponenten — Relationen — Strategien. Tübingen, Gunter Narr, 1996. S. 457–473.
23. Trillini H., Quassdorf R., Quassdorf S. A Key to All Quotations? A Corpus-based Parameter Model of Intertextuality. *Literary and Linguistic Computing*. Vol. 25 (3). 2010. P. 269–286.

24. Vater H. *Einführung in die Textlinguistik. Struktur und Verstehen von Texten*. 3. überarb. Aufl. München, Fink, 2001.
25. Voßschmidt L. Das Vorwort und seine Funktionen in Übersetzungen literarischer Texte — Überlegungen am Beispiel der Übersetzungen des Finnischen Epos Kalevala. *Käännösteoria, ammattikielet ja monikielisyys*. VAKKI: n julkaisut. № 35. Vaasa, 2008. P. 315–325.
26. Weinrich H. *Sprache, das heisst Sprachen*. Tübingen, Narr, 2006. 412 S.

Нефёдов Сергей Трофимович

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ.
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Sergej T. Nefedov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences.
Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
E-mail: nefedovst@gmail.com

**ТЕКСТ КАК 3D-МОДЕЛЬ
(на примере немецкого публицистического текста)**

Ключевые слова: текст, 3D-модель, журнальный репортаж, публицистический текст, немецкий язык.

В статье представлен текст как объемная модель, обладающая тремя параметрами. Соотношение параметров уникально для каждого текста и служит для определения перспективы тематического развития, ракурса, в котором автор публицистической статьи преподносит свой материал. В качестве примера используется немецкий журнальный репортаж «Entschleunigen mit 54 PS» («Focus», № 18, 2012).

E. S. SOLNTSEVA

St. Petersburg State University

**TEXT AS 3D-MODEL
(represented for a german journalistic text)**

Keywords: text, 3D-model, magazine report, journalistic text, German language

In the article the text is represented as a three-dimensional model with three main characteristics. The combination of the characteristics given is unique for each text, and it determines the perspective the authors of a mass-media text convey their information from. The German magazine report “Entschleunigen mit 54 PS” Focus, № 18, 2012, is taken as an example.

Единство темы обеспечивает глобальную связность текста и дискурса как надтекстового образования. Текст воспринимается как соединение нескольких тем, развитие которых происходит взаимосвязанно [3]. Развитие темы в тексте редко бывает линейным, чаще всего оно представляет собой сочетание нескольких

подтем, каждая из которых развивается по своей схеме, а, причудливо переплетаясь, они создают связанное и законченное речевое произведение [4].

Маркерами тематического развития текста становятся номинации (лиц, предметов), в частности, местоимения, лексические повторы, синонимические замены, образующие целые кореферентные цепочки, а также изотопы (слова одного лексико-семантического поля) и др. [10].

Среди исследований в этой области можно назвать работы М. Л. Макарова [2], В. Б. Касевича [1], Г. Лангера [7], Растье [8], Х. Ганзель, Ф. Юргенса [5], М. Штеде [9], Н. Яних [6] и др.

В данной статье впервые делается попытка представить тематическую структуру текста в виде объемного образования, включающего такие параметры текста, как общее количество абзацев, количество подтем и количество абзацев для каждой подтемы.

3D-модель, от *англ.* 3-dimensions («три измерения»), подразумевает такую модель, в которой присутствуют три измерения. Трехмерность, то есть наличие у объектов материального мира таких характеристик, как высота, ширина и длина, является общим свойством пространства, присутствующим на всех известных структурных уровнях. Это основополагающий принцип геометрии Евклида и множества физических теорий.

На настоящий момент построение 3D-изображений широко распространено в компьютерных технологиях и кинопроизводстве. Основным преимуществом таких изображений является возможность более свободного перехода с одного уровня на другой, то есть получение более быстрого визуального доступа к разным точкам пространства, а как результат — безусловная наглядность и большее правдоподобие по сравнению с двухмерными изображениями.

Подобно тому, как окружающее нас пространство имеет три однородных измерения, позволяющих нам воспринимать мир объемным, так и в тексте в рамках данной статьи выделяются три элемента, комбинация которых задает выпуклое текстовое пространство.

В качестве примера возьмем репортаж Барбары Юнг (Barbara Jung) «Entschleunigen mit 54 PS»¹, опубликованный в журнале «Focus» № 18, 2012.

В этом репортаже приводятся техническая характеристика и особенности управления старомодного автомобиля «*Helene*», а также описывается маршрут, подходящий для неторопливого путешествия, а именно Шварцвальд и Ортенау. Упомянется владелец машины, Д. Мюллер, и его гостиница, а также говорится о престижности владения старомодным авто. То есть можно выделить пять подтем, в разной степени развитых автором в повествовании. Связь подтем прослеживается уже в заголовке, где говорится о размерности путешествия на ретроавтомобиле (*entschleunigen*) и характеризуется сама машина (54 PS). В подзаголовке упоминается ее имя и характеристика, приводится название фирмы ее хозяина, а также маршрут поездки:

(1) „*Helene*“ ist schon fast 60, auf der Straße aber macht sie noch immer eine Top-Figur: eine TOUR IM MIET-OLDTIMER durch den Schwarzwald und die Ortenau.

Таким образом, в самом начале статьи автор соединяет четыре темы из пяти.

В тексте репортажа первой подтемой становится описание самой машины, развитое в начальных абзацах:

(2) Da steht **sie** nun und sieht kein Jahr jünger aus, als **sie** ist. Mit kühn geschwungenen Kotflügeln, frei stehenden Scheinwerfern, elegantem Edelholz-Armaturenbrett und diesen niedlichen, puppenstübengroßen Scheibenwischern, die auf Knopfdruck eifrig und völlig ineffektiv hin- und herwedeln. <...> Rechts aufs Gaspedal treten, und schon fährt **Helene** mit quietschenden Reifen vom Hof.

В абзацах 1, 2, а также в конце статьи в последнем абзаце дается техническая характеристика машины. Для вступления используется цепочка местоименных номинаций (*sie — sie*), которая размещается до обозначающей номинации «*Helene*». Имя

¹ Полный текст см. в конце статьи после списка литературы.

автомобиля упоминается впервые только в последнем предложении первого абзаца. Так происходит смещение акцента на название и создается экспрессивное начало репортажа.

В абзаце 3 вводится вторая подтема: хозяин машины, Доминик Мюллер, который также является и владельцем небольшой гостиницы «*Zum Ritter*». Переход от одной подтемы к другой осуществляется в первом предложении абзаца с помощью номинаций автомобиля и ее хозяина:

(3) „*Alle, die mit Helene losfahren, kommen lächelnd wieder zurück*“, sagt **Dominic Müller, Hotelier, Oldtimer-Fan und Helenes Besitzer**.

Вводится цитата Мюллера о машине, а затем следует описание его самого и его гостиницы. Он сдает автомобиль в аренду и приглашает всех желающих отдохнуть у себя. Для характеристики хозяина используются такие кореферентные номинации, как *Dominic Müller, Hotelier, Oldtimer-Fan und Helenes Besitzer, der 39-Jährige*. Эта подтема прослеживается далее, ближе к концу текста.

Третьей подтемой становятся особенности вождения старомодного авто:

(4) *In der Oldtimer-Szene ist der „Ritter“ schon kein Geheimtipp mehr. Wer aber keinen eigenen Klassiker besitzt, kann hier mit Helene die Langsamkeit entdecken.*

Переход к ней делается путем последовательного упоминания гостиницы как части предыдущей подтемы (*Ritter*), характеристики машины (*Klassiker*) и ее имени (*Helene*). Далее упоминаются достоинства путешествия (*Langsamkeit*), постепенно переходящие в описание самой поездки в пятом абзаце:

(5) *Das Verdeck bleibt natürlich offen, für die kühlen Schwarzwald-Kurven hat Helene eine Decke an Bord. Es geht durch zartgrüne Weinberge, durch das Kinzigtor im Städtchen Gengenbach, hinauf Richtung Schwarzwald.*

Описание местности, по которой проходит маршрут «*Helene*», представляет собой четвертую подтему. Особенности управле-

ния таким автомобилем (*Verdeck, Decke an Bord, Motor, Blinker*) становятся своеобразным фоном повествования, посвященного путешествию (*zartgrüne Weinberge, Kinzigtor im Städtchen Gengenbach, hinauf Richtung Schwarzwald, es ist eine so ursprüngliche Art des Reisens*).

В шестом абзаце вводится пятая подтема: общее замечание автора о том, что старомодные автомобили воспринимаются в Германии как показатель престижа. Эта подтема далее не развивается.

В седьмом абзаце повествование снова возвращается к автомобилю и путешествию в нем как предложению фирмы Мюллера:

(6) *Mit dem MG TD Roadster bietet Müller genau das richtige Fahrzeug für entspanntes Oldtimer-Wandern für Anfänger: Der britische Zweisitzer verzeiht mit seiner einfachen und robusten Technik jeden Fehler.*

Связь двух подтем реализуется в соответствующих номинациях: для машины *MG TD Roadster, richtige Fahrzeug, britische Zweisitzer* и для хозяина *Müller*, а также для путешествия *entspanntes Oldtimer-Wandern für Anfänger* и технической характеристики *einfachen und robusten Technik*.

В абзацах 8–10 следует описание мест, мимо которых проходит маршрут с «Helene»: *Schloss Staufenberg, Ortenau, Ringelbach, Waldulm, Mummelsee, Solitude und Schauinsland* и др. В абзаце 11 повествование возвращается к гостинице Мюллера, рассказывается его история:

(7) *Bei Austern, „rückwärts“ gebratenem Chateaubriand und Riesling vom Weingut nebenan erzählt Gastgeber Dominic Müller <...> dass der „Ritter“ einmal eine Postkutschenstation war und an welchem Tisch die Herren Kohl und Mitterrand 1988 auf die deutschfranzösische Freundschaft angestoßen haben. Sein Haus hat eine lange Tradition.*

Здесь упоминается название гостиницы, а ее история включает такие номинации, как *Postkutschenstation, Herren Kohl und Mitterrand, deutschfranzösische Freundschaft, lange Tradition*. Номи-

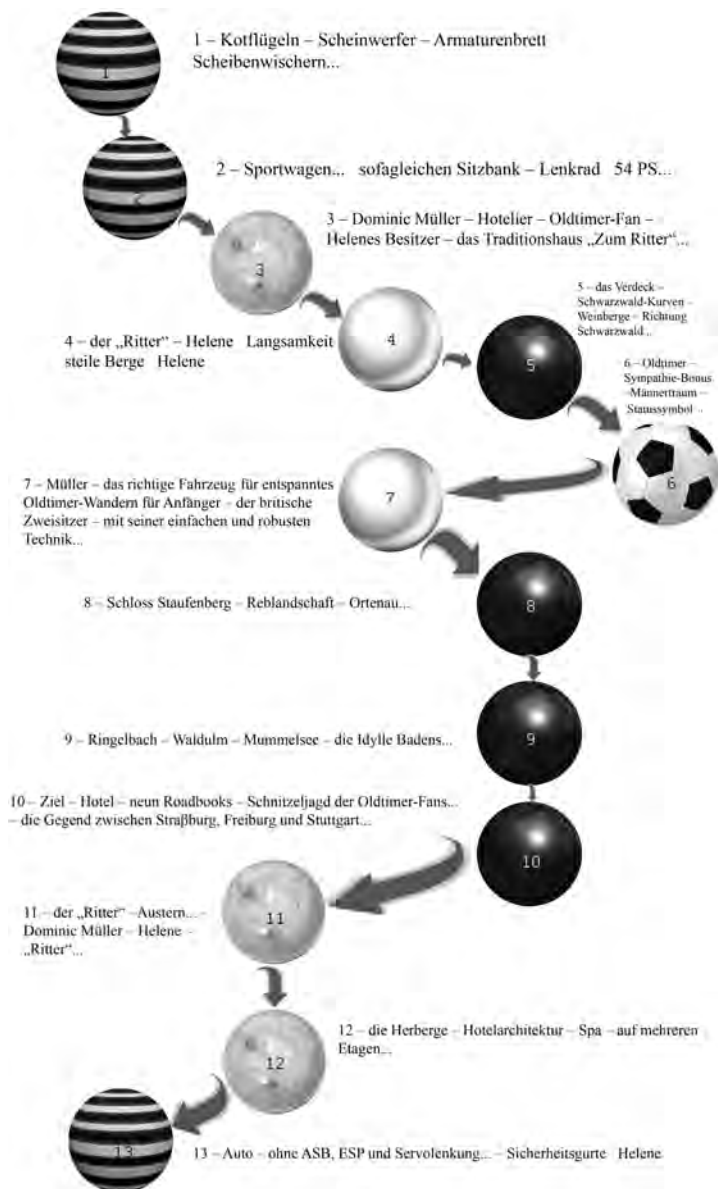

Рис. 1. Схема тематического развертывания
для статьи «Entschleunigen mit 54 PS»

нации *Austern*, «rückwärts» *gebratenem Chateaubriand*, *Riesling vom Weingut* задают атмосферу, в которой ведется рассказ.

В абзаце 12 продолжается описание гостиницы, а в последнем предложении рассказ возвращается к автомобилю:

(8) *Sicherheitsgurte hat Helene natürlich auch nicht.*

Каждый из пяти сюжетов статьи развит в 1–4 абзацах. Все подтемы переплетаются друг с другом, органично связываются в пределах одного абзаца или даже одного предложения. Развитие подтем в статье можно отразить в виде схемы (см. рис. 1).

На схеме отображена последовательность абзацев статьи, от первого сверху до последнего, тринадцатого, внизу. Каждый шарик условно обозначает один абзац, они последовательно пронумерованы. На одном вертикальном уровне оказываются те абзацы, повествование которых посвящено одной и той же подтеме. Для каждого абзаца указаны ключевые слова — номинации действующих лиц и предметов, отражающие развитие определенной подтемы. Так, в абзацах 1, 2, 13 упоминается «*Helene*», в абзацах 3, 11, 12 — Д. Мюллер и его гостиница, в абзацах 4 и 7 — характеристика управления автомобилем, в абзацах 5, 8, 9, 10 — ландшафт, а центр представлен абзацем 6, упоминающим о престиже. Наибольшее внимание (4 абзаца) уделяется автором описанию местности.

Кроме того, на схеме видно, что повествование замыкается и образует спиралевидную композицию: от первой подтемы ко второй, далее к третьей, четвертой и пятой и далее назад — к третьей, четвертой, второй и первой. Выбран вертикальный характер развития схемы, так как текст на странице, как правило, печатается в виде вертикальных столбиков, то есть именно такое расположение наиболее близко передает оригинальное расположение абзацев в тексте.

Таким образом, текст может быть представлен в виде трехмерного образования, его основными параметрами являются протяженность текста в длину, или общее количество абзацев, количество подтем текста и протяженность каждой подтемы, или количество абзацев, в которых развивается та или иная подтема.

Длина статьи определяет, насколько **разносторонним** будет повествование: как правило, чем больше абзацев в статье, тем больше в ней развивается подтем. Количество подтем непосредственно связано с длиной текста, соотношение этих двух характеристик говорит о степени **насыщенности** сообщения. Количество абзацев для каждой подтемы задает то, насколько **существенной** и **приоритетной** является данная информация: чем больше протяженность подтемы, тем больше внимания автор стремится ей уделить.

Соотношение этих трех характеристик для каждого текста уникально и может стать основанием для выявления рисунка текста и преобладающей в нем подтемы, которая используется для развития основной темы. Объемная модель позволяет представить тематическую структуру текста наглядно и в перспективе, то есть целостно. Становится виден ракурс повествования, различные акценты, расставляемые автором, например, публицистической статьи. Это особенно актуально для текстов массовой коммуникации, в которых заявленная тема зачастую не соответствует истинному содержанию статьи. Кроме того, построение объемных моделей может применяться для сопоставления тематического развития разных текстов, в том числе текстов разных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Касевич В. Б.* Труды по языкознанию. СПб.: СПбГУ, 2006. 64 с.
2. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
3. *Dijk T. A. van.* The Study of Discourse: an Introduction // In *Discourse Studies*. 5 vols. London: Sage, 2007. Pp. xix–xlii.
4. *Gansel Chr.* Textsortenlinguistik. Aufl. 1 Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 128 S.
5. *Gansel Chr., Jürgens F.* Textlinguistik und Textgrammatik: Eine Einführung. 2. Aufl. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 270 S.
6. *Janich N.* Textlinguistik. 15 Einführungen. Tübingen: Narr Dr. Gunter, 2008. 384 S.
7. *Langer G.* Textkohärenz und Textspezifität: Textgrammatische Untersuchung zu den Gebrauchstextsorten Klappentext, Patienteninformation,

Garantierklärung und Kochrezept. Frankfurt a/M. [u.a.]: Peter Lang Verlag, 1995. 376 S.

8. Rastier F. *Systematik der Isotopien*. // In W. Kallmeyer et. al. (eds), *Lekturrekolleg zur Textlinguistik*. Bd. 2. Frankfurt a. M.: Athenaum Fischer Taschenbuch Verlag, 2001. S. 153–190.
9. Stede M. *Korpusgestützte Textanalyse. Grundzüge der Ebenen-orientierten Textlinguistik*. Tübingen: Narr Dr. Gunter, 2007. 207 S.
10. Thurmair M. *Referenzketten im Text: Pronominalisierungen, Nicht-Pronominalisierungen und Renominalisierungen* // Thurmair M., Willkop E.-M. (Hrsg.). *Am Anfang war der Text. 10 Jahre „Textgrammatik der deutschen Sprache“*. München, 2003. S. 197–219.

REFERENCES

1. Kasevich V.B. *Trudy po iazykoznaniuu* [Writings on Linguistics]. Saint Petersburg, SPbGU, 2006. 664 s.
2. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of the Discourse Theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 s.
3. Dijk T.A. van. *The Study of Discourse: an Introduction*. In *Discourse Studies*. 5 vols. London, Sage, 2007. Pp. xix–xlii.
4. Gansel Chr. *Textsortenlinguistik*. Aufl. 1 Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. 128 S.
5. Gansel Chr., Jürgens F. *Textlinguistik und Textgrammatik: Eine Einführung*. 2. Aufl. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 270 S.
6. Janich N. *Textlinguistik*. 15 Einführungen. Tübingen: Narr Dr. Gunter, 2008. 384 S.
7. Langer G. *Textkohärenz und Textspezifität: Textgrammatische Untersuchung zu den Gebrauchstextsorten Klappentext, Patienteninformaton, Garantierklärung und Kochrezept*. Frankfurt a/M. [u.a.], Peter Lang Verlag, 1995. 376 S.
8. Rastier F. *Systematik der Isotopien*. In W. Kallmeyer et. al. (eds), *Lekturrekolleg zur Textlinguistik*. Bd. 2. Frankfurt a/M., Athenaum Fischer Taschenbuch Verlag, 2001. S. 153–190.
9. Stede M. *Korpusgestützte Textanalyse. Grundzüge der Ebenen-orientierten Textlinguistik*. Tübingen, Narr Dr. Gunter, 2007. 207 S.
10. Thurmair M. *Referenzketten im Text: Pronominalisierungen, Nicht-Pronominalisierungen und Renominalisierungen*. Thurmair M., Willkop E.-M. (Hrsg.). *Am Anfang war der Text. 10 Jahre „Textgrammatik der deutschen Sprache“*. München, 2003. S. 197–219.

Текст анализируемой статьи

Entschleunigen mit 54 PS

„Helene“ ist schon fast 60, auf der Straße aber macht sie noch immer eine Top-Figur: eine TOUR IM MIET-OLDTIMER durch den Schwarzwald und die Ortenau.

1. Da steht sie nun und sieht kein Jahr jünger aus, als sie ist. Mit kühn geschwungenen Kotflügeln, frei stehenden Scheinwerfern, elegantem Edelholz-Armaturenbrett und diesen niedlichen, puppenstubengroßen Scheibenwischern, die auf Knopfdruck eifrig und völlig ineffektiv hin- und herwedeln. Zum Glück sieht es heute nicht nach Regen aus. Und zum Glück hat uns der automobiler Fortschritt der vergangenen knapp 60 Jahre zwar ABS, ESP, Servolenkung und größere Scheibenwischer beschert, Grundsätzliches aber nicht verändert: Rechts aufs Gaspedal treten, und schon fährt Helene mit quietschenden Reifen vom Hof.

2. Man sieht es ihr auf den ersten Blick nicht an. Aber Helene ist ein Sportwagen: Ein Miet-MG TD Roadster für Schwarzwald-Urlauber, die einen Ausflug machen wollen in die gute alte Zeit. Auf einer so fagleichen Sitzbank, mit einem Lenkrad in Fahrradreifengröße, einem Picknick-Korb und gerade mal 54 PS.

3. „Alle, die mit Helene losfahren, kommen lächelnd wieder zurück“, sagt Dominic Müller, Hotelier, Oldtimer-Fan und Helenes Besitzer. Der 39-Jährige hat aus der Sehnsucht nach den guten alten Dingen ein Hotelkonzept gemacht. Vor vier Jahren übernahm Müller das Traditionshaus „Zum Ritter“ im Weinort Durbach und baute es zum „ersten oldtimergerechten Hotel an der Badischen Weinstraße“ um — inklusive Hebebühne, Werkzeug und befahrbaren Veranstaltungsräumen.

4. In der Oldtimer-Szene ist der „Ritter“ schon kein Geheimtipp mehr. Wer aber keinen eigenen Klassiker besitzt, kann hier mit Helene die Langsamkeit entdecken. Oder auch ziemlich schnell ziemlich steile Berge herunterbettern und hoffen, dass die Trommelbremse das macht. „Helene macht eigentlich alles mit“, meint Müller. „Die kann jeder fahren.“

5. Das Verdeck bleibt natürlich offen, für die kühlen Schwarzwald-Kurven hat Helene eine Decke an Bord. Es geht durch zartgrüne Weinberge, durch das Kinzigtor im Städtchen Gengenbach, hinauf Richtung

Schwarzwald. Der Fahrtwind weht, der Motor brummt, es ist eine so ursprüngliche Art des Reisens, dass man vor lauter Begeisterung eigentlich nach jedem Abbiegen vergisst, den Blinker manuell wieder in die Ausgangsposition zu stellen. Was soll's, selbst den eiligsten Autofahrern auf der Gegenfahrbahn zaubert Helene ein Lächeln ins Gesicht.

6. Oldtimer haben in Deutschland einen Sympathie-Bonus. Sie sind Männertraum, Statussymbol — und in unsicheren Börsenzeiten auch eine Wertanlage zum Anfassen. Müller bedient mit seinem 4-Sterne-Superior-Oldtimer-Hotel diesen Trend: Jedes Jahr nimmt die Anzahl der Autos, die das sogenannte H-Kennzeichen als historisch wertvoll ausweist, auf Deutschlands Straßen um gut zehn Prozent zu.

7. Mit dem MG TD Roadster bietet Müller genau das richtige Fahrzeug für entspanntes Oldtimer-Wandern für Anfänger: Der britische Zweisitzer verzeiht mit seiner einfachen und robusten Technik jeden Fehler. Nur beim Anfahren am Berg fühlt man sich wie in der ersten Fahrstunde. Nach drei Versuchen stottert Helene jaulend los, in der nächsten Kurve schnurrt sie dann wieder zufrieden.

8. Oben bei Schloss Staufenberg angekommen, darf sie sich trotzdem erst einmal ausruhen. Die Aussicht über die Reblandschaft ist ohnehin viel zu schön, um gleich weiterzufahren. Oldtimer-Wandern in der Ortenau ist ein Genuss für alle Sinne. Nirgendwo in Deutschland werden so viele Spitzenweine produziert wie in Durbach. Kein Wunder, dass auch „Ritter“-Sommelier Ronny Weber im Gemäuer unter dem Hotel einen ambitionierten Weinkeller betreut. Getrunken werden seine Schätze natürlich erst, wenn Helene am Abend auf ihrem Tiefgaragenparkplatz steht.

9. Ringelbach, Waldulm, Mummelsee. Wer mag, kann sich treiben lassen durch die Idylle Badens und das seltene Gefühl genießen, einfach nur Auto zu fahren, ohne irgendwann irgendwo ankommen zu müssen. Die Straußwirtschaften der Weingüter laden jetzt im Frühling zu Flammkuchen und Winzervesper ein — wenn der bunte Besen draußen hängt, ist die Straße geöffnet.

10. Wer ein Ziel braucht, der kann im Hotel aus neun Roadbooks wählen und die Schnitzeljagd der Oldtimer-Fans ausprobieren: ohne Navigationsgerät und Karte den Weg anhand von Richtungspfeilen, den sogenannten Chinesenzeichen, finden. Die Gegend zwischen Straßburg,

Freiburg und Stuttgart bietet nicht nur diverse Oldtimer-Museen und legendäre Rennstrecken wie Solitude und Schauinsland, sondern auch eine europaweit einzigartige Dichte von Sterne-Restaurants.

11. Glücklicherweise gehört auch der „Ritter“ dazu. Bei Austern, „rückwärts“ gebratenem Chateaubriand und Riesling vom Weingut nebenan erzählt Gastgeber Dominic Müller am Abend, dass Helene ihren Namen von der vormaligen Hotelbesitzerin hat. Dass der „Ritter“ einmal eine Postkutschenstation war und an welchem Tisch die Herren Kohl und Mitterrand 1988 auf die deutschfranzösische Freundschaft angestoßen haben. Sein Haus hat eine lange Tradition.

12. 1656 wurde die Herberge zum ersten Mal urkundlich erwähnt. Heute verbindet sich hier auf angenehm schnörkellose Art historische und moderne Hotelarchitektur. Auch ein ausgezeichnetes Spa ist auf mehreren Etagen geschickt in das verwinkelte Fachwerkhaus integriert und bietet müden Oldtimer-Wanderern — was auch sonst — Traubenkernmassagen. Die hat sich jeder verdient, der Helene ein paar Stunden lang durch den Schwarzwald gelenkt hat.

13. Denn Auto fahren ohne ASB, ESP und Servolenkung ist anstrengend. Und das ist das Schöne daran: ein Tag ohne Wegfahrsperr, Anschnall-Warnsignale, elektronische Fensterheber, Scheibenwischer-Automatik, Becherhalter aus Plastik und die Stimme aus dem Navigationsgerät. Wie entspannend. Sicherheitsgurte hat Helene natürlich auch nicht. [Entschleunigen mit 54 PS. Focus, 18/2012]

Солнцева Елена Сергеевна

Аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Elena S. Solntseva

Doctoral student, Department of German Philology, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: shelestelena@yandex.ru

II. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ ТИПОВ

УДК 811.112.2

Л. Ф. БИРР-ЦУРКАН

Санкт-Петербургский государственный университет

ЗАГАДКА КАК ТИП ТЕКСТА В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (на примере народных и литературных загадок средневерхненемецкого периода)

Ключевые слова: загадка, тип текста, текст, текстообразующий элемент, побуждение к отгадыванию, кодирование.

Автор статьи прослеживает особенности народных немецких загадок и литературных загадок средневерхненемецкого периода и приходит к выводу, что основными текстообразующими элементами средневековой немецкой загадки являются содержащееся в ней побуждение к отгадыванию и наличие закодированной характеристики объекта. Начало и концовка загадки содержат чаще всего побуждение к отгадыванию, иногда сопровождающееся угрозами в случае неудачного решения заданного вопроса или обещаниями некоего вознаграждения в случае успешного решения загадки. В ядре дается характеристика объекта загадки, уводящая адресата от правильного ответа посредством того или иного кодирования.

L. F. BIRR-TSURKAN

St. Petersburg State University

RIDDLES (RÄTSEL) AS A TYPE OF TEXT IN THE HISTORY OF THE GERMAN LANGUAGE (case study: folk and literary riddles of the middle high german period)

Keywords: riddle, text type, text, text-forming element, impetus to solving, encryption.

The author of the article analyses German folk riddles and literary riddles of the Middle High German period and comes to the conclusion

that the key text-forming elements of the medieval German riddle are an impetus to solving it and an encrypted characteristic of the object. The beginning and the ending contain the impetus to solving the riddle which is sometimes accompanied by threats in case of a wrong solution or promises of a certain reward in case the riddle is solved correctly. The core contains the characteristic of the riddle's object which drive the addressee away from the correct answer by way of encryption.

Ни для кого не является загадкой, что такое загадка! В самом слове кроется ответ: автор загадывает то, что адресат должен отгадать. Столь же этимологически прозрачным является немецкое слово Rätsel, разве что «угол зрения» здесь иной — не от автора к адресату, а от адресата, который должен угадать, отгадать (raten), к автору. Так или иначе, загадка подразумевает наличие некоего вопроса и необходимость ответа на него. И. А. Седакова и С. М. Толстая — авторы словарной статьи, посвященной загадкам, отмечают, что «загадывание загадок — особый вид ритуально-игрового поведения, вербальный акт, в котором один участник предлагает зашифрованное высказывание о некоем предмете или явлении, а другой должен назвать денотат» [4, с. 233]. Андре Жоллес сравнивает загадку с мифом и отмечает их разницу в том, что «миф есть ответ, в котором был вопрос, а загадка есть вопрос, который требует ответа» [10, с. 129]. И далее: «в мифе мы сами спрашиваем, а в загадке спрашивают нас, причем так, что мы должны дать ответ. Поэтому миф стоит под знаком свободы, а загадка — под знаком связанности, поэтому миф — это деятельность, а загадка — это стеснение. Неслучайно в древневерхненемецком загадка обозначалась словом „tunkel“, темное, сумрачное» [10, с. 130]. На двучастную природу ситуации загадки обращают внимание многие авторы. Так, в сборнике «Kleine literarische Formen» («Малые литературные формы») загадка выделяется как самостоятельный жанр и самостоятельный тип текста наряду с анекдотом, афоризмом, басней, календарной историей, притчей, пословицей и др. При этом Фолькер Шупп отмечает среди характерных свойств загадки, отличающих ее от других типов текста, наличие вербальной реакции «отгадывания». «Правда, и другие (малые формы) требуют реакции реци-

пиента, но она различная. Загадка требует отгадки, лирическое стихотворение — достижения гармонии, сентенция — запоминания правила в результате ее повторения» [17, с. 191]. Предметом настоящей статьи является загадка как тип текста.

Текст понимается нами как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [2]. Связность и цельность (целостность) являются основными характеристиками, на которые указывают большинство авторов, занятых проблемами текста¹.

Определения немецких авторов отличает большее внимание к коммуникативному аспекту текста, к намерениям говорящего, то есть автора текста. Так, например, в лингвистическом словаре под редакцией Хадумод Буссманн под текстом понимается «языковая форма коммуникативного действия» [6, с. 776]. Сюзанне Гёпферих дает более точное определение: «текст — это тематически и/или функционально ориентированный, когерентный языковой или знаково-языковой комплекс, который создается с определенным коммуникативным намерением, выполняет распознаваемую коммуникативную функцию и образует тематически и функционально завершенное единство» [9, с. 56]. Наконец, согласно Кристине Ганзель, «текст — это когерентное единство коммуникации, обладающее распознаваемой коммуникативной функцией и определенным образом организованной структурой» [8, с. 10].

Можно сказать, что в западной традиции, в отличие от отечественной, дефиниция текста переплетается с дефиницией типа текста. Коммуникативная функция, коммуникативная интенция — это одна из характеристик, отличающих один тип текста от другого: тип текста — это «форма текста, в которой реализу-

¹ Ср., например, определение О. И. Москальской, подчеркивающее смысловую, коммуникативную и структурную целостность текста [3, с. 17–26], или определение авторов «Краткого словаря лингвистических терминов»: «Текст — осмысленная последовательность словесных знаков, обладающая свойствами связности и цельности, а также свойством невыводимости общего смысла из простой суммы значений составляющих» [1, с. 127].

ется коммуникативное намерение говорящего и которая строится по определенным правилам и нормам» [5, с. 189–190].

Коммуникативная функция загадки заключается в постановке вопроса, отгадка которого ожидается от адресата и осложнена определенным кодом, скрытым в тексте загадки. «Задачей является разгадывание известного предмета или процесса, которое усложнено одновременно скрывающим и раскрывающим описанием, увлечением в сторону и выведением на истинный путь, раздвоением между эмоциональным зрительным восприятием и работой ума» [12, с. 111]. По типу кодирования и шифрования Ф. Шупп предлагает выделять различные типы загадок: «В зависимости от того, касается ли кодирование значения слова или соответствующего предмета, представлен ли особый шрифт, говорят о смысловой, словесной, слоговой, буквенной или картиночной загадке (ребусе)... Обычно к стратегии отгадки относится распознавание того кода, которым пользуется автор загадки» [17, с. 195]. Улла Фикс также подчеркивает деятельностный характер загадки: «Они (загадки) производятся, «задаются» (то есть выражаются) и решаются во взаимосвязи этих действий, с намерением действия, <...> которое является обязательным, исходя из содержания и формы типа текста» [7, с. 199].

Обратимся к особенностям оформления загадки в истории немецкого языка.

Роберт Петч в своей монографии «*Spruchdichtung des Volkes*» дает подробный обзор наследия народной немецкой пражгадки и вопросов для испытания (*Urrätsel und Probefragen*). При этом он говорит о генетической связи загадки с волшебными заклинаниями (*Zauberformeln*) и мудрыми изречениями (*Weisheitssprüche*) [15, с. 134]. Р. Петч различает так называемые «полузагадки» (*Halbrätsel*), к которым относятся шуточные вопросы (*Scherzfragen*), вопросы на проверку знаний (*Wissensfragen*) и, наконец, вопросы на проверку остроумия (*Scharfsinnproben*) [15, с. 136–138]. Говоря о подлинных народных загадках (*die echten Volksrätsel*), Р. Петч отмечает их рамочное построение, а именно: наличие ядерных элементов, обрамленных с одной стороны вступительным рамочным элементом (побуждение-вступление, *einführende*

Aufforderung) и с другой стороны — завершающим или замыкающим рамочным элементом (завершающий вопрос, abschließende Fragen) [15, с. 141]. Эти рамочные элементы, по мнению Р. Петча, представлены во всех загадках и служат для определенного объединения загадок в единое целое (Abrundung) [15, с. 156].

В ядерном элементе называется предмет загадки, который «предстает намного красочнее, богаче по форме и отношениям, чем в действительности» [15, с. 142], при этом многообразие возможных наименований варьируется «между двумя полюсами от неопределенного „es“ до наименования, кажущегося точным, единственно возможным и определенным» [15, с. 142]. Наименование предмета представляет собой важную составляющую загадки, намного более значимую, чем в других поэтических жанрах, здесь оно уже включает в себя описание [15, с. 145]. В описании предмета загадки наиболее существенными являются характеристики, уводящие адресата загадки по ложному пути. В этой неоднозначности, двусмысленности, согласно Р. Петчу, заключена «душа самого искусства загадки» [15, с. 147].

В своей работе «Das deutsche Volksrätsel» Р. Петч также говорит о том, что кроме «собственно ядра загадки, которое представляет собой описание предмета в какой-либо форме, у большинства загадок выделяются вступительный и, возможно, также и завершающий рамочный элемент. Они содержат призыв отгадать загадку <...>, подчеркивают сложность задания и указывают на некое вознаграждение, причитающееся за правильный ответ; также встречаются угрозы за неверный ответ» [14, с. 77]. Ядерные элементы Р. Петч предлагает в этой работе разделить на наименование (Benennung) и описание (Beschreibung), отмечая при этом, что они зачастую связаны друг с другом. «Описание в узком смысле может быть нацелено на предмет или на процесс как некое целое и характеризовать его, указывая на одно или несколько свойств; если мы имеем дело с несколькими составляющими, которые подлежат описанию, то это может, с одной стороны, способствовать разгадке, а, с другой — препятствовать этому» [14, с. 77–78]. О наличии такого приводящего в заблуждение элемента говорят многие авторы. Так, к примеру, Ренате

Ласло, анализируя загадку о винной бочке (Weinfassrätsel) в ее различных германских интерпретациях, отмечает, что и средневерхненемецкая, и староанглийская загадки начинаются с описания происхождения бочки — дерева, наталкивая адресата загадки на ложный след, так как ему в первую очередь приходит в голову наиболее очевидное, тоже изготовленное из дерева — крест. Средневерхненемецкая загадка еще более усиливает ошибочную ассоциацию, поскольку в ней говорится, что «это пришло сверху» («es ist von oben gekommen»). В результате адресат загадки интуитивно думает о небе, ассоциируя предмет загадки с Христом [11, с. 44].

Если обратиться к уже цитированному в данной статье словарю Metzler-Literatur-Lexikon, то среди прочих важных характеристик формы загадки мы также встретим наличие приводящих в заблуждение описаний предмета: загадку отличают «образно-конкретное описание предмета, лица, события, абстрактного понятия и пр., что должно быть разгадано. Способ кодирования, чаще всего деперсонификация или персонификация, мистическое возвеличивание, метафоры на основе сходных семантических признаков, многозначных высказываний или приводящих в заблуждение отправных моментов, все это находится в более или менее понятной связи с решением загадки» [12, с. 35].

Авторские загадки основаны на традиции народной загадки, но обладают некоторой спецификой. Если же обратиться к народным загадкам, приведенным в сборнике «Rat zu, was ist das. Rätsel und Scherzfragen aus fünf Jahrhunderten» под редакцией У. Бенциена, то неизбежно бросается в глаза, что оформление начала в народной загадке более клишировано, чем в авторской. Практически все они начинаются либо с императивной формы глагола «raten», либо с существительного «ein Frag»:

Ratet:/ Es ist von oben herab kommen / Hat viel Leidens an sich genommen... (24)¹

Ratet all samt gemein / Ein Ding sauber und rein,... (25)

¹ Нумерация загадок, а также их орфографическое оформление здесь и далее приводится согласно источнику [16].

Ratet jung und olde, wat dat sie: / Jedermann macht dat don frie... (126)

Nun *ratet*, was ist das: / Es ist trucken und naß... (38)

Rat: / Ich sah drei starker, waren fast groß... (27)

Rat, was ist das: / Es ist höher dann der Himmel... (115)

Ein Frag: / Welches Welcher Dreck ein Landschad sei? (105)

Отсутствие такого начала, явно определяющего текст как загадку, нетипично для народной загадки. Из более 100 примеров народных загадок, приведенных в сборнике, изданном Ульрихом Бенциеном, таких примеров всего 5 (под номерами 40, 62, 63, 65, 125).

После вступительного побуждения к отгадыванию народные загадки могут содержать прямой вопрос с вопросительным словом, или же вопрос в начале загадки может быть оформлен с помощью союза «об»:

Ein Frag: *Wer* geschrien hab, daß die ganz Welt hört? (70)

Rat: *Worauf* staht der Christen Glaub? (90)

Ein Frag: *Wann* das gemein Volk den Priestern die höchst Gehorsam beweisen? (93)

Rat: *Was* geht ins Holz beißen und heraus scheißen? (121)

Rat: *Ob* besser wäre, daß die Mühl brenn oder das Frauenhaus? (79)

Ein Frag: *Ob* leidlicher wär, daß man nit Priester hätt oder nit Hund hätt? (94)

Что же касается авторских загадок, то начальный элемент рамочной конструкции тоже чаще всего содержит вопрос об объекте загадки, но отличается бóльшим разнообразием оформления. Так, в загадке Райнмара видим в начале текста прямой вопрос об объекте загадки «waz daz si», которой предваряется формулой «nu merket», предназначенной для установления контакта с адресатом:

Nu merket, waz daz si, durch Got, / daz da nie erstarp...
(*Reinmar von Zweter*, 1)¹

¹ Нумерация авторских загадок здесь и далее приводится по источнику [13].

В следующем примере вопрос об объекте загадки — *waz daz si* — предваряется косвенным побуждением к отгадыванию загадки — *wil ieman raten*:

wil ieman raten, waz daz si? / êst hinter danne ein loup und ist noch swærer danne / ein bli, / êst groezer danne ein berc... (Reinmar von Zweter, 2)

Побуждение к отгадыванию может сопровождаться обещанием определенных «благ» в случае правильного ответа на вопрос:

Daz ich dich frâge, sage mir daz, / sô weiz ich, dû bist wîse, / rætstûz, ich lâze ez âne haz / und dâ zu sunder nît. (Kelin, 9)

Косвенное побуждение к толкованию загадки может содержать рассуждения о сложности поставленного вопроса. Именно так оформлено начало загадки Зингауфа (Singauf):

Swer ein durchgründic meister sî, / der nenne auch spæher meister drî / ze helfe ûf diz gediute:... (Singauf, 10)

Попытка заинтересовать адресата некими благами за решение загадки не была изобретением средневековых авторов. Этот прием был заимствован ими из народной загадки. Так, зачастую концовка народной загадки содержит некое обещание вознаграждения, например:

... bescheid't ihr mich der eben, / ich wird euch Dank geben. (61)
... ich lob dich frei, kannst du mir es sagen. (62)

Вопрос об объекте загадки необязательно привязан к ее началу. Так, в загадке Райнмара вопрос и побуждение к отгадыванию повторяется в середине текста:

...: nu rat, / was mac daz sin? (Reinmar von Zweter, 2)

Побуждение к отгадыванию может быть и ближе к концу (а) или в самом конце загадки (б):

(a) *der vrouwen namen. Meister, rat, den tiuvel hat si ze e genomen, / die vrouwen hat uns got gegeben ze schaden und ze vromen. (Friedrich von Sonnenburg, 12)*

(6) ... sîn zagel ist spitzic und nicht lanc, / trâc ist sîn ganc, / sîten smal, sîn rugge ruch: daz râte, swer ez welle! (*Boppe*, 8)

Кстати, в народной загадке побуждение к отгадыванию также может содержаться в ее концовке, например:

... sag, gutter Freund, was ist das? (34)

... — ist die Frag, wie das geschehen mög. (63)

... ist die Frag, wie sie einander verwandt gewest sind. (66)

... — Nun ist die Frag, wie das geschehen sei. (67)

Такого рода побуждения и вопросы могут быть буквальными повторами текстовых элементов загадки или иметь самостоятельный статус.

В то же время нередки случаи авторских загадок, которые не содержат прямого вопроса или побуждения к отгадыванию загадки. Таковы загадки Мастера Штолле (*Meister Stolle*), Хардеггера (*Hardegger*), Марнера (*Marner*), одна из загадок Боппе (*Boppe*).

Ядро загадки содержит непосредственную характеристику объекта загадки. При этом автор часто прибегает к метафорам (а) и сравнениям (б):

(a) dar inne wont ein wurm von wunderliicher aht. / ... sîn munt hât gran und niender zene, sîn hals ist kürz, ôrn und ougen kleine... (*Boppe*, 8)

(б) küen alsam ein eberswin (*Boppe*, 8); ez ist als alt alsô der man, / der keine muoter nie gewan. / ez ist noch tumber wari ein kint,... (*Singauf*, 10)

В загадке Боппе (*Boppe*) встречается очень интересный способ характеристики объекта загадки — от противного, перечисляется то, чего он не имеет, или называются те характеристики, которыми он не обладает:

unvüeric lîp, und ist gar ân gebeine... / érn hât herze, leber noch die lungen,
sechs âne vüeze bein er hât... (*Boppe*, 8)

Такой же ход встречаем и в загадках других авторов:

ein künic ez **nicht** betwingen mac / ûf wasser **noch** ûf îse (*Kelin*, 9)

ezne hât **weder** vuoꝝ **noch** hende (*Singauf*, 10).

Характеристика, сбивающая адресата с толку, о которой уже говорилось выше, может содержать антонимы, которые параллельно применяются в описании объекта загадки:

ein ieslîch mensche hât es ein teil. / eist **reine** und **unreine**. / ez vüegēt **vromen** und dar zu **meil**. / ez wirt **grôz** unde **kleine**... (*Kelin*, 9)

Ein vrouwe ist **starc**, **schoene** unde **kranc** und ist dabi gar **alt**, / diu vrouwe ist **wis**, diu vrouwe ist **tump**... / <...> die vrouwen hat uns got gegeben ze **schaden** und ze **vromen**. (*Friedrich von Sonnenburg*, 12)

Итак, основными текстообразующими элементами средневековой немецкой загадки являются содержащееся в ней побуждение к отгадыванию, выраженное чаще всего эксплицитно, и наличие не прямой, а закодированной характеристики объекта. Композиционно большинство загадок распадаются на три основные части: начало, ядро и концовка. При этом начало и концовка содержат чаще всего побуждение к отгадыванию, иногда сопровождающееся угрозами в случае неудачного решения заданного вопроса или, наоборот, обещаниями некоего вознаграждения. Начальный и конечный текстовые элементы образуют рамку вокруг ядра, в котором дается характеристика объекта загадки, уводящая адресата от правильного ответа посредством того или иного кодирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. А., Васильева Н. В., Шахнарович А. М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Русский язык, 1995. 176 с.
2. *Лингвистический энциклопедический словарь* / под. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/507a.html> (дата обращения: 15.01.2014).

3. *Москальская О. И.* Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 152 с.
4. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Изд-во Института славяноведения РАН, 1995. 680 с.
5. *Филиппов К. А.* Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 336 с.
6. *Bußmann Hadumod* (Hg.) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2008. 385 S.
7. *Fix Ulla* *Texte und Textsorten: sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. 506 S.
8. *Gansel Christina*. *Textsortenlinguistik*. Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht GmbH, 2011. 270 S.
9. *Göpferich Susanne*. *Textsorten in Naturwissenschaften und Technik. Pragmatische Typologie — Kontrastierung — Translation*. Tübingen: Narr, 1995.
10. *Jolles André*. *Einfache Formen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1972. 228 S.
11. *Laszlo Renate*. *Germanische Rätsel in der Literatur des Mittelalters*. Marburg: Tectum Verlag, 2003. 123 S.
12. *Metzler-Literatur-Lexikon: Stichwörter zur Weltliteratur*. Günther und Irmgard Schweikle (Hrsg.). Stuttgart, 1984. 497 S.
13. *Mittelhochdeutsche Sangspruchdichtung des 13. Jahrhunderts*. Theodor Nolte und Volker Schupp (Hrsg.). Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2011. 515 S.
14. *Petsch Robert*. *Das Deutsche Volksrätsel*. K. J. Trübner, 1917. 88 S.
15. *Petsch Robert*. *Spruchdichtung des Volkes*. Max Niemeyer, 1938. 202 S.
16. *Rat zu, was ist das. Rätsel und Scherzfragen aus fünf Jahrhunderten*. Ulrich Bentzien (Hrsg.). Rostock: Hinstorff, 1982. 288 S.
17. *Schupp Volker*. *Rätsel // Kleine literarische Formen in Einzeldarstellungen*. Stuttgart: Reclam, 2002. S. 191–210.

REFERENCES

1. Vinogradov V.A., Vasil'eva N.V., Shakhnarovich A.M. *Kratkii slovar' lingvisticheskikh terminov* [The Concise Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Russkii iazyk, 1995. 176 s.
2. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*, pod. red. V.N. Iartseva [The Encyclopaedic Dictionary of Linguistics, ed. by V.N. Yartsev]. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia Publ., 1990. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/507a.html> (accessed: 15.01.2014).

3. Moskaľskaia O.I. *Grammatika teksta* [Text Grammar]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1981. 152 s.
4. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar'*, pod red. N.I. Tolstogo [The Slavic Antiquities: A Dictionary of Ethnolinguistics] T. 2. Moscow, Izd-vo Instituta slavianovedeniia RAN, 1995. 680 s.
5. Filippov K.A. *Lingvistika teksta: Kurs leksii* [Text Linguistics: A Series of Lectures]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. 336 s.
6. Bußmann Hadumod (Hg.) *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag, 2008. 385 S.
7. Fix U. *Texte und Textsorten: sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin, Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. 506 S.
8. Gansel Ch. *Textsortenlinguistik*. Göttingen, Vanderhoeck & Ruprecht GmbH, 2011. 270 S.
9. Göpferich S. *Textsorten in Naturwissenschaften und Technik. Pragmatische Typologie — Kontrastierung — Translation*. Tübingen, Narr, 1995.
10. Jolles A. *Einfache Formen*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1972. 228 S.
11. Laszlo R. *Germanische Rätsel in der Literatur des Mittelalters*. Marburg, Tectum Verlag, 2003. 123 S.
12. *Metzler-Literatur-Lexikon: Stichwörter zur Weltliteratur*. Günther und Irmgard Schweikle (Hrsg.). Stuttgart, 1984. 497 S.
13. *Mittelhochdeutsche Sangspruchdichtung des 13. Jahrhunderts*. Theodor Nolte und Volker Schupp (Hrsg.). Stuttgart, Philipp Reclam jun., 2011. 515 S.
14. Petsch R. *Das Deutsche Volksrätsel*. K.J. Trübner, 1917. 88 S.
15. Petsch R. *Spruchdichtung des Volkes*. Max Niemeyer, 1938. 202 S.
16. *Rat zu, was ist das. Rätsel und Scherzfragen aus fünf Jahrhunderten*. Ulrich Bentzien (Hrsg.). Rostock, Hinstorff, 1982. 288 S.
17. Schupp Volker. *Rätsel*. Kleine literarische Formen in Einzeldarstellungen. Stuttgart, Reclam, 2002. S. 191–210.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Lilia F. Birr-Tsurkan

Docent of German Philology Department, Candidate of Philological Sciences,
St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: LiljaTs@mail.ru

СТАТУС И ФУНКЦИИ «ИЗОБРАЖЕННОЙ РЕЧИ» В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: художественный нарратив, речевая деятельность, автор, персонаж, изображенная речь, вид речи, повествователь, повествовательная речь, модель речевого поведения, система, структура.

В статье интерпретируются образно-художественные и функциональные особенности повествовательной речи и речи персонажей в художественном нарративе, которые рассматриваются как «вторичный слой» в определенной модели речевого поведения автора текста, отражающий специфику не только художественно обусловленной речевой деятельности как таковой, но и индивидуального мировосприятия и стиля писателя.

E. A. GONCHAROVA

Herzen State Pedagogical University of Russia

THE STATUS AND FUNCTIONS OF REPRESENTED SPEECH IN FICTIONAL NARRATIVE TEXT

Keywords: fictional narrative, speech activity, author, character, represented speech, type of speech, narrator, narrative speech, model of speech activity, system, structure.

The paper dwells on the figurative and the functional features of narrative speech and the speech of characters in fictional narrative. The features are treated as a “secondary layer” in the model of the author’s speech activity, this model, in its turn, is understood as reflecting not only the specificity of artistically determined speech activity, but also of the authors’ individual vision of reality an individual style.

*Im ganzen ist der Stil eines Schriftstellers
ein treuer Abdruck seines Innern.*

Goethe, zu Eckermann, am 14.4.1824¹

Повествовательный художественный текст представляет собой одну из форм фиксации нарратива с помощью языка, в которой на сверхличный опыт (дискурсивного) освоения мира создателем текста накладывается его индивидуальное поэтическое мировосприятие, что служит импульсом для вступления в коммуникативно-когнитивный процесс другого субъекта (читателя). Будучи рассказом о событии(-ях), по определению немислимого(-ых) без участвующего в них и обеспечивающего их динамику человека, литературный повествовательный текст не может не включать в свою композицию и архитеконику изображение разных видов устной и письменной, а также внутренней речи, принадлежащих участникам (художественных) событий в качестве одного из главных способов их существования в фикциональном мире художественного нарратива.

Приобретая в художественном тексте, как и все остальные его элементы, изобразительный, или образный, характер, эти виды речи имеют в то же время свои аналоги в определенном историческом, социально-культурном и индивидуально-психологическом срезе так называемого реального мира, интересном для автора литературно-художественного нарратива. При этом естественные, «реально» используемые людьми формы речи нужны автору текста в первую очередь как один из способов для образного — обобщающего и, одновременно с этим, индивидуализирующего — воплощения фигур персонажей, которые, существуя в событийном мире, созданном воображением писателя, совершают определенные, в том числе мыслительные и/или речевые, действия. Исходя из этого, все виды речи персонажа, включенные в структуру повествовательного художественного текста, можно объединить общим термином «изображенная речь».

¹ Цит по: *Puntsch E.* Das neue Zitatensbuch. Eine besondere Auswahl aus drei Jahrtausenden. Augsburg: Bechtermünzverlag, 1997. S. 858.

Концептуальная сущность приведенного термина обусловлена следующими инвариантными признаками речи персонажа художественного нарратива как таковой. Во-первых, это «чужое слово» [3, с. 144–178], или включенная в нарративный текст «чужая» речь, с более сложной референтной ситуацией, чем его главная, собственно нарративная, или повествовательная, ситуация, поскольку за ней стоит акциональный субъект, участвующий в сюжетных событиях нарратива и определяющий их динамику. Во-вторых, как уже отмечалось, эта речь принадлежит субъектам, существующим не в так называемом реальном мире, а в воображаемом мире другого субъекта — создателя художественного нарратива.

В-третьих, эта речь воссоздается в структуре текста с «точки зрения» определенного типа повествователя, избираемого автором художественного нарративного текста в зависимости от его творческого замысла, входя тем самым в список координат, характеризующих повествовательную ситуацию нарратива. Последнее обуславливает и специфику рецепции речи действующих лиц читателем/интерпретатором, отличную от особенностей восприятия как речи повествователя, так и «реальной» живой разговорной речи. Передача информации от адресанта к адресату в реальной коммуникации идет сразу по нескольким, синхронно действующим перцепционным каналам: словесному, мимико-жестикуляционному, тонально-интонационному и др. При чтении же художественного текста читатель воспринимает речь персонажей как линейно протяженный словесный ряд, графическое и синтаксическое оформление которого дает опосредованное представление о фразовой интонации. Мимико-жестикуляционная и ситуативная информация передаются либо словесным составом речи, либо дополнительно комментируются в речи нарратора. Это требует от читателя определенного напряжения внимания и мыслительной деятельности и свидетельствует о возрастании в его рецептивной ситуации роли психологической апперцепции.

И, наконец, в-четвертых, все виды «чужой речи», включаемые автором в структуру художественного повествовательного тек-

ста, имитируют в совокупности так называемую реальную речь в границах этнокультурного и языкового опыта самого писателя, отражая при этом его знание особенностей речевого узуса художественно познаваемого времени и социального пространства, а также индивидуальные лингвостилистические предпочтения.

Из перечисленных инвариантных признаков вытекает такая универсальная гносеологическая характеристика речи действующих лиц в литературно-художественном нарративе, как ее безусловный объектный характер. Являясь одним из (главных) средств изобразительного показа участников литературных событий, эта разновидность речи служит автору текста не только материалом для характерологической акцентуации образов персонажей, но и, одновременно с этим, самостоятельным *предметом* литературного изображения. Приписывая определенному персонажу совокупность речевых высказываний и характеризуя его тем самым как «языковую личность» (по Караулову) [11], автор — как имманентный субъект художественного познания и речи в литературном нарративе — проявляет и свое индивидуальное отношение к живому общенародному языку. Он не создает новую языковую систему, а воспроизводит в нужных ему смыслах, комбинациях и функциях языковые единицы, уже существующие в национальном языковом сознании и в его личном опыте, который возникает и существует как часть этого сознания. Тем самым в процессе написания художественного повествовательного текста автор одновременно участвует в процессе творческого познания и обогащения родного языка, бессознательно включая его в объекты литературно-художественного переживания и субъективного «присвоения».

«Авторский язык», репрезентируемый в художественном нарративе, в том числе и через организуемую и направляемую создателем текста речевую деятельность его персонажей, становится одним из объектов литературного познания и переживания для читателя. Последний воспринимает на определенном автоматизированном, то есть нейтральном, языковом фоне наиболее поразившие его в силу ярких поэтических функций или формально-смысловой необычности языковые и речевые едини-

цы текста. Он запоминает эти единицы как особенности «моду-са формулирования» повествовательно-художественного текста, а также как сигналы индивидуального стиля писателя, и может использовать их в собственной речевой деятельности, придавая им новые, индивидуальные смыслы.

На основе разных видов «изображенной» речи (прямой, косвенной, несобственно-прямой и др.) в структуре текста актуализируется некая *модель речевого поведения персонажа*, органично связанная с характером интерпретации автором нарративного события(-ий) и его/их участников. В основе этой интерпретации лежит «авторская концепция мира», или «авторский образ» (фрагмента) мира, репрезентируемый созданным автором и воспринимаемым читателем повествовательно-речевым произведением. В процессе текстовой реализации своей «концепции мира» автор создает определенные модели речевого поведения персонажа, в которых могут быть представлены как разные виды речи, что наиболее характерно для персонажей, играющих главную роль в композиционно-сюжетном продвижении текста, так и преобладать какой-то один из них. И тот и другой случай представляют собой отдельные разновидности «повествовательной техники», соответствующей авторскому замыслу и обеспечивающей его текстовую репрезентацию.

Так, например, Томас Манн раскрывает главную тему своего романа «Buddenbrooks» — социальное и физическое угасание любекского купеческого рода, его постепенный разлад с буржуазным миром и приобщение к миру искусства, в том числе и с помощью разных моделей речевого поведения мужских представителей этого рода. Речь Будденброка-старшего и его сына представлена, в основном, изображенной прямой речью, причем в модели речевого поведения Иоганна практически не присутствует внутренняя речь, а у Жана ее фрагменты очень редки. Прямая речь Иоганна отличается стилистической неоднородностью: в ней присутствуют нижненемецкий диалект, литературная норма и французский язык. Сознательно используемый автором стилистический фактор полигlossии свидетельствует о том, что родоначальник фирмы — выходец из демократических слоев,

приверженец просветительских идей Франции, достигший собственным трудом и энергией определенного уровня образования и социального благополучия.

Его сын Жан — человек иного духовного склада, в нем нет размаха и энергии отца: в делах фирмы он, скорее, исполнитель, чем деятель; его внутренний мир отличают от мира отца религиозность и подчинение социальным условностям. Изображенная (преимущественно прямая произнесенная) речь этого персонажа стилистически однородна и приближена к образованному разговорному узусу. Для нее характерны замедленный темп и грамматическая корректность построения отдельной фразы.

Повышенная духовность, нарастающее утрачивание душевных сил в борьбе за внешнее благополучие находят отражение в модели речевого поведения представителя третьего поколения Будденброков — Томаса. У него снижается удельный вес внешних форм речевой деятельности (прямая, косвенная речь) и возрастает роль протяженных сегментов несобственно-прямой речи и внутреннего монолога. В речевой структуре образа персонажа важную роль играет и стилистическая фигура контраста (контраст деталей внешнего поведения и смысловых доминант внутренней речи, многочисленные композиционно-смысловые антитезы в отдельных фрагментах изображенной внутренней речи и др.).

И, наконец, представитель четвертого поколения, Ханно, живет в романе преимущественно внутренней жизнью. Уже при описании внешности юного героя Т. Манн фокусирует внимание читателя на такой художественной детали как его почти всегда сомкнутые губы (*festgeschlossener Mund, die geschlossenen Lippen*). Эта соматическая деталь подчеркивает молчаливость Ханно, его погруженность в мир утонченных чувств и болезненных рефлексий. В модели речевого поведения героя наблюдается абсолютное преобладание несобственно-прямой и изображенной прямой внутренней речи.

В качестве достаточно редкого примера повествовательного художественного текста, в котором основу нарративной модели речевого поведения разных персонажей составляет один вид изо-

браженной речи, можно привести роман Даниэля Кельмана «Die Vermessung der Welt», признанный критикой как одно из наиболее успешных произведений в истории послевоенной немецкой литературы [17, с. 2]. В этом романе — художественной биографии двух немецких ученых, математика К. Фр. Гаусса и естествоиспытателя, географа и путешественника А. Гумбольдта — «изображенная речь» персонажей практически всегда имеет форму косвенной речи, которая создает, по собственному признанию автора, атмосферу «мнимой объективности» (Scheinobjektivität) [16]. И достаточно объемные устные диалоги, и монологи главных героев, и их внутренние рефлексии передаются в тексте этим видом речи. Сегменты косвенной речи в структуре образа Гаусса являются при этом одним из главных средств изображения его внутренней речи, благодаря чему в нарративе рождается образ ученого, существующего преимущественно в замкнутом пространстве собственных математических исчислений мира. В структуре же образа географа и путешественника Гумбольдта этот вид речи передает, как правило, его произносимые слова, что характеризует ученого, прежде всего, как практического деятеля.

Косвенная речь, в отличие от прямой речи, аутентично воспроизводящая высказывания говорящих, осуществляет их перекодировку от лица рассказчика. По меткому замечанию К. А. Долинина, «прямая речь — это *показ* чужого слова, а косвенная — *рассказ* о нем» (курсив наш. — Е. Г.) [8, с. 226]. Косвенно «пересказываемая» речь своих персонажей от лица повествователя, исторически отдаленного от них, Д. Кельман передает не столько персональную психологическую и эмоциональную тональность высказываний протагонистов, сколько предметное содержание речи и информацию, связанную, в первую очередь, с их мировоззрением и научными взглядами. Это объясняется общими особенностями «рафинированной литературной игры с реальностью и фикцией», предлагаемой читателю в этом произведении [16]. Роман представляет собой не строгую историческую биографию двух известных представителей немецкого Просвещения, которое, как известно, было сосредоточено на познании

«естественного порядка», соответствующего подлинной природе человека и общества. Это остроумное литературно-художественное повествование о «научных приключениях» двух разных типов ученого, объединенных, по воле автора, современного интеллигента-философа, общим мотивом слияния в одной личности гения и асоциального, чудаковатого оригинала, величия исследовательского духа и ограниченности, мелочности повседневного физического существования.

Для композиции романа характерен глубокий иронический дискуссионный подтекст косвенной речи, органично включенной в аукториальное повествование. Разгадывание этого контекста помогает читателю узнать и авторскую точку зрения на многие явления, например, на особенности художественного познания мира. Она отлична от мнения двух великих «ученых умов», которые не воспринимают «скучный» театр и «книги, в которых нет чисел». Во фрагментах текста, передающих в косвенной речи рассуждения Гаусса и Гумбольдта об искусстве, содержится не только не лишняя внутренняя комизма оценка их мнения, но и самоирония автора по поводу своего собственного литературного жизнеописания этих исторических персонажей:

Ihm <...> habe Literatur ja nie viel gesagt. Bücher ohne Zahlen beunruhigen ihn. Im Theater habe er sich stets gelangweilt.

Ganz richtig, rief Gauß.

Künstler vergäßen zu leicht ihre Aufgabe: das Vorzeigen dessen, was sei. Künstler hielten Abweichungen für eine Stärke, aber Erfundenes verwirre die Menschen, Stilisierung verfälsche die Welt. Bühnenbilder etwa, die nicht verbergen wollten, daß sie aus Pappe seien, englische Gemälde, deren Hintergrund in Ölsauce verschwimme, Romane, die sich in Lügenmärchen verlören, weil der Verfasser seine Flausen an die Namen geschichtlicher Personen binde.

Abscheulich, sagte Gauß. [17, с. 281]

Благодаря не в последнюю очередь подобным речевым пассажам, рождается особая «привлекательность» этого текста, отмечаемая немецкой литературной критикой: «Der Reiz des Textes

liegt nicht in der Erkenntnis: ‚So ist es damals gewesen, sondern im Spiel mit den Möglichkeiten: ‚So könnte es gewesen sein› [19].

Приведенные примеры наглядно показывают, что «модели речевого поведения персонажа», представленные в художественном нарративе комбинацией разных видов «изображенной речи», неотъемлемы, как уже отмечалось выше, от «авторского образа» изображаемых в нем нарративного(-ых) события(-ий). Автор повествовательного текста играет в процессе его порождения и последующей художественной коммуникации с читателем коммуникативно-когнитивную роль «опосредующей инстанции». Являясь имманентным ментально-речевым субъектом художественного нарратива, он придает неким фабульным событиям (конкретным единичным или повторяющимся жизненным перипетиям, поступкам, действиям и высказываниям людей) характер сюжетных событий [ср. 9, с. 178–181], динамические смысловые отношения между которыми определяют развитие сюжета, или сюжетную композицию, повествовательного художественного произведения. В сюжетную композицию текста входят и художественные образы персонажей, каждый из которых представляет собой особым образом структурированную динамическую композиционно-смысловую *подсистему* в *системе* целостного текста.

Подтверждением тезиса о системно-структурной сущности художественного образа персонажа как одной из центральных смысловых категорий художественного нарративного текста могут служить слова одного из классиков отечественной теории художественного текста Л. Я. Гинзбург, которая отмечает, что «...литературный герой был всегда центром литературного произведения, *мерой его конструкции* (курсив наш. — Е. Г.)» [5, с. 137]. Создание «конструкции» повествовательного литературного текста является универсальной ментально-речевой функцией автора, реализующей как его общую художественно-речевую стратегию, так и частные речевые действия, или образно-речевые приемы, из которых складываются *система* и *структура* цельного текста. Особенности литературно-художественного освоения мира с помощью языка вынуждают автора при

выполнении этой функции «балансировать» между ментально-речевыми техниками *мимесиса*, то есть прямого подражания так называемой реальной действительности, и *диегесиса*, то есть ее нарративного представления [2, с. 10–26 и др.].

Миметическая логика художественно-повествовательного изображения заключается в (мнимой) похожести определенных сюжетных коллизий, их персонажей и действий на реальные жизненные ситуации, которые автор черпает из опыта личных переживаний и непосредственных наблюдений. Диегетический же принцип презентации художественного сюжета, связанный с «опосредованным» художественным восприятием мира, создает, помимо всего прочего, уникальный вид речи, лежащий в основе композиции и архитектоники художественного нарратива, так называемую *повествовательную речь*, или *речь повествователя* (*рассказчика*). Этот вид речи играет для текста, рассказывающего о каком-то/каких-то сюжетном(-ых) событии(-ях), символическую роль, так как на его основе фиксируется «процессуальность самоосуществления как форма бытия повествующего текста» [10, с. 327]. Функция сообщения событийной информации в этом виде речи органично связывается с процедурой ее интерпретации.

О неразрывной связи мимесиса и диегесиса в словесно-художественном творчестве пишут и сами его представители, в частности, Томас Манн, который отмечал: «Die Fähigkeit, das Leben, und was es mit sich bringt, zu schätzen, ist die Haupt- und Grundfähigkeit des Dichters, denn ein Dichter sein, heißt nicht, sich etwas ausdenken, es heißt, sich aus den Dingen etwas machen. Und wiederum: sich etwas machen aus den Dingen, heißt, sich etwas bei ihnen denken» [18, с. 244]. Сам писатель, как известно, обладал удивительным даром глубокого философского и художественно-психологического осмысления, казалось бы, незначительных событий и людских характеров, которые он включал в повествование своих романов и новелл, сопровождая их множеством образных деталей, связанных своими корнями с реальными наблюдениями и переживаниями самого Томаса Манна.

Можно привести другие примеры того, как писатели, опираясь в качестве начального импульса творческого литературного про-

цесса на какие-то реальные (исторические) события, «переживали» их и создавали на основе этих событий и их участников фикциональные образы с множеством новых — иногда весьма далеких от их реальных прототипов — художественных деталей и смыслов.

Приведем в качестве иллюстрации один из таких примеров. Х. Фаллада, автор недавно вновь приобретенного интерес читателей романа «Jeder stirbt für sich allein», который в 2011 году был впервые издан в Германии в несокращенном виде, использовал в своем художественном повествовании о супругах Отто и Анне Квангель реальную историю Отто и Элизы Хампель. Эта супружеская пара во время Второй Мировой войны в течение двух лет распространяла в Берлине открытки антифашистского содержания, затем была по доносу арестована и в 1943 году казнена. Х. Фаллада сохраняет в общих чертах историю Хампелей, черпая документальные сведения об их судебном процессе в криминальной хронике того времени и в архивах. В то же время его художественное повествование о простой немецкой семье, которая потеряла на гитлеровской войне сына и нашла в себе после этого мужество восстать против фашистского режима, обрастает новыми, вымышленными персонажами и сюжетными эпизодами. Большое число сюжетных подробностей и характерологических деталей, вероятно, были знакомы самому Х. Фалладе, который оставался в годы нацистского режима на территории Германии.

Вот что по этому поводу писал сам писатель в обращении к читателю в предисловии к первому изданию романа в 1947 году: «Die Geschehnisse dieses Buches folgen in großen Zügen Akten der Gestapo über die illegale Tätigkeit eines Berliner Arbeiterhepaares während der Jahre 1940 bis 1942. Nur in großen Zügen — ein Roman hat eigene Gesetze und kann nicht in allem der Wirklichkeit folgen. Darum hat es der Verfasser auch vermieden, Authentisches über das Privatleben dieser beiden Menschen zu erfahren: er mußte sie so schildern, wie sie ihm vor Augen standen. Sie sind also zwei Gestalten der Phantasie, wie auch alle anderen Figuren dieses Romans frei erfunden sind. Trotzdem glaubt der Verfasser an die innere Wahrheit des Erzählten, wenn auch manche Einzelheit den tatsächlichen Verhältnissen nicht ganz entspricht» [15, с. 5].

Если при интерпретации приведенного авторского высказывания воспользоваться словами В. В. Виноградова, сказанными им однажды по поводу «Пиковой дамы» Пушкина, то «внутренняя правда» повествования, о которой говорит сам Фаллада, или его «символический реализм» (по Виноградову), рождается в результате синтеза «истории» и «поэзии» [4, с. 203]. «Законы романа», иными словами, параметры художественного нарратива, не позволили автору, по его собственному признанию, документально показать судьбу Отто и Элизы Хампель: в их образных «аналогах», как и в фигурах других действующих лиц, присутствуют пристрастный «взгляд» автора (*wie sie ihm vor Augen standen*) и его «фантазия» (*Gestalten der Phantasie, frei erfunden*).

Конструктивную основу повествовательной речи — как вторичного способа реализации ментально-речевой функции автора в художественном нарративе — составляет *перспективация* художественного изображения некоего/неких события(-ий), то есть сюжетно-композиционное развертывание прозаического текста под знаком либо единой, объемлющей весь текст повествовательной «точки зрения», либо определенного множества меняющихся друг друга «точек зрения», избираемых (как сознательно, так и бессознательно) автором текста для осуществления его художественного замысла и нарративного «скрепления» отдельных частей текстового целого. «Перспективация <...> является функцией *образа автора* как интенционального, креативного начала повествовательного дискурса, но также и функцией *образцового* (по У. Эко) читателя, который, опираясь на расставленные автором в процессе вербализации нарративной текстовой конструкции „вехи“ (средства прагматического фокусирования), идентифицирует эти точки зрения в процессе чтения текста» [1, с. 60].

Характер перспективации, как и в целом художественный образ нарративного события, реконструируемый читателем в процессе восприятия повествовательного текста, органично связан со способом(-ами) речевого структурирования образов (1) субъекта повествовательной речи (повествователя) и (2) персонажей вымышленной сюжетной реальности, связанных сложными гносеологическими субъектно-объектными отноше-

ниями как между собой, так и с имманентным субъектом интерпретации этого(-их) события(-ий) — автором, см. также [7, с. 603–613]. Интенциональным импульсом для ментально-речевой деятельности автора по перспективизации создаваемого художественного нарратива можно считать — как осознанное, так и бессознательное — стремление писателя преобразовать *факты* (реальной) действительности (лица, событийные коллизии, интеллектуальные, психологические и эмоциональные состояния, речевые действия и др.) в *артефакты*, то есть поэтические концепты с зашифрованным в них образно-символическим содержанием. «Фактическое» содержание образов персонажей («агентов» нарратива) всегда осложнено в них «точкой зрения» и силой художественного воображения автора, который эксплицирует в языковой ткани текста определенные семантические и прагматические ориентиры для читателя, помогающие тому воспринимать фигуру персонажа в качестве артефакта.

В свете сказанного и все компоненты в системе образа персонажа, то есть во внутренне спаянном композиционном единстве определенного множества сюжетно-тематических элементов, характерологических деталей, эмоциональных проявлений, речевых действий и др., имеют значение артефакта. Речь персонажа является при этом компонентом таких артефактов, как (1) образ конкретного участника нарративных событий; (2) образ «живой» речи в некоем языковом сообществе; (3) образ автора текста, поскольку, как известно, персонажи в художественном повествовании «<...> как-то соотносены, „сцеплены” между собой не только ходом изображаемых событий (это бывает не всегда), но и в конечном счете логикой художественного мышления писателя» [13, с. 115], или, что точнее по отношению к методологии интерпретации художественного прозаического текста с позиций лингвистики, — неким типом «текстовой стратегии» [14, с. 23–25]. Иначе говоря, отдельные виды «изображенной речи» персонажей приобретают в системе художественного нарратива синергетическую энергию, так как они непосредственно участвуют в процессе организуемого автором и разгадываемого читателем «накопления» и «собираания» отдельных элементов текста в некое

информационно-смысловое целое. Поэтому произвольное извлечение или перестановка в тексте фрагментов речи персонажей приводят к определенным содержательно-смысловым потерям и, в конечном счете, к разрушению текстовой целостности, см. также [6, с. 31].

Итак, многослойная речевая структура художественного нарратива может рассматриваться и как актуализация определенной «модели речевого поведения» писателя, так как при формулировании повествовательного текста его автор использует известные ему виды речи в формах и функциях, характерных не только для художественной коммуникации как таковой, но и для его индивидуального мировосприятия и стиля. В этом смысле речевая деятельность вымышленных субъектов фикциональных событий имеет вторичный характер: ее конструктивное выстраивание в целостной структуре текста помогает писателю верифицировать собственные представления о закономерностях индивидуального и социального существования человека в его отношениях с самим собой и другими. Читатель — соразмерно своим интеллектуальным и эмоционально-психологическим способностям — выявляет текстовые параметры модели речевого поведения автора, сопоставляя его художественно-речевые действия с собственным жизненным и литературным опытом, а также осознавая их роль для понимания смысла художественно-речевого произведения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева В. А.* Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб.: Норма, 2006. 181 с.
2. *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.: Прогресс, 1976. 556 с.
3. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
4. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. М.: Художественная литература, 1980. 358 с.
5. *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое. Л.: Советский писатель. Ленингр. отделение, 1979. 222 с.

6. Гончарова Е. А. Текст — дискурс — стиль как когнитивное, коммуникативно-прагматическое и интерпретационное единство // Текст — дискурс — стиль в современной этнокультуре Германии. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. С. 10–33.
7. Гончарова Е. А. Гносеологический аспект взаимодействия категорий «автор» — «персонаж» — «читатель» как проблема интерпретации художественного текста // Когнитивные исследования языка. Выпуск XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. С. 603–613.
8. Долинин К. А. Интерпретация текста. Французский язык. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: УРСС, 2005. 299 с.
9. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX и XX вв. М.: УРСС, 2001. 326 с.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 3-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
11. Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор. 815 с.
12. Поспелов Г. Н. Введение в литературоведение. М.: Высшая школа, 1983. 327 с.
13. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и ит. С. Серебряного. М.: Изд-во РГГУ, 2005. 501 с.
14. Fallada H. Jeder stirbt für sich allein. Roman. Berlin: Aufbau-Verlag, 1955. 519 S.
15. Häcker R. Daniel Kehlmann: Die Vermessung der Welt. Vortrag, gehalten im LiteraturClub Sindelfingen am 21.06.2010. <http://www.haecker.org>.
16. Kehlmann D. Die Vermessung der Welt. — Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2011. 381 S.
17. Mann Th. Denken und Leben // Gesammelte Werke. Elfter Band. Aufbau-Verlag Berlin, 1955. S. 244–249.
18. Wunderlich D. Buchtipps. Daniel Kehlmann: Die Vermessung der Welt. <http://www.dieterwunderlich.de>.

REFERENCES

1. Andreeva V.A. *Literaturnyi narrativ: tekst i diskurs* [Literary Narrative: Text and Discourse]. Saint Petersburg, Norma Publ., 2006. 181 s.
2. Auerbakh E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis: Representation of Reality in Western European Literature]. Moscow, Progress Publ., 1976. 556 s.

3. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Works from Different Years]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 502 s.
4. Vinogradov V.V. *O iazyke khudozhestvennoi prozy* [On the Language of Fictional Prose]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. 358 s.
5. Ginzburg L.Ia. *O literaturnom geroe* [On the Literary Hero]. Leningrad: Sovetskii pisatel' Publ., Leningrad. otdelenie, 1979. 222 s.
6. Goncharova E.A. *Tekst — diskurs — stil' kak kognitivnoe, kommunikativno-pragmaticheskoe i interpretatsionnoe edinstvo* [Text — discourse — style as a cognitive, communicative and pragmatic, and interpretative unity]. *Tekst — diskurs — stil' v sovremennoi etnokul'ture Germanii.* [Text — Discourse — Style in Modern German Ethnoculture]. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2012. S. 10–33.
7. Goncharova E.A. Gnoseologicheskii aspekt vzaimodeistviia kategorii «avtor» — «personazh» — «chitateľ» kak problema interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Epistemological aspect of the interrelation between the categories “author” — “character” — “reader” as a problem of interpreting a literary text]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka.* Vypusk XIII: Mental'nye osnovy iazyka kak funktsional'noi sistemy [Cognitive Research of Language. Volume XIII: Mental Foundations of Language as a Functional System]. Moscow, In-t iazykoznaniiia RAN; Tambov, Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2013. S. 603–613.
8. Dolinin K.A. *Interpretatsiia teksta. Frantsuzskii iazyk.* Izd. 2-e, ispr. i dop. [Text Interpretation: The French Language. 2nd revised edition]. Moscow, URSS Publ., 2005. 299 s.
9. Dymarskii M.Ia. *Problemy tekstoobrazovaniia i khudozhestvennyi tekst. Na materiale russkoi prozy XIX i XX vv.* [Problems of Text Formation and the Literary Text: A Study of the Russian Prose in the 19th and the 20th Centuries]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 326 s.
10. Karaulov Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'.* Izd. 3-e, stereotip. [The Russian Language and Linguistic Personality. 3rd reprint edition]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 264 s.
11. *Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm* [The New Dictionary of Philosophy: Postmodernism]. Minsk: Sovremennyi literator Publ. 815 s.
12. Pospelov G.N. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1983. 327 s.
13. Eko U. *Rol' chitatelia. Issledovaniia po semiotike teksta* [The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts], per. s angl. i it. S. Serebrianogo. Moscow, Izd-vo RGGU, 2005. 501 s.
14. Fallada H. *Jeder stirbt für sich allein.* Roman. Berlin, Aufbau-Verlag, 1955. 519 S.

15. Häcker R. *Daniel Kehlmann: Die Vermessung der Welt*. Vortrag, gehalten im LiteraturClub Sindelfingen am 21.06.2010. Available at: <http://www.haecker.org>.
16. Kehlmann D. *Die Vermessung der Welt*. Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2011. 381 S.
17. Mann Th. *Denken und Leben*. Gesammelte Werke. Elfter Band. Aufbau-Verlag Berlin, 1955. S. 244–249.
18. Wunderlich D. *Buchtipps. Daniel Kehlmann: Die Vermessung der Welt*. Available at: <http://www.dieterwunderlich.de>.

Гончарова Евгения Александровна

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии РГПУ имени А. И. Герцена.

Адрес: Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

Evgeniya A. Goncharova

Doctor of Philological Sciences, Professor of German Philology Department, State Russian Herzen Pedagogical University.

Address: 48, Moyka river emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation.

E-mail: eagon@rambler.ru

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ**

Ключевые слова: прагматика, мемуары, автобиографический дискурс, речевой субъект, политический дискурс, политическая метафора.

В статье рассматриваются политические мемуары как субъектно-ориентированный жанр, который находится на границе двух типов дискурса: политического и автобиографического. Исследование проводилось на материале политических мемуаров двух известных немецких политиков Г. Шмидта и Р. фон Вайцзеккера. Особое внимание уделяется описанию основных характеристик речевого субъекта. Также речь идет о языковых средствах воплощения нефикциональности, рефлексивности, дидактичности и экспрессивности исследуемых текстов.

I. E. JESAN, E. A. KOVTUNOVA

St. Petersburg State University

**PRAGMALINGUISTIC CHARACTERISTIC
OF POLITICAL MEMOIR-AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS**

Keywords: pragmatics, memoirs, autobiographical discourse, the subject of speech, political discourse, political metaphor.

The article considers political memoirs as a subject-oriented genre that is on the border between two types of discourse — political and autobiographical. The study was conducted on the material of political memoirs by two famous German politicians G. Schmidt and R. von Weizsäcker. The article focuses on the description of the main characteristics of subject speech, as well as on language means that express infictionality, reflexivity, didacticism and expressivity in studied texts.

Под «мемуарной литературой» принято понимать письменно зафиксированные произведения, которые в той или иной форме закрепляют воспоминания их авторов о прошлом. Интерес лин-

гвистов к подобной литературе в последнее время значительно вырос. Исследованию текстов мемуарно-автобиографической направленности посвящены работы таких ученых, как Е. А. Гончарова, Л. Н. Бондарева, Н. А. Трушина, А. В. Сурина, Е. А. Кованова, И. Г. Жирова, А. Г. Айрапетов и др.

Мы рассматриваем политические мемуары, с одной стороны, как периферийный жанр политического дискурса. Вслед за Е. И. Шейгал нам представляется логичным исходить из широкого понимания политической коммуникации и включать в нее речевые произведения, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики [8, с. 23].

С другой стороны, ученые, изучающие автобиографический дискурс, говорят о его гибридности в зависимости от авторства. Так, Е. А. Кованова пишет о лично-ориентированном бытийном характере автобиографического дискурса [4], о его общности с некоторыми типами институционального дискурса, в том числе с политическим (если автор — политик) [5].

Таким образом, понимая политические мемуары как поле пересечения политического и автобиографического дискурсов, мы попытаемся в данной статье на материале мемуаров немецких «политиков в отставке» Р. фон Вайцзеккера¹ и Г. Шмидта² проил-

¹ Рихарда фон Вайцзеккера по праву можно отнести к выдающимся политикам XX века. В период с 1984 по 1994 год он занимал пост президента ФРГ. С 1969 года входил в состав руководства Христианско-демократического союза (ХДС). В 1981–1984 годах был бургомистром Западного Берлина. В 2009 году политик опубликовал свою очередную книгу «Дорога к единству», вызвавшую большой интерес как со стороны политиков, так и простых немецких граждан. В тридцати главах описывается 60 лет немецкой и европейской истории.

² Гельмут Шмидт, пятый федеральный канцлер ФРГ (1974–1982), после ухода из политики стал соиздателем гамбургского еженедельника «Die Zeit». Он известен своими прямолинейными, лаконичными и остроумными высказываниями и остается одним из самых популярных политиков Германии. Г. Шмидт принадлежит к плеяде государственных деятелей, оставивших глубокий след в европейской и мировой политике. Кроме того, Г. Шмидт является автором более трех десятков книг, в их числе и изданная в 2008 году книга «В отставке», которую он сам назвал своим политическим завещанием («ein politisches Vermächtnis»).

люстрировать некоторые основные лингвотипологические характеристики данного текстового жанра.

Согласно классификации Н. А. Трушиной, можно выделить следующие типологические черты текстов мемуарного типа: двойственность повествователя, одновременно являющегося в тексте рассказчиком и действующим лицом, нефикциональность (невывышенность) и фрагментарность [7, с. 122].

Каждая из указанных черт по-своему проявляется в рассматриваемых политических мемуарах.

Двойственность повествователя видна в следующем примере. С позиции настоящего Г. Шмидт может оценить исторические события, государственных деятелей и то, чему он смог научиться за свою политическую карьеру:

(1) *Im Rückblick auf lange Jahre in der Regierung, auf dreißig Jahre im Bundestag und auf sechs Jahrzehnte politischen Engagements stelle ich fest: Ich habe in diesen Jahren vieles gelernt.* [Schmidt, S. 27]

Нефикциональность предполагает наличие в текстах точных сведений, описание реальных событий, подлинных документов в сочетании с субъективной оценкой данных исторических событий.

(2) *Die Verwirklichung der zweiten Hälfte, die Stationierung von Pershing-II-Raketen, löste schließlich genau das erstrebte Ergebnis aus, und 1987 wurde der seit 1945 erste Abrüstungsvertrag zwischen West und Ost geschlossen. Ich war damals schon seit fünf Jahren aus dem Amt, jedoch empfand ich tiefe Genugtuung über diesen Erfolg.* [Schmidt, S. 165]

Данный пример повествует о подписании 8 декабря 1987 года в Вашингтоне Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом бессрочного Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД), вступившего в силу 1 июня 1988 года. Гельмут Шмидт выражает по этому поводу свое одобрение.

Следующий пример иллюстрирует крайне негативную оценку Р. фон Вайцеккером решений Потсдамской конференции и их последствий для всего мирового сообщества.

(3) *Auf der Potsdamer Konferenz im Juli 1945 wurde die Teilung nicht nur des besiegten Deutschland, sondern des gesamten*

Kontinents von Norden nach Süden bestätigt. Europa war im Begriff, eine bloße Pufferzone zwischen den beiden globalen Mächten zu werden. [Weizsäcker, S. 14]

Р. фон Вайцзеккер положительно оценивает встречу с политиками партии СДПГ, среди которых был и Гельмут Шмидт:

(4) *Das lebhafteste Treffen gab es mit Fritz Erler, Helmut Schmidt und Herbert Wehner; sie waren für die SPD gekommen. [Weizsäcker, S. 54]*

Авторская оценочность, составляющая основу субъективной модальности, задает ведущую тональность повествования в политических мемуарах и свидетельствует о постоянном активном присутствии повествующего субъекта, обогащенного опытом настоящего и живущего интересами этого настоящего, в воссоздаваемом им мире собственного прошлого. Проявлением подобной активности служат разнообразие средств авторизации, среди которых важная роль принадлежит модусным глаголам, содержащим в своей семантике «комментаторную сему модальной оценки» [1, с. 16–37]. В текстах функционируют следующие классы модусно-модальных глаголов.

— Модусные глаголы с докастической семантикой (выражения мнения) (glauben, vermuten, zweifeln, meinen, annehmen):

(5) *Die Bürger, so glaubte ich, würden auch ohne meine rhetorische Nachhilfe erkennen, dass ich nach den Kriterien der Vernunft und der Moral regierte [Schmidt, S. 131];*

(6) *Gegen Ende des Lebens wollte ich einmal aufschreiben, was ich glaube, im Laufe der Jahrzehnte politisch gelernt zu haben [Schmidt, S. 7];*

— эпистемические глаголы, выражающие когнитивную установку знания:

(7) *Ich wusste aber auch, Herbert Wehner als Fraktionsvorsitzender würde mir den Rücken freihalten. Und das hat er getan. [Schmidt, S. 16]*

Не менее распространенными средствами выражения авторского отношения к изображаемому являются элементы текста раз-

ной частеречной принадлежности, эксплицирующие в своей семантике положительные или отрицательные оценочные смыслы:

(8) *Wenn ich mich heute frage, was haben wir aus dem **zerstörerischen Krieg** gelernt, was aus der **mörderischen Nazi-Zeit**, was aus dem **Fehlschlag** des Weimarer Demokratie-Versuchs, welche Lehren ziehen wir aus der Ära des **anmaßenden Wilhelminismus**, aus Bismarcks **reaktionärer, machtorientierter** Innenpolitik, dann komme ich im Kern auf die gleiche Antwort.* [Schmidt, S. 73]

Самооценка, когда повествователь сам становится объектом оценочного отношения, типична для политических мемуаров. Интересна оценка Г. Шмидтом своей собственной личности:

(9) *Da ich oft **ungeduldig** gewesen bin, bisweilen von nahezu **unhöflicher Direktheit**, mein Gegenüber zum Widerspruch **provokierend**, habe ich die Eingangsfloskeln solcher Gespräche gern abgekürzt. Allerdings muss ich gestehen, dass **ich mir meiner Entscheidung nicht nur Freunde gemacht habe.*** [Schmidt, S. 18]

Не вызывает сомнения тот факт, что мотив создания любого речевого произведения политической сферы общения обусловлен, как правило, желанием повлиять на адресата [3]. Справедлива точка зрения О. Г. Почепцова, который считает, что второй коммуникант в процессе коммуникативного контакта получает разный коммуникативный статус: сначала он — адресат коммуникации, затем — получатель информации, а на последнем этапе он анализирует информацию. При отношениях «отправитель — адресат» партнер полностью бесправен; при отношениях «отправитель — получатель» у него есть некоторая свобода, а в случае отношений «отправитель — анализатор» у него уже есть полная свобода [6, с. 10–11]. Это высказывание приобретает особую значимость при анализе текстов мемуарно-биографической направленности. Автор текста должен с большей осторожностью давать оценки важным историческим и политическим событиям.

Смысловая неопределенность политического текста как одна из характеристик политических выступлений [8] реализована и в данном жанре, но вместе с тем несколько специфическим образом. Анализируемый материал по своей направленности является

текстом, ориентированным в прошлое, а не в будущее, то есть бóльшая часть политических мемуаров по содержанию связана с описанием уже прошедших событий, следовательно, в тексте нет специфических для политического дискурса обещаний, характеризующихся максимальной степенью смысловой неопределенности. Однако в тексте присутствует большое количество историко-политических фактов, воспроизводимых автором из недавней истории по собственным воспоминаниям. Осмысление многих таких фактов, например, в тексте книги Р. фон Вайцзеккера можно назвать расплывчатым и неопределенным в том смысле, что приводимые факты подвергаются довольно осторожной трактовке:

(10) *Gegen Ende fragte ich Gorbatschow, wie lange denn die deutsche Frage noch offen bleibe. Seine Antwort lautete, er kenne eine solche Frage nicht. Beim zweiten Anlauf sagte ich: «Solange das Brandenburger Tor zu ist, bleibt die deutsche Frage offen». Gorbatschow erwiderte, wir sollten uns nicht überschätzen, sondern die Antworten der Geschichte überlassen. Niemand von uns wisse, was in hundert Jahren sein werde.* [Weizsäcker, S. 11]

В данном примере не представляется возможным дать окончательную оценку события, например, сообщить, что М. Горбачев отрицал существование «немецкого вопроса», или оценить данное отношение Горбачева к ситуации в Германии как, например, безответственное, незаинтересованное, неосведомленное и т. п. Подобного рода определения и оценки должны быть четко обоснованными и проверенными широким историческим контекстом, а также значительной временной дистанцией, позволяющей оценить ситуацию в масштабе общеполитической истории.

Одним из проявлений нефикциональности мемуарного политического текста можно считать цитирование авторами высказываний политиков и видных общественных деятелей, а также обращение к прецедентным текстам, как в книге Р. фон Вайцзеккера:

(11) *Daraufhin rief Churchill aus: «Jetzt haben wir es geschafft».* [Weizsäcker, S. 16]

В качестве основных дифференцирующих признаков цитации выступают эксплицитная маркированность, структурно-семантическое тождество с текстом-источником, указание авторства.

Личные наблюдения и оценки Г. Шмидта также перемежаются цитированием политических деятелей, документальных материалов, что, по мнению автора, должно придать больше доказательности его историческому анализу:

(12) *Der NPT schreibt im Artikel VI den fünf Atomwaffenstaaten vor, «in redlicher Absicht in naher Zukunft Verhandlungen zu führen über wirksame Maßnahmen zur Beendigung des atomaren Wettrüstens und zur nuklearen Abrüstung».* [Schmidt, S. 206]

В примере Г. Шмидт цитирует статью 6 Договора о нераспространении ядерного оружия.

По мнению Е. А. Гончаровой и Л. М. Бондаревой [1, с. 16–37], среди авторов текстов мемуарного типа можно условно выделить определенные типы речевого субъекта, коррелирующие с вполне конкретными, соответствующими им типами «фиктивного» читателя. Тип субъекта в рассматриваемых текстах — «в меру контактный» повествователь, чаще всего объединяющий себя с читателем-«спутником» посредством неназойливого *wir*.

Гельмут Шмидт и Рихард фон Вайцзеккер используют местоимение *wir*, имея в виду, прежде всего, немцев, европейцев или соратников по партии:

(13) *Wir Deutsche können und wir sollten die Nöte und Chancen im jeweils anderen Teil nüchtern miterkennen, mitbedenken und mittragen. Dazu sollten wir alle Mittel der eigenen Orientierung durch Reisen, Kontakte und Information ausschöpfen, damit wir uns in die Lage versetzen, die Verhältnisse im anderen Teil vorurteilsfrei zu sehen und zu beurteilen.* [Weizsäcker, S. 74]

(14) *Nur wenn wir darin einig sind, nur dann behält der schöne Vers von «Einigkeit und Recht und Freiheit» seine Berechtigung.* [Schmidt, S. 337]

В последнем примере идентификации немецкой нации как субъекта способствует цитата из Гимна ФРГ.

По степени вовлеченности автора в описываемые события рассматриваемые политические мемуары можно отнести скорее к субъектно-ориентированному типу, поскольку авторы здесь в основном являются активными участниками событий.

Исследователи автобиографических текстов (например Е. А. Кованова) выделяют ряд свойственных автобиографиям функций. Наш анализ показал, что некоторые функции политические тексты мемуарно-автобиографической направленности демонстрируют наиболее ярко.

Рефлексивная функция исследуемых текстов предполагает не просто взгляд на события прошлой жизни сквозь призму своего «я», а описание событий, прежде всего своей политической жизни. На лексическом уровне рефлексивный (ретроспективный) характер политических мемуаров объективируется в функционировании лексических единиц, эксплицирующих в своей семантике сему «память».

(15) *Ich **erinnere mich gut an** die erheblichen Kontroversen, die dieser Entscheidung vorausgingen.* [Schmidt, S. 37]

В данном контексте говорится о замене профсоюзов Веймарского времени на объединенные профсоюзы. Так можно было противостоять чрезмерной политизации профсоюзов и укрепить их политическую независимость. Гельмут Шмидт вспоминает о том, какие ожесточенные споры вызвало это решение.

В данном примере политик напоминает об исторической трагедии и о проблемах объединения Германии:

(16) *Deshalb war es mir wichtig, noch einmal an das Schicksal der Vertriebenen zu **erinnern**: «Unsäglich hart für die Menschen war der erzwungene Heimatverlust».* [Schmidt, S. 127]

Ретроспекция осуществляется также и при помощи лексико-семантических актуализаторов процесса забывания, к которым, прежде всего, относятся глагол *vergessen*, а также наречие *unvergesslich*.

(17) ***Unvergesslich** ist mir die erste internationale Konferenz, die ich — unmittelbar nach dem Krieg, noch vor der Währungsreform — gemeinsam mit meinem Freund Ernst Heinsen für den damals sehr honorigen SDS organisiert habe.* [Schmidt, S. 62]

Актуальность воспоминаний, их связь с настоящим эксплицируется на лексическом уровне постоянными маркерами — **noch, immer noch, immer wieder**:

(18) *In späteren Jahren bin ich häufig dort gewesen, ich habe dort Freunde gewonnen, aber der erste Eindruck hat sich **immer wieder** bestätigt.* [Schmidt, S. 23]

(19) *Frankreich wollte — und will **immer noch** — Deutschland einbinden.* [Schmidt, S. 98]

Наречие **damals** позволяют сравнить события прошлого и настоящего, проследить изменения с позиции настоящего.

Р. фон Вайцеккер размышляет о последствиях Второй Мировой войны, вине немецкой нации, вспоминает о своем фронтовом опыте во время визита в Ленинград в 1973 году:

(20) *Waren solche **Erinnerungen damals**, mitten im Kalten Krieg, überhaupt opportun?... Wir sind vor allem deshalb hier, um unseren Teil dazu beizutragen, dass sich niemals unter unseren Nachkommen wiederholt, was wir selbst erlebt haben. Deshalb sprach ich ganz offen über meine **Erinnerungen**.* [Weizsäcker, S. 122]

С рефлексивной функцией тесно связана экспрессивная, когда политик стремится по ходу повествования выразить свои предпочтения, эмоции и оценки. Экспрессивность политических мемуаров проявляется и в использовании метафор. Политическая метафорика занимает наряду с другими средствами языкового воздействия одно из центральных мест в политической коммуникации. Политическая метафора может селективно сконцентрировать внимание на позитивных сторонах определенной политики и не замечать негативных, являясь средством формирования политической лояльности или политической оппозиции [11].

Примечательно, что в изучаемых текстах авторы используют как уже устоявшуюся политическую метафорику (*Eiserner Vorhang*, *Kalter Krieg*, *Raubtierkapitalismus* и т. д.), так и окказиональную. Метафорической сферой-донором выступает, например, сфера живой природы:

(21) *Ich bin beeindruckt von der Großzügigkeit, von den **demokratischen Instinkten**, von dem inneren demokratisch-politischen Kompass der Amerikaner — und von ihrer Vitalität.* [Schmidt, S. 205]

(22) ***Raubtierkapitalismus** — was kann dagegen getan werden?* [Schmidt, S. 255]

Duden определяет *Raubtierkapitalismus* как «ohne Rücksicht auf andere Belange nur nach möglichst großem Profit strebende Form des Kapitalismus» [10]. Интересно, что этот термин вытеснил употреблявшееся с середины 1990-х годов существительное *Killerkapitalismus*. В толковые словари серий Duden и Wahrig композит *Raubtierkapitalismus* вошел в конце 90-х годов XX века и может считаться неологизмом, который активно используют современные политики и экономисты как синоним к термину *Turbokapitalismus* [12]. Здесь мы можем согласиться с Е. А. Гончаровой и Л. Н. Бондаревой в том, что мемуары дают дополнительное представление не только об индивидуальном стиле «языковой личности», но и о некоторых общих тенденциях развития немецкого литературного языка [1, с. 16–37].

В следующих примерах сферой-донором является театраль-но-игровая сфера:

(23) *Auch das Schlagwort vom Sozialstaat oder vom Wohlfahrtsstaat lässt prinzipiell einen großen **Spielraum** für die praktische Politik.* [Schmidt, S. 283]

(24) *Weil die 1945 wieder errichtete Tschechoslowakei östlich des «**Eisernen Vorhangs**» lag, war die Errichtung einer kommunistischen Herrschaft zwangsläufig.* [Schmidt, S. 107]

Социальная сфера является источником метафорических переосмыслений в следующих примерах:

(25) *Beispiele für **Massenhysterie** in Deutschland gibt es viele.* [Schmidt, S. 124]

(26) *Der **Weg** zur Einheit.* [Weizsäcker, S. 131]

(27) *Der frühere Bundeskanzler Helmut Schmidt hatte zunächst der Bonner Außenpolitik von Helmut Kohl **auf dem Weg** zur Wiedervereinigung ausdrücklich zugestimmt.* [Weizsäcker, S. 135]

За узуальной (стершейся) метафорой скрывается процесс развития страны, ведущий к объединению.

Военная сфера традиционно служит источником метафоризации в политическом дискурсе:

(28) *Auch wenn in der Hitze **des parlamentarischen Gefechts** manches vielleicht ein wenig einseitig formuliert wurde, möchte ich doch bei meiner Haltung bleiben* [Schmidt, S. 332].

В следующем примере Гельмут Шмидт сравнивает деятельность Наполеона с прорубанием просеки. Здесь имеет место и метафорическое наименование *deutscher Flickenteppich*, который в данном контексте употребляется как синоним сочетания *deutsche Kleinstaaterie*. Словари пока не зафиксировали переносное значение существительного *Flickenteppich*, однако в прессе подобное употребление этого слова встречается довольно часто. Так что здесь мы снова имеем дело с современными тенденциями в политической метафоре.

(29) *Napoleon hat dann einige Schneisen in den deutschen Flickenteppich geschlagen.* [Schmidt, S. 134]

Многие метафорические наименования с позиции исследователей языка политики можно отнести к лозунговым словам (Schlagwörter). Характерными для них являются оценочность, абстрактность значения, высокая частотность употребления. При этом метафора, аллитерация не являются обязательным признаком «слов-лозунгов», хотя способствуют их запоминанию и более быстрому распространению» [2].

В политических текстах мемуарно-автобиографической направленности лозунговые слова играют большую роль, так как авторы-политики описывают целую эпоху в политической истории Германии.

Существительные *Frieden, Freiheit, Demokratie* являются наиболее частотными лозунговыми словами в исследуемом материале. Например, существительное *Freiheit* употребляется Р. фон Вайцеккером самостоятельно более 30 раз. Данная лексема используется также и в составе сложных слов, например: *Glaubensfreiheit, Meinungsfreiheit, Freiheitsbewegung, Freiheitsbestrebungen, Freiheitskampf, Freiheitskämpfer, Freiheitsstimmen, Freiheitswille* и т. д.

Лозунговое слово *Frieden* часто используется Р. фон Вайцеккером в двух значениях — как система миропорядка и как вид договора между нациями:

(30) *Es gab auch gemeinsame Stimmen in Ost und West, denen es vor allem anderen darum ging, **den Frieden in Europa** durch innerdeutsche Übereinstimmung zu sichern und die DDR zu humani-*

sieren; das sei wichtiger, als dieses Deutschland wieder zu vereinen. [Weizsäcker, S. 14]

(31) *Der Westfälische **Frieden 1648** schuf die Grundlagen für ein werdendes Völkerrecht.* [Weizsäcker, S. 155]

Лозунговое слово *Freiheit* встречается в тексте книги вместе с другими подобными словами, некоторые из них несут в себе отрицательную оценку. Приведем пример:

(32) *Denn die Ostdeutschen genossen keine **Freiheit**, sondern hatten eine von außen implantierte **Diktatur** zu tragen.* [Weizsäcker, S. 21]

Центральной составляющей понятия *Einheit* в книге является его национальная обусловленность. Несмотря на то, что автор пишет книгу на немецком языке и о Германии, так что читателю понятно, что речь идет именно о немецком единстве и никаком другом, лексема *Einheit* довольно редко используется без национального определителя, например:

(33) *Bei allen unseren Nachbarstaaten richteten sich besorgte Blicke auf unabsehbare politische Folgen, auf neue Gefahren bei einer erneuten **deutschen Einheit**.* [Weizsäcker, S. 12]

Наконец, рассмотрим дидактическую функцию политических мемуаров. Многие пассажи изучаемых книг можно считать напутствием. Как и другие автобиографии, мемуары политиков часто имеют целью воспитать и преподать урок будущим поколениям немцев и европейцев. Г. Шмидт пишет об этом в предисловии:

(34) *Denn vielleicht könnte doch einer von den Jüngeren daraus einen Nutzen ziehen.* [Schmidt, S. 7]

В другом примере автор напутствует тех, кто собирается в политику:

(35) *Wer in die Politik gehen will, **soll** einen Beruf gelernt und ausgeübt haben; er **soll** die tragenden Elemente des Grundgesetzes verinnerlicht haben; er **soll** die Geschichte Deutschlands und die unserer wichtigsten Nachbarn kennen; und er **soll** sich auf mindestens einem Fachgebiet als Experte einarbeiten: Diese Kenntnisse und Fähigkeiten habe ich am Anfang dieses Buches als Mindestvoraussetzungen für einen Berufspolitiker aufgeführt.* [Schmidt, S. 215–216]

Р. фон Вайцзеккер предпочитает давать более мягкие советы и рекомендации, используя сослагательное наклонение:

(36) *Wir Deutsche können und wir **sollten** die Nöte und Chancen im jeweils anderen Teil nüchtern miterkennen, mitbedenken und mittragen. Dazu **sollten** wir alle Mittel der eigenen Orientierung durch Reisen. Kontakte und Information ausschöpfen, damit wir uns in die Lage versetzen, die Verhältnisse im anderen Teil vorurteilsfrei zu sehen und zu beurteilen.* [Weizsäcker, S. 74]

Таким образом, политические мемуары — это субъектно-ориентированный жанр, для которого характерны нефикциональность, сопровождающаяся разнообразными видами оценочности и цитацией, двойственность повествователя-политика, рефлексивность, дидактичность и метафоричность, которая зачастую актуализируется в лозунговых словах.

В рамках нашей статьи мы рассмотрели лишь некоторые общие характеристики текстов мемуарно-автобиографической направленности, находящиеся на границе политического и автобиографического дискурсов, что свидетельствует о сложной, многоуровневой структуре жанра политических мемуаров, а также об определяющей роли личности автора-политика. В языке создателей мемуаров отражены их политическая культура, идеологические взгляды, социальный опыт, степень образованности и другие важные стороны творческой языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова Е. А., Бондарева Л. М. Междисциплинарные аспекты интерпретации категории адресованности в текстах мемуарного типа // Междисциплинарная интерпретация художественного текста. СПб.: Образование, 1995. С. 16–37.
2. Езан И. Е. Лозунговые слова в политической коммуникации (на материале немецкого языка) // Грамматика (Романо-германский цикл): Материалы секции XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г. Санкт-Петербург. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 54–61.
3. Езан И. Е. Роль фактора адресата в политической коммуникации // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном уни-

верситете. Вып. III.: Антропоцентризм языковых феноменов. СПб.: СПбГУ, 2013. С. 129–138.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Кованова Е. А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с.
6. Почепцов О. Г. Основы прагматического описания предложения. Киев: Вища школа. Изд-во при Киевском гос. ун-те, 1986. 116 с.
7. Трушина Н. А. Документально-мемуарные тексты в общей типологии дискурса // Языковые и культурные контакты: сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. С. 120–125.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
9. Der Duden. Bd. 10: Das Bedeutungswörterbuch. 4. Auflage. Mannheim; Leipzig; Zürich: Dudenverlag, 2010. 797 S.
10. Duden URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Raubtierkapitalismus> (дата обращения: 9.01.2014).
11. Edelman M. Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns. Frankfurt a/M.; New York: Campus Verlag, 1990. 202 S.
12. Herberg Dr., Kinne M., Steffens D., Tellenbach E., al-Wadi D. Neuer Wortschatz: Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Schriften des Instituts für Deutsche Sprache. Band 11. Berlin; New York: de Gruyter, 2004. 393 S.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- Schmidt — Schmidt H. Außer Dienst. Eine Bilanz. München: Pantheon, 2010. 350 S.
- Weizsäcker — Weizsäcker R. von. Der Weg zur Einheit. München: C. H. Beck, 2011. 224 S.

REFERENCES

1. Goncharova E.A., Bondareva L.M. *Mezhdistsiplinnarye aspekty interpreta-tsii kategorii adresovannosti v tekstakh memuarnogo tipa* [Interpretation of the “recipient address” category in texts of memoir type: Interdisciplinary Aspects]. *Mezhdistsiplinnariaia interpretatsiia khudozhestvennogo teksta* [Interdisciplinary Interpretation of the Literary Text]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1995. S. 16–37.

2. Ezan I.E. Lozungovye slova v politicheskoi kommunikatsii (na materiale nemetskogo iazyka) [Slogan words in political communication: A study of the German Language]. *Grammatika (Romano-germanskii tsikl): Materialy seksii XL Mezhdunarodnoi fi logicheskoi konferentsii 14–19 marta 2011 g. Sankt-Peterburg*. [Grammar: Romance and Germanic Section. Proceedings of XL International Philological Conference, 14–19 March 2011, St.Petersburg]. Saint Petersburg, SPbGU, 2011. S. 54–61.
3. Ezan I.E. Rol' faktora adresata v politicheskoi kommunikatsii [The role of the addressee factor in political communication]. *Nemetskaiafi logiia v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*. Vyp. III: Antropotsentriizm iazykovykh fenomenov [German Philology in St. Petersburg State University. Issue III. Anthropocentrism of Language Phenomena]. Saint Petersburg, SPbGU, 2013. S. 129–138.
4. Karasik V.I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Language Circle: The Person, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 s.
5. Kovanova E.A. *Ritorika avtobiograficheskogo diskursa (na materiale avtobiografii amerikanskikh deiatelei politiki i iskusstva)*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Rhetoric of the Autobiographic Discourse: Case Study of Autobiographies written by Prominent Figures of American Politics and Art. Doctoral Dissertation Summary]. Saint Petersburg, 2005. 19 s.
6. Pocheptsov O.G. *Osnovy pragmaticheskogo opisaniia predlozheniia* [Basic Principles of the Pragmatic Description of the Sentence]. Kiev, Vishcha shkola. Izd-vo pri Kievskom gos. un-te, 1986. 116 s.
7. Trushina N.A. Dokumental'no-memuarnye teksty v obshchei tipologii diskursa [Documentary memoirs in the general typology of discourse]. *Iazykovye i kul'turnye kontakty: Sbornik nauch. trudov* [Linguistic and Cultural Contacts: Collection of Research Papers]. Vyp. 2. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2008. S. 120–125.
8. Sheigal E.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of the Political Discourse]. Moscow, ITDGG Gnozis Publ., 2004. 326 s.
9. *Der Duden*. Bd. 10: Das Bedeutungswörterbuch. 4. Auflage. Mannheim; Leipzig; Zürich, Dudenverlag, 2010. 797 S.
10. Duden Available at: URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Raubtierkapitalismus> (accessed: 9.01.2014).
11. Edelman M. *Politik als Ritual. Die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns*. Frankfurt a/M.; New York, Campus Verlag, 1990. 202 S.
12. Herberg Dr., Kinne M., Steffens D., Tellenbach E., al-Wadi D. *Neuer Wortschatz: Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Schriften des Instituts für Deutsche Sprache*. Band 11. Berlin; New York, de Gruyter, 2004. 393 S.

Езан Ирина Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Irina J. Jesan

Docent of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: kulirina@mail.ru

Ковтунова Елена Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Elena A. Kovtunova

Docent of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: michael19811974@mail.ru

ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАРРАТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ

Ключевые слова: нарратор, нарратив, нарративная модель, перспектива повествования, точка зрения, фикциональная инстанция.

В статье предлагается новая интерпретация порождающей модели повествования и рассматривается дискурсивная категория перспективы повествования, а также составляющие ее «точки зрения» в инвариантном художественном нарративе от 3-го лица. Предлагается парадигма точек зрения, релевантных для безличного нарратора, и приводятся примеры их речевой реализации.

X. R. NOVOZHILOVA

St. Petersburg State University

NARRATOR'S VIEW POINTS IN LITERARY TEXT AND THEIR VERBALIZATION

Keywords: narrator, narrative, narrative model, story-telling, perspective, view point, fictional instance.

The article offers a new interpretation of generative model of narration. Discourse category of narrative perspective and making it up points of view invariant literary text in third person are discussed. The paradigm of view points relevant to impersonal narrator is suggested; examples of their speech manifestation are given.

Интерпретация нарративного художественного текста получает дискурсивный ракурс благодаря тому, что текст рассматривается в связи с ситуацией литературной коммуникации и ее антропоморфными инстанциями, которые «принадлежат к его ведущим смысловым категориям» [3, 131]. Эти антропоморфные инстанции проявляют себя в тексте как различные типы созна-

ния, создавая многослойную функционально-коммуникативную структуру текста. Литературный дискурс представляет собой словесно реализованный образ мира, в котором находит вербальное выражение как отражаемый фрагмент этого мира, так и отражающий его субъект. При этом субъект может быть представлен непосредственно соответствующими личными формами языковых единиц или косвенно — через способ изображения объекта. Если посмотреть на модель литературной коммуникации, оставившись на ее фикциональном звене, то нарратору — автору нарратива — предшествует информирующая инстанция, от которой он получает материал для своего повествования. Как справедливо замечает Борис Успенский, нарратор может оперировать известными ему фактами или данными какого-нибудь восприятия [8, с. 161]. То есть фикциональное звено нарративной модели выглядит так: источник информации — нарратор — нарратив (см. подробнее об этой модели литературной коммуникации [4]).

В дальнейшем наши рассуждения будут касаться инвариантного типа повествовательного дискурса от 3-го лица с объективным недиегетическим повествователем (не участвующим в событиях сюжета) и анонимным наблюдателем. Поскольку нарратор в недиегетическом повествовании может быть не только имплицитным, но и — в метанарративных элементах текста — эксплицитным, то анализ точек зрения должен учитывать и его.

В таком повествовании источник информации является такой же имманентной ситуацией повествования инстанцией, как и нарратор, но он может подразумевать различных субъектов, сообщивших нарратору о событиях, которые легли в основу повествования. Исходя из характера сообщения, они могут либо различаться в дискурсе и иметь лингвистические маркеры, либо быть виртуальными фигурами. Именно то обстоятельство, что в дискурсе может быть различим антропоморфный источник информации, верифицирует историю, затушевывая факт ее вымышленности. Итак, источник информации представляет собой конструкт, который является художественным кодом литературной коммуникации, проявляется как на геноуровне, так и на феноуровне и не может игнорироваться интерпретатором.

Источник информации как исходная фикциональная инстанция может подразумевать анонимного свидетеля или участника событий, а также передавать общее мнение свидетелей или участников. Таким образом, на фикциональном уровне литературного дискурса находятся, не считая читателя, три антропоморфные инстанции: нарратор, персонаж и анонимный свидетель, или, как его называют в нарратологии и коммуникативной лингвистике [5, с. 33], наблюдатель.

Каждая из трех антропоморфных инстанций такого нарратива имеет свои функции в повествовании и представляет собой определенный тип сознания: нарратор рассказывает историю, которую он создал на основе ставших ему известными фактов, и является субъектом знания и сообщения; анонимный наблюдатель как субъект восприятия лично наблюдает событие, передавая функции сообщения о нем повествователю; персонаж, кроме физической деятельности, обладает в сюжетной композиции нарратива наиболее разнообразными функциями как субъект знания, переживания, восприятия и речи и является одновременно объектом изображения для нарратора.

Несмотря на то, что цельность нарратива обеспечивается единым субъектом речи — нарратором, его элементы организованы относительно разных субъектов: субъекта знания (когнитивная ипостась повествователя), субъекта восприятия (наблюдатель) и субъекта знания, восприятия, переживания и речи (персонаж). Эти три субъекта сознания отражают мир как известный, познаваемый или переживаемый, а повествователь передает способы их отражения мира, выступая от своего лица как субъекта знания, а также от лица двух остальных фигур нарратива. Позиции трех названных нарративных инстанций преломляют повествование, создают его разные субъектные перспективы.

Таким образом, художественный мир изображается в нарративе не как таковой и сам по себе, а в преломленном виде в соответствии с тем, сознание какого субъекта его отражает. Преломление событий через сознание субъекта при их художественном сообщении отражает дискурсивная категория перспективы повествования. Перспектива каждый раз особым образом

организует и интерпретирует фрагмент художественной действительности и поэтому отражает не только действительность, но и субъекта — носителя перспективы. Она соотносит отдельные формы речи с сознанием одного из трех субъектов — повествователя, наблюдателя или персонажа, так что они вызывают с известной определенностью представление о субъекте сознания и строят его образ.

Перспективация сообщения, то есть его организация относительно повествователя, наблюдателя или персонажа, связывает нарратив с субъектом сознания не прямым образом, а через систему «точек зрения». Точки зрения — это позиции субъекта (в прямом и метафорическом смысле), которые он занимает относительно отражаемых событий. Они представляют собой совокупность условий, создаваемых внешними и внутренними факторами ситуации и влияющих на сообщение и восприятие событий [10, с. 117].

Нарратор является центральной инстанцией, поскольку именно он передает содержание своего сознания, а также сознания наблюдателя и персонажа. Перспективы наблюдателя и персонажа зависят от его перспективы, с которой они в определенные моменты повествования пересекаются, а именно тогда, когда нарратор рассказывает о впечатлениях и переживаниях через восприятие персонажа или анонимного наблюдателя. Можно сказать, что перспектива нарратора, который составляет из отдельных собранных им свидетельств о событиях некую историю и рассказывает ее, образует внутреннюю норму повествования, а перспективы персонажа и наблюдателя выделяются на ее фоне. Поэтому внимание исследователей (и автор этой статьи не исключение¹) привлекали в основном эти «отклонения», которые рассматривались с поэтологических и лингвистических позиций². Вольф Шмид

¹ См. цитированную выше работу, а также: Когнитивный стиль и когнитивная перспектива в художественном повествовании / Интерпретация текста: ментальное зеркало видения: сб. научн тр. Екатеринбург, 2008. С. 185–196.

² Основными являются монографии Б. А. Успенского [6] и Е. В. Падучевой [5], а также работы, посвященные несобственно-прямой речи.

в своей «Нарратологии» справедливо рассуждает таким образом, что к перспективе нарратора относятся те фрагменты повествования, которые нельзя отнести к категориям персонажа или свидетеля [10, с. 123]. Представляется, однако, что категория перспективы нарратора заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Далее мы сосредоточимся на перспективе объективного нарратора — доминирующего сознания в художественном дискурсе от 3-го лица — и точках зрения, которые ее представляют. Это когнитивная, нарративная, пространственно-временная и речевая точки зрения. Нарратологи Борис Успенский и Вольф Шмид называют также идеологическую и психологическую точки зрения, но они рассматриваются ими преимущественно по отношению к перспективам персонажа и наблюдателя. Что касается объективного нарратора, то идеологические параметры этого образа можно, конечно, вывести из его повествования, а также из отступлений от повествовательной линии. Но эта задача решается, прежде всего, при интерпретации содержательной стороны дискурса, и наши рассуждения, опирающиеся в основном на вербальную сторону, ее касаться не будут.

При рассмотрении перспективы нарратора и ее точек зрения мы будем основываться на порождающей модели *точки зрения* Вольфа Шмида: ПРОИСШЕСТВИЯ — отбор — ИСТОРИЯ — композиция — НАРРАЦИЯ — вербализация — ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАРРАЦИИ [8, с. 153–155]. Отличие нашего подхода состоит, однако, в том, что звено этой модели ПРОИСШЕСТВИЯ (Geschehen) как «эстетически релевантный результат художественного изобретения», по Шмиду [10, с. 154], принадлежит не автору текста, а фикциональному источнику информации, данные которого используются фикциональным нарратором для составления истории, ее последующей композиционной обработки (НАРРАЦИИ) и вербальной презентации.

Точки зрения, указывающие на перспективу нарратора, как, впрочем, и других инстанций, часто взаимообусловлены, но для исследования дискурсивной категории перспективы их методологическое разделение традиционно считается целесообразным.

Когнитивная точка зрения отвечает за то, с каких когнитивных позиций повествует нарратор, то есть какими сведениями, полученными от источника информации, он оперирует.

В соответствии с нашим представлением о модели литературной коммуникации, нарратор является не только субъектом повествования, но и субъектом знания, или когнитивным субъектом, получившим сведения о событиях от одного или нескольких информантов. Тот факт, что существует антропоморфный источник, сообщивший о событиях, из которых складывается история (фабула), является гарантией достоверности этой истории, конечно, при условии существования добросовестного нарратора. Как раз объективное повествование от 3-го лица и претендует на то, что история достоверна, а нарратор добросовестный.

Стратегии нарратора, направленные на создание такой иллюзии, осуществляются посредством имплицитного нарратора, который проявляет себя в тексте как безличный субъект речи и субъект знания, и когнитивная точка зрения которого вытекает из сообщаемой истории. Так же, как в глубинной структуре любого высказывания, согласно Дж. Россу, содержится перформативная формула «я говорю, что...», в глубинной структуре безличного объективного нарратива заключена не только формула «я говорю, что...», но и модус «я знаю, что...».

Стратегию, направленную на создание иллюзии достоверности, осуществляют также неограниченная и ограниченная когнитивная точка зрения нарратора, который эксплицитно проявляет себя в метанарративных фрагментах текста, тематизирующих независимость или зависимость нарратора от источника информации. Неограниченную когнитивную точку зрения всеведущего нарратора, полностью владеющего информацией о событиях, иллюстрирует пример из романа Жан-Поля «Unsichtbare Loge» (1), ограниченную когнитивную перспективу — примеры из новеллы Г. фон Клейста «Michael Kohlhaas» (2) и новеллы Е. Т. А. Гофмана «Meister Floh» (3):

1. Da ich so gewiss weiss, dass die Verschwendung ihn nicht verunzierte... (К. Н.), so will ich allen Anschein durch die Nachricht wegnehmen, dass... (Unsichtbare Loge. S. 124).

2. Wohin er eigentlich ging, und ob er sich nach Dessau wandte, lassen wir dahingestellt sein, indem die Chroniken, aus deren Vergleichung wir Bericht erstatten, an dieser Stelle <...> (K. H.) einander widersprechen (Michael Kohlhaas. S. 184).

3. Es ist unbekannt geblieben, wohin Perigrinus eigentlich seine Reise gerichtet, manche wollen behaupten, er sei in dem fernen Indien gewesen, andere meinen dagegen, er habe sich das nur eingebildet; so viel ist gewiss, dass er weit weg gewesen sein muss... (Meister Floh. S. 151–152).

Нарративную точку зрения, относящуюся к композиционным процедурам повествования, характеризует такой принцип организации нарратива, при котором события (Geschehen) передаются в обобщенной форме. Повествователь преобразует события в историю, подбирая и расставляя определенным образом событийный материал, а также выбирая способы его языковой презентации. Тем самым он трансформирует информацию о событиях в вербально выраженную историю.

Нарративная точка зрения имеет в виду повествовательные стратегии, направленные на определенный отбор событий и их композиционную обработку, что предшествует ее последующей вербализации. В соответствии с представляемой здесь концепцией, пресуппозицией повествования являются знания нарратора (содержание сознания когнитивного субъекта) о фикциональных событиях.

Знание, по словам Н. Д. Арутюновой, является вторым пунктом «когнитивного цикла», который развивается от восприятия к знанию [1, с. 112]. Знание как содержание сознания (мышление о мире) фактуально и представляет собой свернутую когнитивную форму результата, а восприятие мира процессуально и обращено к событию. Поэтому представление фикциональной истории как факта знания отсылает к повествователю, а отражение процесса восприятия — к другой антропоморфной инстанции нарративного дискурса: анонимному наблюдателю или персонажу.

Выбор нарративных стратегий может касаться как крупных композиционных единств, так и речевой архитектоники. Мы здесь опускаем такие композиционные стратегии нарратора, как, например, купюры или перестановка событий, свидетельствующую

щие об обработке материала, хотя они также имеют свои речевые маркеры, и обращаем внимание на речевую стратегию сворачивания информации. Эта стратегия направлена на сообщение информации как факта знания, а не как процесса наблюдения, и отсылает к субъекту знания и повествования — нарратору, противопоставленному субъекту восприятия — абстрактному наблюдателю или персонажу.

Стратегия сворачивания информации, ее компрессия, относится, прежде всего, к временной организации и преломляет картину временных отношений между событиями. Модели хронологического стяжения нарративных событий привел Герхард Мюллер: 1) постепенное стяжение по формуле «dann und dann», 2) стяжение повторяющихся событий по формуле «immer wieder in dieser Zeit» и 3) «die ganze Zeit hindurch» [11]. Показательным является констатирующее сообщение по модели «die ganze Zeit hindurch», которое иллюстрирует самую большую степень хронологического стяжения, превращающего последовательную череду событий в факт.

Примером такого сообщения может служить зачин сказки братьев Гримм «Jorinde und Joringel»:

«Es war einmal ein altes Schloss mitten in dem grossen dicken Wald. Darinnen wohnte eine alte Frau ganz allein. Das war eine Erzzauberin. Am Tage machte sie sich zur Katze oder zur Nachtteule, des Abends aber wurde sie wieder ordentlich wie ein Mensch gestaltet. Sie konnte das Wild und die Vögel herbeilocken. Und dann schlachtete sie, kochte und briet es» (Brüder Grimm. Jorinde und Joringel. S. 7).

Этот начальный фрагмент текста представляет собой констатирующее сообщение, состоящее из последовательности предложений, которые имеют не временную, а перечислительную связь. Свойства изображаемого объекта сообщаются как известные нарратору факты.

К другому виду компрессии информации относится косвенная речь, а также косвенная передача мыслей и душевного состояния персонажа без привлечения его внутренней речи. Одна-

ко этот вид компрессии указывает на смешанный вид перспективы. Здесь присутствует не только нарративная и временная точки зрения нарратора, но также и когнитивная точка зрения персонажа (содержание его сознания), которая эксплицитно или имплицитно может передаваться модусами «он подумал / почувствовал / сказал, что...».

Стратегия сворачивания информации противоположна установке на детализацию, которая связывается с передачей процесса восприятия событий наблюдателем или персонажем.

Нарративная и когнитивная точки зрения в значительной мере взаимообусловлены. С одной стороны, нарративные стратегии предполагают, как было сказано выше, не только субъекта повествования, но и субъекта знания, а с другой стороны, обработанность материала повествования не всегда позволяет судить о полноте и характере осведомленности нарратора.

Пространственно-временная точка зрения, в отличие от когнитивной и нарративной точек зрения, изучалась и литературоведами, и лингвистами. В художественном дискурсе, как показал М. М. Бахтин, пространство и время неразрывны, и время образует четвертое измерение пространства, составляя вместе с ним хронотоп [2, с. 9]. Хронотоп нарратива от 3-го лица образует модель *он — там — тогда*.

Пространственно-временная точка зрения повествователя как субъекта знания, находящегося вне событий, ретроспективна. Основой темпоральной семантики нарратива является прошлое, обозначаемое претеритом и другими формами этого микрополя. Повествовательный претерит, являясь нарративной нормой, маркирует точку зрения нарратора и свидетельствует о ее направленности из настоящего в прошлое. Претерит, как говорит Е. И. Шендельс, характеризует сема дистантности по отношению к моменту речи и отсутствие семы законченности действия [9, с. 63]. Поэтому с его помощью передается пространственно-временная удаленность нарратора от событий, создаются предпосылки для отстраненного, субъективно незаинтересованного сообщения, с одной стороны, и вызывается ожидание подробного описания, с другой.

Локальная позиция имплицитного нарратора, в основном, не имеет самостоятельного языкового выражения¹. Вольф Шмид даже усматривает в немаркированности пространственной позиции свидетельство перспективы нарратора [10, с. 131].

Пространственно-временная удаленность нарратора подчеркивается за счет метанарративных элементов, относящихся к эксплицитному нарратору недиегетического повествования, который находится в ситуации *я — здесь — сейчас*. Время существования такого нарратора продолжается от начала до конца его повествования, а пространство определяется тем или иным его (повествования) этапом и пространством самого текста в совокупности его частей. Эти пространственно-временные координаты метонимически сливаются при их лексическом обозначении: *am Anfang des Kapitels, am Ende der Erzählung*. Посредством противопоставления ситуации наррации и референтной ситуации актуализируется семантика дистантности событийного плана.

Иллюстрировать это может следующий пример из новеллы Е. Т. А. Гофмана:

«Genügen würde es auch **hier** vollkommen zu versichern, dass das Frauenzimmer... (К. Н.) über Massen hübsch war» (Е. Т. А. Hoffmann. Meister Floh. S. 157).

Пространственно-временная точка зрения нарратора связана с когнитивной, поскольку ретроспекция, как и наррация, обусловливается наличием знания о событиях.

Речевая точка зрения реализуется в стилевом характере нарратива, в частности, как соответствие *стилевой повествовательной нормы* [6]. Ее основные характеристики мы формулируем с опорой на работу В. Д. Левина [4]. Это: соответствие нор-

¹ В редких случаях все же может встречаться локальный дейксис, усиливающий пространственно-временную удаленность нарратора, как например, в приведенном зачине сказки братьев Grimm: «Es war einmal ein altes Schloss mitten in einem grossen, dicken Wald, **darinnen** wohnte eine alte Frau ganz allein...» (Kinder- und Hausmärchen. Bd. 3. S. 7). Однако средства локального дейксиса ориентируются преимущественно на внутреннюю, событийную точку отсчета.

мам литературного языка в его письменном и устном вариантах, принципиально письменный характер повествования, синтез книжных и разговорных элементов при их паритетном соотношении, так что в нем сочетаются подготовленность как основное свойство письменной речи и неофициальность как основное свойство речи разговорной.

Разговорные элементы, выходящие за пределы литературной нормы, выполняют характерологические функции: в нормативном повествовании они выступают как «объектные», то есть идущие от объекта изображения — персонажа.

Вероятно, следует упомянуть еще об одной точке зрения — **оценочной**, которая рассматривается часто в связи с идеологической точкой зрения [10, с. 119]. Субъективная оценка, релевантная для персонажа, а также возможная у наблюдателя, не может проявляться в речи объективного нарратора. Даже средства эмоциональной оценки, относящиеся к его перспективе, имеют объективный характер. Так, например, в новелле Гофмана «Klein Zaches genannt Zinnober» отрицательное впечатление, которое производит главный персонаж, передается средствами эмоциональной оценки, по своему характеру совпадающими у всех персонажей и повествователя: *der abscheuliche Wechselbalg, der Kleine, der kleine wunderliche Knirps, das kleine zauberische Ungetüm* и пр. Оценка повествователя здесь не отличается от оценки персонажей и поэтому относится к его перспективе, но не маркирует ее.

В заключение выскажем некоторые соображения, которые касаются темы настоящей статьи.

Методика расслоения перспективы на точки зрения оправдана прежде всего потому, что перспективы нарратора, с одной стороны, и персонажа или абстрактного наблюдателя, с другой, часто переплетаются. Поэтому определение того, какой нарративной инстанции принадлежит перспектива того или иного фрагмента текста, требует обоснований, которые могут опираться на понятие точки зрения.

Перспектива нарратора, рассмотренная в инвариантном повествовании от 3-го лица в совокупности ее точек зрения, явля-

ется нормативной категорией нарративных дискурсов, в которых на фоне этой нормативной перспективы могут проявляться точки зрения персонажа или абстрактного наблюдателя.

Функционально-коммуникативная категория перспективы позволяет с новых позиций посмотреть на организацию повествовательного текста и объяснить функционирование таких нарративных элементов, которые прежде не находили объяснения. Это относится не только к художественному повествованию, но может распространяться также и на нарративные дискурсы как таковые.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. *Бахтин М. М.* Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 301 с.
3. *Гончарова Е. А.* Дискурсивные и коммуникативные параметры интерпретации текста // И. А. Щирова, Е. А. Гончарова. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. СПб.: Книжный дом, 2006. 171 с.
4. *Левин В. Д.* Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной литературы. М.: Наука, 1971. С. 9–96.
5. *Новожилова К. Р.* Фигура наблюдателя и ее представление в художественном дискурсе // Текст — Дискурс — Диалог культур: сб. научн. статей. СПб.: Изд-во СПб гос. ун-та экономики и финансов, 2005. С. 158–168.
6. *Новожилова К. Р.* Стилевая норма немецкого художественного нарратива // Вестник С.-Петербург. ун-та. Серия 9. Вып. 3. 2013. С. 204–210.
7. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
8. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. СПб.: Academia; Азбука, 2000. 348 с.
9. *Шендельс Е. И.* Многозначность и синонимия в грамматике. М.: Высшая школа, 1970. 203 с.
10. *Шмид В.* Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 302 с.
11. *Müller G.* Die Bedeutung der Zeit in der Erzählkunst. Bonn: Universitäts-Verlag, 1947. 26 S.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

1. *Brüder Grimm*. Jorinde und Joringel / Kinder- und Hausmärchen. Berlin, 1955. Bd. 3. S. 7–12.
2. *Hoffmann E. T. A.* Meister Floh. Ein Märchen in sieben Abenteuern. / Hoffmanns Werke in drei Bänden. Berlin u. Weimar: Aufbauverlag, 1979. Bd. 2. S. 141–300.
3. *Kleist H. v.* Michael Kohlhaas / Kleists Werke in zwei Bänden. Berlin u. Weimar: Aufbauverlag, 1971. Bd. 1. S. 82–188.
4. *Richter Jean Paul*. Unsichtbare Loge. — Jean Pauls Werke. Berlin.: Gustav Sempel, s. a. Bd. 49–51. 352 S.

REFERENCES

1. Arutiunova N.D. *Tipy iazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meaning. Evaluation. Event]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 s.
2. Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and Novel]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 301 s.
3. Goncharova E.A. *Diskursivnye i kommunikativnye parametry interpretatsii teksta* [Discursive and communicative parameters of text interpretation]. I.A. Shchirova, E.A. Goncharova. *Tekst v paradigmakh sovremenogo gumanitarnogo znaniia* [Text in the Paradigms of Modern Human Science Knowledge]. Saint Petersburg, Knizhnyi dom Publ., 2006. 171 s.
4. Levin V.D. *Literaturnyi iazyk i khudozhestvennoe povestvovanie* [Literary Language and Literary Narrative]. *Voprosy iazyka sovremennoi literatury* [Issues in the Language of Modern Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1971. S. 9–96.
5. Novozhilova K.R. *Figura nabliudatel'ia i ee predstavlenie v khudozhestvennom diskurse* [The figure of the observer and its representation in the literary discourse]. *Tekst — Diskurs — Dialog kul'tur: sb. nauchn. Statei* [Text — Discourse — Dialogue of Cultures: Collection of Academic Papers]. Saint Petersburg, Izd-vo SPb gos. un-ta ekonomiki i fi nansov, 2005. S. 158–168.
6. Novozhilova K.R. *Stilevaia norma nemetskogo khudozhestvennogo narrativa* [The stylistic norm of the German literary narrative]. *Vestnik St. Petersburg University. Serii 9. Vyp. 3.* 2013. S. 204–210.
7. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniia: Semantika vremeni i vida v russkom iazyke. Semantika narrativa. 2-e izd., ispr. i dop.* [Semantic Studies: Semantics of Tense and Aspect in the Russian Language.

Semantics of the Narrative. 2nd revised edition]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2010. 480 s.

8. Uspenskii B.A. *Poetika kompozitsii* [Poetics of the Composition]. Saint Petersburg, Academia Publ.; Azbuka Publ., 2000. 348 s.
9. Shendel's E.I. *Mnogoznachnost' i sinonimiia v grammatike* [Polysemy and Synonymy in Grammar]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1970. 203 s.
10. Schmid V. *Narratologija*. 2-e izd., ispr. i dop. [Narratology. 2nd revised edition]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008. 302 s.
11. Müller G. *Die Bedeutung der Zeit in der Erzählkunst*. Bonn, Universität Verlag, 1947. 26 S.

Новожилова Ксения Ростиславовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Xenya R. Novozilova

Docent of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: nowozilowa.xenya@yandex.ru

**ТИП ТЕКСТА «КОЛОНКА»
(на материале публикаций М. Райх-Раницкого)**

Ключевые слова: колонка, тип текста, публицистический текст, авторское мнение, точка зрения.

В публикации представлены результаты лингвистического анализа типа текста «колонка», в ходе которого была описаны ее эксплицитные и имплицитные признаки. Наиболее показательным явлением, характеризующим данный тип текста, является его усиленное авторское начало. Колонке М. Райх-Раницкого присуща диалогичность, проявляющаяся на различных языковых уровнях. Автор отмечает также тенденцию к преобладанию разговорных средств языка для обеспечения экспрессивности в ходе реализации стратегии убеждения.

E. S. SADOVSKAYA

St. Petersburg State University

**COLUMN AS A TEXT TYPE
(based on publications of Marcel Reich-Ranicki)**

Keywords: journalistic text, text type, column, author's point of view.

The article highlights the phenomenon of the progressive growth of different means of mass media which causes plurality of opinion and reduces its authority. The column as a press genre has typical features which are considered among its history and development. The author investigates the means of dialogism as a typical feature of Reich-Ranicki texts, as well as markers of speaking style used as means of argumentation.

В настоящее время состояние современной публицистики характеризует стремление к субъективации повествования. Одновременно с этим, вследствие широкого распространения различных интерактивных каналов СМИ, создаются благоприятные

условия для равноправного и непрерывного диалога с аудиторией. Со страниц печатных изданий полемика переходит на просторы интернета, появляется большое количество электронных СМИ. С этим феноменом связано также появление значительного количества новых авторов, зачастую не владеющих достоверной информацией и не являющихся экспертами в той или иной обсуждаемой области. Читателю становится все сложнее осуществить процесс отбора качественной и заслуживающей внимания информации, ставится под сомнение авторитетность создателя текста. Результатом происходящих процессов является возрастающий интерес к публицистическим жанрам с ярко выраженным авторским началом, таким как комментарии, эссе или колонка.

До становления колонки как самостоятельного публицистического жанра ей пришлось пройти ряд модификаций: изначально она выступала в качестве элемента оформления газетного полотна; текст в газете печатался мелким шрифтом, и для облегчения прочтения было принято делить его на колонки. И только через несколько столетий колонка становится самостоятельной рубрикой. На начальном этапе развития колонка-рубрика служит для описания событий светской хроники, но постепенно она приобретает комментирующий характер, позволяя автору высказать свое мнение по наиболее острым вопросам политики и общества. В российские СМИ колумнистика пришла лишь в 90-х годах XX века.

Объектом нашего исследования стали публицистические тексты Марсея Райх-Раницкого, относящиеся к жанру колонки, выходившей под названием «Fragen Sie Reich-Ranicki» («Спросите у Райх-Раницкого») в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» в рубрике «Фельетон» раздела «Книги» на протяжении 10 лет (с 2003 по 2013 год).

В интернет-версии печатного издания эта колонка сопровождается кратким описанием: рекомендации к прочтению, краткие суждения, привлечение внимания читателя к забытым книгам, пересмотр мнений критиков, а также «Klatsch und Tratsch über verstorbene und zeitgenössische Schriftsteller» — «сплетни и пересуды» о писателях прошлого и современности.

Обратим внимание, что для тональности исследуемого материала характерна непринужденность и раскованность, что видно уже из заголовка: вместо полной формы имени и фамилии Марселя Райх-Раницкого используется только фамилия, что придает разговорно-фамильярный оттенок, формирует ощущение безусловного восприятия читателем главного критика страны без указания дополнительной информации и каких-либо комментариев. Легкий тон поддерживает и использование фразеологического единства разговорного стиля в виде парного сочетания слов «Klatsch und Tratsch».

Отечественный исследователь Л. Е. Кройчик относит колонку к исследовательско-новостным журналистским жанрам, отвечающим одновременно двум целям: сохранению новостного ядра, или актуализации проблемы, и ее персональному анализу [3]. Таким образом, происходит перенос акцента с новизны на актуальность, с изложения факта на его комментарий. В исследуемом нами материале мы также прослеживаем эту особенность: отвечая на вопросы зрителей, автор актуализирует информацию о конкретном писателе и дает свою оценку его творчеству; зачастую речь идет о многих незаслуженно забытых литературных деятелях:

*Seit etwa fünfzig Jahren kennt **niemand** mehr Curt Goetz. **Niemand** kann erklären, warum er so schnell und so ganz und gar in Deutschland und in der Welt vergessen wurde. Sie, Frau Zerbes, können den Grund **nicht** nennen, obwohl Sie Goetz offenbar als bedeutenden Dramatiker und Könner kennen. Und auch ich weiß ihn leider **nicht**. («Interessanter als die Lustspiele von Oscar Wilde» / Fragen Sie Reich-Ranicki — FAZ, 21.03.2012)*

Данный фрагмент служит показательным примером того, как автор не просто констатирует факт (или передает читателю информацию), что значимый немецкий писатель давно и окончательно забыт, сколько стремится выразить свое особое мнение по этому поводу, придать ему эмоциональный оттенок сожаления, разочарования, грусти. Экспрессивность высказывания реализуется за счет использования отрицательных предложений.

Можно сказать, что таким образом достигается кумулятивный эффект — в первый раз используется местоимение *niemand* в середине предложения, затем во втором предложении оно эмфатически выделяется благодаря постановке на первое, сильное место в предложении, и, наконец, последнее предложение заканчивается отрицательной частицей *nicht*, которая является одним из самых сильных средств эмфатической ритмизации высказывания — и которая занимает сильную конечную позицию в предложении. Стратегию выражения сожаления автор осуществляет также с помощью лексики *leider*.

Колонка может представлять собой вариант персональной рубрики, которая сочетает в себе черты комментария, фельетона или эссе. Автор и его личная точка зрения, его размышления и переживания становятся смысловым ядром колонки. Следует отметить, что наличие колонки, автором которой является известная приглашенная личность, положительно сказывается на имидже самого печатного издания. В этом отношении с позиции читателя немаловажную роль также играет психологический фактор: для читателя авторская характеристика отраженной действительности является неким примером, образцом, на основе которого он формирует свое мнение. Общественную известность и всеобщую любовь со стороны публики Райх-Раницкий приобрел после выхода телевизионной передачи «Литературный квартет» (1988–2001) на втором государственном канале немецкого телевидения ZDF, в которой он вместе с тремя известными критиками З. Лёфлер, Х. Карасек и Ю. Буше обсуждал новые книги. С этого времени М. Райх-Раницкого начали именовать, как понтифика, «Папой немецкой литературной критики». Публицист Рут Шнеебергер, автор некролога в газете «Süddeutsche Zeitung» по случаю смерти великого критика, сформулировала в его заголовке «Der Mann, der uns das Lesen lernte» («Человек, который научил нас читать») ведущую характеристику деятельности публициста, а именно — ту образовательно-дидактическую роль, которую он сыграл в жизни немецкого народа.

Как утверждает Л. Е. Кройчик, колонка — это всегда прямой диалог с аудиторией, это открытый контакт с читателем [3]. Под-

тверждение этому мы видим в названии колонки Райх-Раницкого («Fragen Sie Reich-Ranicki» — ср. русск. «Спросите у Райх-Раницкого»), которое звучит как призыв к читателю, как констатация готовности и желания автора, литературного критика с многолетним опытом, дать свою оценку творческой деятельности писателей; открыть для читателей новых для них авторов, имена которых по тем или иным причинам оказались забыты. Более того, композиционная структура авторской колонки Раницкого включает в себя обязательный элемент — вопрос, заданный анонимно или с подписью автора, что подчеркивает диалогическую природу данного типа текста.

В большинстве случаев благодаря наличию заголовка, дополнительного иллюстративного компонента (фотографии) автор уже создает благоприятные условия для понимания тематики дальнейшего текста, следовательно, наличие вопроса могло бы быть необязательным. Однако автор считает нужным включить сам вопрос в основной текст с целью создания имитации живого разговора, воплощения формы «вопрос — ответ». Если в комментарии, по мнению Л. Е. Кройчик, связь публициста и аудитории факультативна [3], то в колонке обязательна. Колонка представляет собой ответ публициста читателю, предлагающий в образно-эмоциональной форме свою оценку фактов и явлений действительности.

Исследователь А. А. Тертычный в ходе анализа публикаций, представляющих собой соединение вопроса читателя и ответа на него компетентного лица, отмечает, что, будучи краткими по форме, они в то же время становятся более выигрышными, нежели информационные материалы других жанров [5]. Их выигрышность — в сфокусированности на тех проблемах, которые наиболее интересуют активную часть аудитории. Как правило, и в отечественной, и в западной журналистике объем текста колонки ограничивается 200 строками. Следовательно, сочетание небольшого размера и емкость, подача концентрированной информации, являются характерными чертами данного журналистского жанра.

Отметив вопрос читателя как постоянный элемент композиционного построения колонки Райх-Раницкого, остановимся

на более подробном рассмотрении ее структурной организации. В структуру колонки входят следующие элементы: заголовок, лид, вопрос читателя, развернутый ответ, концовка.

Заголовок как один из важнейших структурных элементов журналистского текста выполняет информативную и контактную функции: охватывает в сжатой форме основное содержание и привлекает внимание читателя, мотивируя его к дальнейшему прочтению материала. В большинстве случаев заголовки текстов Райх-Раницкого представляют собой номинативные заголовки, как правило, состоящие из двух существительных или существительного и прилагательного, которые характеризуют героя повествования, создают его портрет, образ («Der Dichter der großen Vergeblichkeit», «Ein Weltmeister im Selbstlob», «Der polnische Goethe»).

Далее следует лид, включающий в себя дату публикации и сжатую информацию о герое повествования, его биографические данные или краткую характеристику его творческой деятельности. Таким образом, лид выполняет подготовительную функцию, снабжая читателя необходимым количеством информации для восприятия дальнейшей статьи; служит начальным этапом в процессе раскрытия темы.

В ходе творческого процесса журналисту, согласно М. Н. Ким, необходимо, прежде всего, выявить наиболее существенные факты для анализа, определить узловые моменты основной проблемы и выбрать метод предъявления фактологических данных. Ввиду того, что колонка имеет ограниченный объем, перед автором стоит задача максимально емко обозначить свою мировоззренческую позицию в отношении к герою повествования, а также проявить свою творческую индивидуальность.

Как правило, содержательную часть текстов Райх-Раницкого можно разделить на два смысловых блока. В первой части автор приводит краткое изложение биографии творческого деятеля, зачастую представляющее собой перечисление фактов без оценки событий. В этом колонка имеет схожие черты с портретным очерком, построенным как хронологическое описание жизни героя. Автор сталкивается с необходимостью «свертывания»

обширного пласта информации о событиях из жизни и смерти писателя до нескольких наиболее значимых эпизодов. Из известных способов создания структурно напряженного текста, то есть более плотного представления информации в тексте автор использует сжатие нескольких сообщений в одно предложение. На синтаксическом уровне это реализуется за счет использования простых или бессоюзных сложносочиненных предложений:

Nelly Sachs wurde 1891 in Berlin geboren, sie wuchs in großbürgerlichem Milieu auf, lebte aber während des „Dritten Reichs“ in Stockholm in ärmlichen Verhältnissen. Die Lektüre von Selma Lagerlöfs „Gösta Berling“ hat ihre eigenen literarischen Versuche angeregt. 1960 reiste sie in die Schweiz, nach Frankreich und nach Deutschland; zurück in Schweden erlitt sie einen psychischen Zusammenbruch. Sie starb 1970. („Ich kapitulierte“ / Fragen Sie Reich-Ranicki — FAZ, 18.04.2011)

Здесь также стоит отметить справедливое высказывание Т. А. Беневоленской: «очеркиста всегда подстерегает опасность увлечься чисто внешними (которые могут быть яркими, даже сенсационными) подробностями быта, перипетиями судьбы в ущерб главному, основному — раскрытию внутренней сути современника, его мироощущения, его социального лица, без чего нельзя представить социальную роль героя, его профессию, его дела».

Во второй части следует аргументированный ответ на вопрос, заданный читателем, здесь мы имеем дело с экспрессивным выражением авторского мнения. Колонка как гибридный тип публицистического текста, сочетающий в себе вышеописанные признаки портретного очерка, может носить в себе также черты очерка-исследования, где автор, в ходе выявления причинно-следственных связей между явлениями действительности и исследования внутреннего мира героев, мотивов их поведения, строит публицистический текст согласно логике развития своей мысли:

(1) Sie will den Lesern reinen Wein einschenken und zugleich den Autor, den Regisseur und den Schauspieler nicht kränken. Sie möchte den Kuchen aufessen und ihn doch haben. <...> Den Ku-

chen aufessen und ihn doch haben — ob dies eines der Leitmotive im Leben von Hilde Spiel war?<...>

(2) 1955 erwirbt sie ein Haus in St. Wolfgang und ist nun **mit einem Bein in England und mit dem anderen in Österreich**. Waren es drei Vaterländer? Wer drei Vaterländer hat, der hat **gar** keines. (“Sie suchte das rechte, das milde Licht” / Fragen Sie Reich-Ranicki — FAZ, 16.10.2011)

Приведенные примеры изобилуют разговорными выражениями, пословицами и частицами (выделены в тексте примеров), за счет употребления которых автором достигается эффект высокой эмоциональности и экспрессивности. В примере (1) Райх-Раницкий строит следующую цепочку своего рассуждения: он констатирует, что писательница хочет оставаться откровенной со своими читателями (*den Lesern reinen Wein einschenken*), одновременно не ущемляя интересы режиссера и актера, таким образом, пытаясь «усидеть на двух стульях» (*den Kuchen aufessen und ihn doch haben*), что наталкивает его на мысль, которую он формирует в виде риторического вопроса. В примере (2) автор также использует вопросительную форму высказывания для иллюстрации хода своего рассуждения, однако на этот раз он не оставляет ответ за читателем, а делает четкий, резкий вывод, усиливая свою категоричность частицей «gar».

В концовке автор резюмирует и обобщает свои впечатления, оценки и мнения.

Основываясь на теоретических положениях, полученных из работ отечественных и зарубежных исследователей, а также опираясь на данные, полученные в ходе анализа практического материала, можно сделать вывод, что, несмотря на некоторые черты, заимствованные из других публицистических жанров, жанр колонки имеет существенные отличительные признаки, среди которых можно выделить своего рода технические особенности, такие как, например, установленный небольшой объем текста или регулярность выхода публикации в печатном или интернет-издании. Но наиболее показательным явлением, характеризующим данный жанр, является усиление авторского начала, наличие

авторитетного мнения и его экспрессивного выражения. Для колонки Марселя Райх-Раницкого «Fragen Sie Reich-Ranicki» характерно соблюдение внешних правил оформления данного публицистического типа текста: ей присуща краткость и определенная устойчивая архитектура, в которой можно выделить элемент, необязательный для других текстовых представителей данного жанра, но являющийся ключевым в данном случае, поскольку он выполняет коммуникативно-прагматическую роль и способствует реализации категории диалогичности текста.

Автор пропускает различные события, эпизоды из жизни, личности известных людей сквозь призму своего восприятия, читатель сталкивается непосредственно с ходом его рассуждения, его личной оценкой, что позволяет читателю формировать собственную точку зрения. Для осуществления стратегии убеждения Райх-Раницкий активно использует разговорные выражения, паремии, средства экспрессивного синтаксиса.

Наличие авторских колонок в печатных или интернет-изданиях также положительно сказывается на рейтинге самого издания, так как это позволяет существенно расширить охват читательской аудитории, которой будет интересна не столько сама тематика (например, жизнь и творчество писателей), сколько личное мнение конкретной персоны — эксперта с мировым именем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беневоленская Т. А.* Композиция газетного очерка. М., 1975. 67 с.
2. *Ким М. Н.* Технология создания журналистского произведения. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2001. URL: <http://evartist.narod.ru/text/71.htm> (дата обращения: 20.10.2013).
3. *Кройчик Л. Е.* Система журналистских жанров. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/64.htm> (дата обращения: 10.10.2013).
4. *Сарафанникова Е. В.* Авторитетность в новостном дискурсе. Серия «Аспекты языка и коммуникации». Вып. 4. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-75> (дата обращения 17.11.2013).

5. *Тертычный А. А.* Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 17.11.2013).
6. *Ярцева С. С.* Колумнистика: история возникновения и перспективы развития. Автореф. дис ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011.
7. *Schneeberger R.* Der Mann, der uns das Lesen lernte / *Süddeutsche Zeitung*. 18.09.2013. URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/marcel-reich-ranicki-ist-der-mann-der-uns-das-lesen-lehrte-1.1379918> (дата обращения: 01.12.2013).

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

1. *Reich-Ranicki M.* Interessanter als die Lustspiele von Oscar Wilde./ Fragen Sie Reich-Ranicki / M. Reich-Ranicki // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 21.03.2012. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-interessanter-als-die-lustspiele-von-oscar-wilde-11688200.html> (дата обращения: 01.12.2013)
2. *Reich-Ranicki M.* Ich kapitulierte / Fragen Sie Reich-Ranicki / M. Reich-Ranicki // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 18.04.2011. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-ich-kapitulierte-1628099.html> (дата обращения 01.12.2013).
3. *Reich-Ranicki M.* Sie suchte das rechte, das milde Licht / Fragen Sie Reich-Ranicki / M. Reich-Ranicki // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 16.10.2011. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/fragen-sie-reich-ranicki/fragen-sie-reich-ranicki-sie-suchte-das-rechte-das-milde-licht-11635160.html> (дата обращения: 01.12.2013).

REFERENCES

1. Benevolenskaia T.A. *Kompozitsiia gazetnogo ocherka* [Composition of a Feature Story]. Moscow, 1975. 67 s.
2. Kim M.N. *Tekhnologiia sozdaniia zhurnalistskogo proizvedeniia* [The Mechanics of Creating a Work of Journalism]. Saint Petersburg, Izd-vo Mikhailova V.A., 2001. Available at: URL: <http://evartist.narod.ru/text/71.htm> (accessed 20.10.2013).
3. Kroichik L.E. *Sistema zhurnalistskikh zhanrov. Osnovy tvorcheskoi deiatel'nosti zhurnalista* [The System of Journalistic Genres. Basic Principles of Creative Journalistic Work]: Uchebnik dlia stud. vuzov po spets. «Zhurnalistika», red.-sost. S.G. Korkonosenko [Textbook for Students Majoring in “Journalism”, compiled and ed. by S.G. Korkonosenko].

- Saint Petersburg, Znanie Publ., SPbIVESEP Publ., 2000. Available at: URL: <http://evartist.narod.ru/text5/64.htm> (accessed 10.10.2013).
4. Sarafannikova E.V. *Avtoritnost' v novostnom diskurse* [Authority in the News Discourse]. Seriya Aspekty iazyka i kommunikatsii. Aspects of Language and Communication Series] Vyp. 4. Voronezh, Voronezh. gos. universitet; Izdatel'skii dom Aleinikovykh, 2008. Available at: URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-75> (accessed 17.11.2013).
 5. Tertychnyi A.A. *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres in Print Media]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. Available at: URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (accessed 17.11.2013).
 6. Iartseva S.S. *Kolumnistika: istoriia vozniknoveniia i perspektivy razvitiia*: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Newspaper Column: Origins and Prospects for Development. Doctoral Dissertation Summary]. Voronezh, 2011.
 7. Schneeberger R. *Der Mann, der uns das Lesen lernte*. Süddeutsche Zeitung. 18.09.2013. Available at: URL: http://www.sueddeutsche.de/kultur/marcel_reich-ranicki-ist-der-mann-der-uns-das-lesen-lehrte-1.1379918 (accessed 01.12.2013).

Садовская Елена Сергеевна

Аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Elena S. Sadovskaya

Doctoral student, Department of German Philology, St. Petersburg State University.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: sadowski.elena@gmail.com

**К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
В НЕМЕЦКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ XVIII ВЕКА**

Ключевые слова: европейское Просвещение, научный дискурс XVIII века, рационализм, грамматика, риторика, немецкий язык, Готшед, Аделунг.

В статье на примере концептуальных грамматических текстов Готшета и Аделунга рассмотрены некоторые особенности немецкого научного дискурса XVIII века. Проведенный анализ подтверждает, что ориентация на рациональное объяснение грамматических фактов, четкая авторская позиция, разнообразные подходы к описанию структуры и правил функционирования немецкого литературного языка отражают общие тенденции развития научной ситуации в Германии.

K. A. FILIPPOV

St. Petersburg State University

**ON CONCEPTIONAL GRAMMAR TEXTS
IN GERMAN SCIENTIFIC DISCOURSE
OF THE 18th CENTURY**

Keywords: European Enlightenment, scientific discourse of the 18th century, rationalism, grammar, rhetoric, German language, Gottsched, Adelung.

The paper describes essential features of German scientific discourse in the 18th century illustrated by conceptional grammar texts by Gottsched and Adelung. Among the general tendencies of German scientific discourse are rational explanation of grammatical facts, a clear definition of an author's position, and various approaches to the description of Standard German's structure and its usage rules.

Немецкое Просвещение занимает выдающееся место в истории европейской науки и культуры, правда, осознание этого факта пришло не сразу. Полемика об оценке и вкладе отдельных выдающихся личностей Германии XVIII века в мировую науку и культуру продолжается до сих пор.

Ярким примером весьма вольной оценочной трактовки немецкого Просвещения выступает фрагмент, взятый из книги «Всемирная история. Эпоха Просвещения» (2003), целиком посвященной историческому и культурному описанию данной эпохи. Авторы этого научного труда удивительным образом определяют временные границы и значимость немецкого Просвещения: «Хронологически рамки немецкого Просвещения ограничиваются обычно 1740–1780 годами. Исследователи утверждают, что английское Просвещение было значительно самобытней, а французское — значительно влиятельнее, чем Просвещение в Германии» [1, с. 137–138].

Приведенная выше авторская трактовка исторических границ немецкого Просвещения и явная недооценка вклада немецких просветителей в мировую науку и культуру (пусть даже со ссылкой на неких исследователей) вынуждает меня вступить в полемику с авторами этого издания. Такое уточнение представляется мне тем более необходимым, что, по выразительным словам Иоганна Вольфганга Гёте, «истину нужно постоянно повторять, ибо и заблуждения проповедаются вокруг нас постоянно» [5, с. 724].

Если согласиться с приведенным выше мнением авторов, то нам придется исключить из рассмотрения и поставить под сомнение некоторые общепринятые принципы подхода к анализу исторических событий, культурных фактов и научных данных всего XVIII века. Ведь именно знаменитый немецкий философ Иммануил Кант в 1784 году (то есть уже после заявленных «хронологических рамок»!) сформулировал своеобразный девиз всей эпохи Просвещения: «*Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» *Sapere aude! Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen! ist also der Wahlspruch der Aufklärung*) [12, S. 9].

Для Канта путь к просвещению предполагал свободу (*Freiheit*) и публичное использование разума (*öffentlicher Gebrauch der Vernunft*). Философ проводил четкую границу между частным и публичным применением разума: «...Применение священником своего разума перед своими прихожанами есть лишь частное его применение, ибо эти прихожане составляют только домашнее, хотя и большое, собрание людей. И ввиду этого он как священник не свободен и не может быть свободным, так как он выполняет чужое поручение. В качестве же ученого, который через свои произведения говорит с настоящей публикой, а именно с миром, стало быть при публичном применении своего разума, священник располагает неограниченной свободой пользоваться своим разумом и говорить от своего имени» (*Der Gebrauch also, den ein angestellter Lehrer von seiner Vernunft vor seiner Gemeinde macht, ist bloß ein Privatgebrauch; weil diese immer nur eine häusliche, obzwar noch so große, Versammlung ist; und in Ansehung dessen ist er, als Priester, nicht frei, und darf es auch nicht sein, weil er einen fremden Auftrag ausrichtet. Dagegen als Gelehrter, der durch Schriften zum eigentlichen Publikum, nämlich der Welt, spricht, mithin der Geistliche im öffentlichen Gebrauche seiner Vernunft, genießt einer uneingeschränkter Freiheit, sich seiner eigenen Vernunft zu bedienen und in seiner eigenen Person zu sprechen*) [12, S. 13] (здесь и далее перевод мой. — К. Ф.).

Приведенная выше точка зрения Канта интересна тем, что в ней представлена квинтэссенция научно-исследовательского подхода, характерного для всей эпохи Просвещения. Еще раз обратим внимание на слова Канта, характеризующие позицию ученого, который пытается проникнуть в тайны природы и общества: 1) ученый говорит с миром посредством своих произведений (*durch Schriften*), 2) применение разума должно осуществляться публично (*im öffentlichen Gebrauche seiner Vernunft*), 3) в своей деятельности ученый пользуется неограниченной свободой (*genießt einer uneingeschränkter Freiheit, sich seiner eigenen Vernunft zu bedienen*) и 4) говорит от своего имени (*in seiner eigenen Person*).

Значение немецких ученых-просветителей для всей европейской науки и культуры я хочу продемонстрировать на примере

грамматических концепций, составляющих важнейшую часть научного дискурса XVIII века. При этом в основе словосочетания *концептуальные грамматические тексты* лежит понимание прилагательного *концептуальный*, принятое в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой как «имеющий серьезную самостоятельную концепцию» [3, с. 293]. Иными словами, предметом исследования данной статьи выступают грамматические тексты XVIII века, имеющие серьезную самостоятельную концепцию.

Под грамматикой в данной статье понимается дисциплина, традиционно причисляемая к так называемым семи свободным искусствам. Как известно, вплоть до XVIII века грамматика рассматривалась в ее связи с риторикой и другими научными дисциплинами, которые вместе составляли «семь свободных искусств»: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка [4, с. 254].

Первые три дисциплины, или тривиум (грамматика, риторика, диалектика), представляли гуманитарное направление свободных искусств и определяли, согласно классическому канону, правила построения речи (текста). Остальные дисциплины, или квадриум (арифметика, геометрия, астрономия, музыка), входили в состав точных наук, в основе которых лежали математические методы.

Исидор Севильский в своем трактате «Этимологии» дает подробную характеристику всем семи свободным искусствам. Нас в данном случае интересуют три первые дисциплины, содержащие правила построения речи (текста). О грамматике Исидор говорит следующее: «Грамматика есть знание, как правильно говорить; это начало и основание свободного письма» [2, с. 12]. И далее: «Риторика же связана с искусством грамматики. Ведь в грамматике мы учимся науке правильно говорить, а в риторике мы действительно постигаем, каким образом будем выражать те вещи, которым научились» [2, с. 67].

Гуманитарную триаду вышеназванных свободных искусств завершает определение диалектики: «Диалектика — это наука, изобретенная для рассуждения о причинах (сути, *causae*) вещей.

Она сама является той разновидностью философии, которая называется логикой и которая способна умозрительно определять, вопрошать и рассуждать. Ведь она в разного рода изысканиях учит, каким образом истина отличается от лжи» [2, с. 88]. Для подчеркивания связи диалектики и риторики Исидор использует очень выразительное сравнение: «Диалектика и риторика — это как сжатый кулак и раскрытая ладонь человеческой руки: первая речи сокращает, вторая — распространяет. Диалектика для тех, кто рассуждает о вещах более прямо, а риторика — для тех, кто стремится излагать более красноречиво» [Там же].

Классическое понимание грамматики как составной части семи свободных искусств характерно для большинства главных грамматических текстов XVIII века. Примером такого положения дел может служить определение грамматики, представленное в выдающемся труде крупного немецкого писателя, теоретика литературы и признанного грамматиста Иоганна Кристофа Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst». Эта книга, первое издание которой вышло в свет в 1748 году, служила в Германии образцом учебника по немецкой грамматике многие десятилетия [11, S. 215]. Ср.: «Грамматика вообще — это обоснованные указания, как следует правильно и изящно говорить и писать на языке какого-либо народа, в соответствии с его лучшим диалектом и в согласии с лучшими писателями» (*Eine Sprachkunst überhaupt ist eine gegründete Anweisung, wie man die Sprache eines gewissen Volkes, nach der besten Mundart desselben, und nach der Einstimmung seiner besten Schriftsteller, richtig und zierlich, sowohl reden, als schreiben solle*) [10, S. 37].

В самом названии учебника Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst» представлен концептуальный подход автора к пониманию немецкой грамматики. Ориентация на лучшие образцы текстов немецких писателей «прошлого и нынешнего веков» позволяет оценить грамматическое описание Готшеда как «просвещенный разумный вариант старого образца» (*eine aufgeklärt vernünftige Variante des alten Musters*) [8, S. 248]. По мнению видного специалиста в области тео-

рии немецкого языка Л. Айхингера, основу грамматики Готшеда составляет «правильный разумный язык образованных людей» (*die gebildete, geregelte Sprache der Vernunft*) [8, S. 250]. В своей трактовке грамматики Готшед следует классическим традициям; для него грамматика — это одно из семи древнейших свободных искусств, состоящее из правил, на которые должен ориентироваться любой человек, желающий научиться «правильно и изящно говорить и писать» [10, S. 37].

Немецкие исследователи установили перечень наиболее употребительных понятий научного дискурса XVIII века, то есть определили терминологическую основу немецкого Просвещения. В области теории языка к словам, имеющим концептуальное грамматическое значение, относятся следующие: *Hochsprache* (литературный язык), *Mundart* (диалект), *Neologismus* (неологизм), *Archaismus* (архаизм), *Provinzialismus* (провинциализм), *Kunstwort* (термин), *Regel* (правило), *Analogie* (аналогия). Этот ряд продолжают слова, применяемые обычно для характеристики языка и его различных свойств, а именно: *Deutlichkeit* (понятность, ясность), *Reinigkeit* (чистота), *Vollkommenheit* (совершенство), *Reichtum* (богатство), *Klarheit* (ясность) и т. д. [13, S. 169].

В грамматике Готшеда можно встретить практически все приведенные выше понятия, включая и красочную характеристику немецкого языка. Ср., например, фрагмент § 4 из Введения: «*Eine jede Mundart hat in dem Munde der Ungelehrten, ihre gewissen Mängel; ja aus Nachlässigkeit und Übereilung im Reden, ist sie mit sich selbst nicht allemal einstimmig. Daher muß man auch den Gebrauch der besten Schriftsteller zu Hülfe nehmen, um die Regeln einer Sprache fest zu setzen: denn im Schreiben pflegt man sich viel mehr in Acht zu nehmen, als im Reden*» (Каждый диалект в устах простых людей обнаруживает определенные недостатки, происходящие из-за небрежности и торопливости в речах, он не всегда соответствует сам себе. Поэтому для того, чтобы определить правила пользования языком, следует привлечь на помощь лучших писателей; ибо письменная речь требует большей сосредоточенности, нежели устная речь). Ср. также фрагмент из § 7: «*Da es nun in allen Sprachen eine solche Aehnlichkeit, oder Analogie giebt: so machet allemal die größte Anzahl*

übereinstimmender Exempel eine Regel aus; die davon abweichenden Redensarten aber geben die Ausnahmen an die Hand» (Так как во всех языках имеется такое сходство или аналогия, то бóльшая часть сходных примеров составляет правило, а выражения, отклоняющиеся от этого правила, составляют исключения).

То же самое можно сказать и о характеристике Готшеда особенностей немецкого языка. Так, вторая глава грамматики называется «*Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt*». В этом разделе, кроме всего прочего, перечисляются черты, создающие совершенный облик языка. В § 3 говорится: «*Wie nun der Reichtum und Überfluß die erste Vollkommenheit einer Sprache abgeben: so ist es auch gewiß, daß die Deutlichkeit derselben die zweyte ist. Denn die Sprache ist das Mittel, wodurch man seine Gedanken, und zwar in der Absicht ausdrücket, daß sie von andern verstanden werden sollen*» (Насколько богатство и изобилие составляют первую сторону совершенства языка, настолько очевидно, что вторую особенность составляет понятность языка. Потому что язык — это средство, с помощью которого люди выражают свои мысли, и притом с намерением, что они будут понятны другим людям) [10, S. 50]. В четвертом параграфе Готшед добавляет еще одно свойство: «*Die dritte gute Eigenschaft der Sprachen ist die Kürze, oder der Nachdruck; vermöge dessen man, mit wenigen Worten, viele Gedanken entdecken kann*» (Третье свойство языков — это краткость, или выразительность, то есть способность несколькими словами выразить множество мыслей) (Ibid., S. 51).

Для полноты картины возьмем один из лучших учебников по немецкой грамматике XVIII века — двухтомник «*Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache*» (1782) Иоганна Кристофа Аделунга. Однако предварительно нам необходимо сделать несколько замечаний, касающихся особенностей читательской аудитории в Германии XVIII века.

По оценкам немецких исследователей, в первой половине XVIII века число читателей в Германии охватывало всего 10 % взрослого населения. К концу века это число достигло 25 %. В социологическом плане можно заметить неравномерное распределение грамотного населения в селах и городах. Во многом

такое положение было обусловлено особенностями преподавания немецкого языка в сельской местности и в городе. В то время как в сельских школах основной целью учебных занятий была борьба с неграмотностью, в старших классах городских школ и в университетах тысячи читателей могли перейти от интенсивного штудирования разнообразной специальной литературы к экстенсивному (выборочному) чтению новых публикаций [9, S. 279].

В подзаголовке замечательного труда Иоганна Кристофа Аделунга специально указывается адресная направленность грамматики «*Zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen*». Работа для школы, то есть в целях просвещения населения, составляла важную часть грамматических трудов Аделунга. В подтверждение этой мысли приведем названия нескольких трудов Аделунга (и не только по немецкой грамматике). Ср. *Unterweisung in den vornehmsten Künsten und Wissenschaften zum Nutzen der niedrigen Schulen* (1771); *Kurzer Begriff menschlichen Fertigkeiten und Kenntnisse, so fern sie auf Erwerbung des Unterhalts, auf Vergnügen, und auf Regierung der Gesellschaften abzielen Für Realschulen und das bürgerliche Leben. Von dem Verfa. d. Unterweisung in Künsten und Wissenschaften* (1778–1881, 2. Aufl. 1783–1789); *Deutsche Sprachlehre. Zum Gebrauche der Schulen in den Königlich Preußischen Landen* (1781); *Auszug aus der Deutschen Sprachlehre für Schulen* (1781); *Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, Zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen* (1782)» (полную библиографию лингвистических трудов Аделунга с указанием времени появления отдельных изданий см. [7, S. 271–290]).

В работе «*Umständliches Gebäude der Deutschen Sprache*» (1782) Аделунг, обращаясь к школьным учителям, пишет: «Грамматика присуща разумному и научному сообщению в той же степени, что любая другая наука, и обязанность любого учителя грамматики — дать всем понятиям в языке высшую, какую только возможно, степень понятности и разъяснить начала всей явлений, насколько это позволяет природа вещей» (*Die Sprachlehre ist des vernünftigen und wissenschaftlichen Vortrages eben so sehr fähig als eine jede andere Lehre, und es ist die Pflicht eines jeden Sprachlehrers, allen Begriffen in der Sprache den höchsten nur möglichen Grad*

der Deutlichkeit zu geben und die Gründe aller Erscheinungen aufzusuchen, als die Natur der Sache es verstattet) [6, S. 116].

Грамматика, как и в трактовке Готшеда, рассматривается Аделунгом в ее связи с риторикой и логикой: «*Sprachregeln sind demnach allgemeine Vorschriften, nach welchen die Wörter einer Sprache gebildet, gesprochen, gebeuget, verbunden und geschrieben werden. Ihr Inbegriff macht die Grammatik oder Sprachlehre aus, welche sich daher bloß mit der Richtigkeit der Ausdrücke beschäftigt, so wie ihre Wahrheit ein Gegenstand der Logik ist, und ihr Schmuck in das Gebieth der Redekunst gehöret*» (Соответственно, языковые правила — это общие предписания, согласно которым следует образовывать, произносить, изменять, соединять и писать слова какого-либо языка. Совокупность правил составляет грамматику (или учение о языке), которая по этой причине занимается всего лишь правильностью выражений, в то время как предметом логики выступает истина, а украшение выражений относится к области риторики) [Ibid.].

Видный немецкий лингвист П. Ауэр, подчеркивая нормирующий характер двухтомной грамматики Аделунга, одновременно обращает внимание на ее значимость в период становления нормативного немецкого языка, стандарты которого в XVIII веке были представлены в начальной стадии. По меткому выражению П. Ауэра, такие грамматики описывают не то состояние грамматики, «как оно есть» (*Ist-Zustand*), а скорее предписывают, «как это должно быть» (*Soll-Zustand*) [14, S. 24].

Таким образом, на примере двух концептуальных грамматических текстов Иоганна Кристофа Готшеда и Иоганна Кристофа Аделунга можно увидеть действие основополагающих тенденций эпохи Просвещения в Германии. Ориентация на рациональное объяснение грамматических фактов, четкая авторская позиция, разнообразные подходы к описанию структуры и правил функционирования немецкого литературного языка отражают общие тенденции развития научной ситуации в Германии. Для современных исследователей авторские грамматические теории представляют богатый материал не только для воссоздания картины становления немецкого научного дискурса, но и позволяют более полно описать историко-культурную и языковую ситуацию в Германии XVIII века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная история: Эпоха просвещения / А. Н. Бадак, И. Е. Войнич, Н. М. Волчек и др. Минск: Харвест, 2003. 512 с.
2. *Исидор Севильский*. Этимологии, или Начала. В XX книгах: Семь свободных искусств / пер. с лат., статья, примеч. и указ. Л. А. Харитоновна. СПб.: Евразия, 2006. 352 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
4. *Филиппов К. А.* Лейбниц — Вольф — Готтшед — Ломоносов: К вопросу о грамматических теориях XVIII века // Филологическое наследие М. В. Ломоносова: коллективная монография / отв. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 253–264.
5. Энциклопедия афоризмов и мыслей великих людей / сост. А. Семёнов. М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2007. 896 с.
6. *Adelung J. Chr.* Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen. 1. Band. Leipzig, 1782. 994 S.
7. Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732–1806) / Hrsg. von H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen; Günter Narr Verlag, 2011. 293 S.
8. *Eichiger L. M.* Vom Glück, Regeln zu befolgen — Adelung im Stil des 18. Jahrhunderts // Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732–1806) / Hrsg. von H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen; Günter Narr Verlag, 2011. S. 247–270.
9. *Gessinger J.* Kommunikative Verdichtung und Schriftlichkeit. Lesen, Schreiben und gesellschaftliche Organisation im 18. Jahrhundert // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände — Methoden — Theorien / Hrsg. von Andreas Gardt, Klaus J. Mattheier und Oskar Reichmann. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 279–306.
10. *Gottsched J. Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752. 834 S.
11. *Götttert K.-H.* Deutsch. Biografie einer Sprache: 4. Aufl. Berlin: Ullstein, 2010. 400 S.
12. *Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung! // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist

Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von Ehrhard Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 8–17.

13. Reichmann O. Die Konzepte von Deutlichkeit und Eindeutigkeit in der rationalistischen Sprachtheorie des 18. Jahrhunderts // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände — Methoden — Theorien / Hrsg. von Andreas Gardt, Klaus J. Mattheier und Oskar Reichmann. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 169–197.
14. Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition / Hrsg. von Peter Auer. Stuttgart; Weimar; Verlag J. B. Metzler, 2013. 465 S.

REFERENCES

1. *Vsemirnaia istoriia: Epokha prosveshcheniia* [World History: The Age of Enlightenment]. A.N. Badak, I.E. Voinich, N.M. Volchek i dr. Minsk, Kharvest Publ., 2003. 512 s.
2. Isidor Sevil'skii. *Etimologii, ili Nachala. V XX knigakh: Sem' svobodnykh Iskusstv* [The Etymologies or Origins, in 20 books: Seven Liberal Arts], per. s lat., sta'ia, primech. i ukaz L.A. Kharitonova [translated from Latin, article, annotation, and index by L.A. Kharitonov]. Saint Petersburg, Evraziia Publ., 2006. 352 s.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Iu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and collocations]. Rossiiskaia akademiia nauk. Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova. 4-e izd., dop. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 s.
4. Filippov K.A. *Leibnits — Vol'f — Gottshed — Lomonosov: K voprosu o grammaticheskikh teoriiakh XVIII veka* [Leibniz — Wolff — Gottsched — Lomonosov: Revisiting Grammar Theories of the 18th Century]. Filologicheskoe nasledie M.V. Lomonosova: kollektivnaia monografiia, otv. red. P.E. Bukharkin, S.S. Volkov, E.M. Matveev. Philological Heritage of M. Lomonosov: A multi-author monograph]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2013. S. 253–264.
5. *Entsiklopediia aforizmov i myslei velikikh liudei*, sost. A. Semenov [Encyclopaedia of Aphorisms and Thoughts of Great Men]. Moscow, AST Publ.; Donetsk, Stalker publ., 2007. 896 s.
6. Adelung J.Chr. *Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen*. 1.Band. Leipzig, 1782. 994 S.
7. *Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732–1806)*. Hrsg. von H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. Tübingen, Günter Narr Verlag, 2011. 293 S.

8. Eichiger L.M. *Vom Glück, Regeln zu befolgen — Adeldom im Stil des 18. Jahrhunderts*. Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adeldom (1732–1806). Hrsg. von H. Kämpfer, A. Klose, O. Vietze. Tübingen, Günter Narr Verlag, 2011. S. 247–270.
9. Gessinger J. *Kommunikative Verdichtung und Schriftlichkeit. Lesen, Schreiben und gesellschaftliche Organisation im 18. Jahrhundert*. Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände — Methoden — Theorien, Hrsg. von Andreas Gardt, Klaus J. Mattheier und Oskar Reichmann. Tübingen, Niemeyer, 1995. S. 279–306.
10. Gottsched J. Chr. *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden*. Leipzig, 1752. 834 S.
11. Göttert K.-H. *Deutsch. Biografie einer Sprache*. 4.Aufl. Berlin, Ullstein, 2010. 400 S.
12. Kant I. *Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung!* Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen. Hrsg. von Ehrhard Bahr. Stuttgart, Reclam, 2006. S. 8–17.
13. Reichmann O. *Die Konzepte von Deutlichkeit und Eindeutigkeit in der rationalistischen Sprachtheorie des 18. Jahrhunderts*. Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände — Methoden — Theorien, Hrsg. von Andreas Gardt, Klaus J. Mattheier und Oskar Reichmann. Tübingen, Niemeyer, 1995. S. 169–197.
14. *Sprachwissenschaft. Grammatik — Interaktion — Kognition* / Hrsg. von Peter Auer. Stuttgart; Weimar, Verlag J.B. Metzler, 2013. 465 S.

Филиппов Константин Анатольевич

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Konstantin A. Filippov

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University, Doctor of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: k-fili@mail.ru

III. ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

УДК 811.112.2

М. Н. ДМИТРИЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АРГУМЕНТАЦИИ (на материале трактата «Утешение Философией» в переводе Ноткера Немецкого)

Ключевые слова: аргументация, трактат, вопросительное предложение, отрицательная частица, Ноткер Немецкий.

В статье рассматриваются вопросительные предложения разных семантико-прагматических типов как составляющие аргументирующих текстовых фрагментов и участвующие в реализации одной из доминантных характеристик типа текста «трактат». Вопросы анализируются как одно из средств перехода от одного тематического блока к другому. Побуждая к ответу, они обеспечивают дальнейшее развертывание повествования.

M. N. DMITRIEVA

St. Petersburg State University

LANGUAGE MEANS OF ARGUMENTATION (on the Material of the «Treatise in Translation» by Notker Teutonicus)

Keywords: argumentation, interrogative sentence, negative particle, Notker Teutonicus.

The article considers the interrogative sentences of various semantic-pragmatic types as components of reasoning pieces of text, and participating in the implementation of one of the dominant characteristics

of the text type «treatise». Also issues are one of the means of transition from one subject block to another and encouraging accountable, provide a further deployment of the narrative.

Жанр «Утешения Философией» Боэция, а, соответственно, и его перевода традиционно определяется как трактат, то есть тип текста, относящийся к аргументативному дискурсу. Общая прагматическая цель такого рода текстов состоит в том, чтобы убедить, привлечь собеседника на свою сторону посредством доказательств и доводов в пользу защищаемого положения [5, с. 269–283; 9, с. 267].

Исходной точкой аргументации является какое-либо спорное утверждение, называемое «тезис». Один из участников коммуникации, пропонент, выдвигает аргумент «Т» в пользу защищаемого тезиса. Его оппонент оспаривает тезис (с конечной целью опровержения) и выдвигает аргумент «не-Т». Аргументы соотносятся с разными областями познания и бытия и делятся на две группы: 1) деонтические аргументы — те, которые содержат рекомендацию к совершению действия или не рекомендуют действие и 2) этико-эстетические аргументы — они способствуют позитивной или негативной оценке определенной вещи/действия [8, с. 398 и след.]. Приведенная концепция аргументации разработана немецким германистом Э. Эггсом и представлена в целой серии его работ. В данной статье речь пойдет преимущественно о второй группе аргументов, так как общая цель «Утешения» и состоит в том, чтобы изменить отношение к ситуации самого утешаемого и убедить его в том, что его положение еще не безнадежно.

Логико-лингвистическая категория аргументации оказывается центральной для типа текста «трактат». Коммуникативной цели убеждения подчинены и соответствующие языковые средства, используемые в данном текстотипе. Жанрово-типологические характеристики трактата обсуждаются, например, в публикациях Я. Деспорта, начиная с работы 1992 года [6]. На языковом материале «Древненемецкого Исидора» автор приводит обширные статистические данные, касающиеся коннекторных

слов (в первую очередь *endi* и *auh*), а также анализирует «вклад» данных связующих лексем в общую цель текста: «убедить аргументами, с помощью риторики и аргументации» [7, с. 275].

Помимо коннекторных слов в аргументацию включены и слова, формирующие модальный план текста. Участие модальных компонентов в процессах аргументации рассматривается, например, в работах С. Т. Нефёдова. Исходя из двух важнейших особенностей трактата — принадлежности к аргументативному дискурсу и возможности выражения авторской точки зрения — С. Т. Нефёдов анализирует функции модальных компонентов эпистемической семантики [3, с. 187 и след.]. Их семантика позволяет автору трактата «давить» на своего адресата и прибавлять фактам достоверности, усиливать впечатление истинности и правильности именно данной, то есть авторской позиции. Дальнейшее развитие, но уже на другом языковом материале, эта проблема получает в статье С. Т. Нефёдова «Имплицитная авторизованность научного текста» [4, с. 51–57].

Работ, обращенных к способам аргументации в переводе Ноткера «Утешения Философией», мной до настоящего времени обнаружено не было. Но общие принципы и подходы, сформулированные в опоре на материал «Исидора», во многом приложимы и к «Утешению», так как для обоих текстов общей оказывается их текстотипологическая принадлежность и переводной характер.

Вместе с тем следует отметить, что в трактате Боэция и его переводе Ноткером наиболее частотными являются иные средства аргументации, чем в «Исидоре». Важная роль в стратегиях убеждения принадлежит здесь вопросительным предложениям как в первичных, так и во вторичных функциях, что уже не становилось предметом обсуждения в работах автора [1; 2]. В зависимости от функциональной принадлежности вопросов общая схема их включенности в аргументацию оказывается различной.

Вопросительные предложения в первичной функции позволяют говорящему сформулировать, выразить свою мысль, но с элементом нерешенности проблемы. Форма вопроса вовлекает слушающего в обсуждение проблемы и побуждает дать свой

вербальный ответ. Но в тексте обсуждаемого трактата ситуации общения отличаются от этой стандартной схемы тем, что ответ на поставленный вопрос дает сам спрашивающий, то есть утешающая автора-повествователя Философия. Она сама формулирует ответную реплику, в которой высказывает «правильное» мнение, свое и собеседника, напоминая ему таким образом, как нужно было бы ответить на данный вопрос.

Наглядным примером участия в аргументации вопросов со значением запроса информации является серия вопросно-ответных единств в начале II-й книги трактата. Философия так и говорит: *Nû hélfе is rethorica . mít íro súozún scúndedo*. (N., II, 3, 1–2, 53) — Сейчас на помощь придет риторика с ее сладкой силой убеждения. И далее значительный отрывок текста составляют вопросно-ответные единства, построенные по схеме «Т» (тезис) — «не-Т» (не-тезис), но «не-Т» выражено имплицитно, косвенно: указана лишь причина, почему «не-Т». Вот некоторые примеры: (1) «Т» *Únde sól dír díu lieb sín sáment tír . díu áne tríuua mít tír íst . únde díu díh éteuuénne ferlázendo sèregôt?* **Ответ «не-Т» (имплицитно):** *Ube sia nìoman geháben nemág . áfter sínemo uuíllen*. (N., II, 4, 8–12, 55) — И должна тебе быть дорогá рядом с тобой [та], которая неверна и которая тебя когда-нибудь покинет? Ибо она никому не может принадлежать, подчиняясь его воле. (2) «Т» *Péitest tu díh keháben daz suéibònta rád . táz si tríbet?* **«не-Т» (эксплицитно:** дана прямая вербальная оценка с помощью прилагательного в превосходной степени): *Máнно túmbesto* . **«не-Т» (имплицитно:** объясняется причина, по которой невозможно обратное): *pegínnет sí in stéte stán . sò neíst si uuíluuéndigi* (N., II, 5, 7–11, 57) — Пытаешься ты удержать колесо, которое она [Фортуна] крутит? О глупейший из людей! Если оно остановится, то она перестанет быть зависящей от случая.

Такой способ подачи информации позволяет Философии ясно и четко формулировать проблему, предлагать ее решение или напоминать собеседнику об уже известном и принятом ранее в качестве верного. Так, формулируя вопросы и давая ответы, Философия вовлекает собеседника в ход своего рассуждения и заставляет его поступенчато следовать за своей мыслью. Общая

схема [«Т» — «не-Т», так как...], [«Т₁» — «не-Т₁», так как...] воспроизводит цепочку смысловых единств, что, в свою очередь, обеспечивает одну из важнейших характеристик текста — его связность, то есть когезию.

За этим фрагментом следует отрывок, в котором, наоборот, наблюдается «всплеск» употребления вопросов во вторичных функциях. Здесь [«Т» — «не-Т»] работает по-иному. Возможно, Философия допускает, что ее собеседник не знает о чем-либо из упоминаемых ею событий. Но, скорее, она предполагает обратное. Именно эта точка зрения и формулируется в вопросе. Допущение же противоположного получает экспликацию уже в самом «Т» с помощью использования лексико-грамматических средств — одинарных и двойных отрицаний, которые не приводят к взаимному уничтожению, и парной отрицательно-вопросительной частицы *ne... na*, а также с помощью самой вопросительной формы, которая, несмотря на все подсказки, что «Т», дипломатично допускает и альтернативный вариант «не-Т». Вот эти примеры: (3) *Nemûoz ih éina dânnë **niêht** mînen geuualt skéinen?* (N., II, 7, 3–4, 60) — Мне единственной запрещено однажды свою власть показать? (4) *Neuuás tír mînes sítes **niêht** chúnt **na**?* (N., II, 7, 1–2, 61) — Разве тебе мои обычаи были неизвестны прежде?

После предложения (4) далее по тексту следуют несколько примеров, иллюстрирующих факты осуществления власти Фортуной: (5) *Neuuéist tu dâz croesus . tér in lidia chúning uuás . sô er míttúndes ciro fórhtlíh uuás . dâz er sâr dâranâh erbârmelih uuórtenêr . únde fône ímo ín dâz fiur geuuórfenêr . fône ánasláhte erréret uuárd?* (N., II, 7, 7–10, 61) — Разве не знал ты, что Крез, царь лидийцев, который еще недавно угрожал Киру, что он вскоре вслед за ним был бы сожжен, но брошенный в огонь не погиб, дождем спасен был? Пример (5) и аналогичные ему рассказывают в сжатой форме о ситуациях, известных обоим собеседникам: ср. (6) *Íst tíh ferhólen . <...>* — от тебя укрылось, [что] ...; (7) *Nelírnetôst tú **na** chínt uuésentêr . dâz <...>* — не учил ли ты, ребенком будучи, что... . Примеры 3–7 «не нуждаются» в эксплицитных ответах: данные предложения-высказывания выступают в роли эмфати-

ческих утверждений «от противного» и уже содержат подсказки, почти однозначно указывающие «правильный» ответ. Ответы в виде самостоятельных предложений были бы в данном случае избыточны.

Таким образом, разные семантико-прагматические типы вопросительных предложений активно используются с целью реализации глобальной интенции трактата — формировать определенным образом мнение о поставленной проблеме и в результате заставить адресата изменить свои когнитивные установки и принять точку зрения говорящего. Одновременно вопросительные предложения участвуют в обеспечении одной из важнейших характеристик текста — логической связности его частей между собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дмитриева М. Н.* Древненемецкие вопросительные предложения как составляющая «аргументативного дискурса» Ноткера // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. III: Антропоцентризм языковых феноменов: сб. науч. ст. / под ред. д-ра филол. наук, проф. С. Т. Нефёдова.* СПб., 2013. С. 121–128.
2. *Дмитриева М. Н.* Немецкие вопросительные предложения в сопоставительно-диахроническом аспекте. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 236 с.
3. *Нефёдов С. Т.* Грамматика модальных компонентов: диахронический аспект (на материале немецкого языка): Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. 455 с.
4. *Нефёдов С. Т.* Имплицитная авторизация научного текста // *Научное мнение. Научный журнал.* № 10. 2013. С. 51–57.
5. *Филиппов К. А.* Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 335 с.
6. *Desportes Y.* Althochdeutsch, Syntax und Semantik // *Y. Desportes (Hrsg.) Akten des Lyonner Kolloquimus. Hrsg. von Y. Desportes.* Lyon: Universitätsverlag, 1992. S. 184–198.
7. *Desportes Y.* *auh* im althochdeutschen Isidor // *Konnektoren im älteren Deutsch. Akten des Pariser Kolloquimus. Hrsg. von. Heidelberg: Universitätsverlag WINTER, 2003. S. 271–319.*
8. *Eggs E.* Vertextungsmuster Argumentation: Logische Grundlagen // *Brinker Klaus, Antos Gerd, Heinemann Wolfgang, Sager Sven F. (Hrsg.).*

Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbband I. Berlin, New York: de Gruyter, 2000. S. 397–414.

9. Engel U. *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin: Erich Schmidt, 2009. 309 S.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- N. — Die Schriften Notkers und seiner Schule. In 3 Bänden. Bd. I. Schriften philosophischen Inhalts / Hrsg. von P. Piper. Freiburg I. B. und Tübingen, 1882.

REFERENCES

1. Dmitrieva M.N. *Drevnenemetskie voprositel'nye predlozheniia kak sostavliaiushchaia «argumentativnogo diskursa» Notkera* [Old German interrogative sentences as a constituent part of Notker's "argumentative discourse"]. *Nemetskaia filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*. Vyp. III: Antropotsentrizm iazykovykh fenomenov: Sb. nauch. st. pod red. d-ra filol. nauk, prof. S.T. Nefedova [German Philology in St. Petersburg State University. Issue III. Anthropocentrism of Language Phenomena: A collection of academic papers, ed by S.T. Nefyodov]. Saint Petersburg, 2013. S. 121–128.
2. Dmitrieva M.N. *Nemetskie voprositel'nye predlozheniia v sopostavitel'no-diakhronicheskom aspekte*. Diss. ... kand. filol. nauk [German Interrogative Sentences: Comparative Diachronic Aspects. Doctoral Dissertation Summary]. Saint Petersburg, 2011. 236 s.
3. Nefedov S.T. *Grammatika modal'nykh komponentov: diakhronicheskii aspekt (na materiale nemetskogo iazyka)*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Grammar of Modal Components: Diachronic Aspect. The Study of the German Language. Post-Doctoral Dissertation Summary]. Saint Petersburg, 2008. 455 s.
4. Nefedov S.T. *Implitsitnaia avtorizatsiia nauchnogo teksta* [Implicit Crediting of Authorsip in Scientific Texts]. *Nauchnoe mnenie*. Nauchnyi zhurnal. № 10. 2013. S. 51–57.
5. Filippov K.A. *Lingvistika teksta: Kurs lektsii* [Text Linguistics: A Series of Lectures]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. 335 s.
6. Desportes Y. *Althochdeutsch, Syntax und Semantik*. Y. Desportes (Hrsg.) *Akten des Lyonner Kolloquimus*. Hrsg. von Y. Desportes. Lyon, Universitätsverlag, 1992. S. 184–198.

7. Desportes Y. *auh im althochdeutschen Isidor*. Konnektoren im älteren Deutsch. Akten des Pariser Kolloquiumus. Hrsg. von. Heidelberg, Universitätsverlag WINTER, 2003. S. 271–319.
8. Eggs E. *Vertextungsmuster Argumentation: Logische Grundlagen*. Brinker Klaus, Antos Gerd, Heinemann Wolfgang, Sager Sven F. (Hrsg.). Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Halbband I. Berlin, New York, de Gruyter, 2000. S. 397–414.
9. Engel U. *Syntax der deutschen Gegenwartssprache*. Berlin, Erich Schmidt, 2009. 309 S.

Дмитриева Мария Николаевна

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Maria N. Dmitrieva

Assistant teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: ahdbeshiza@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В ЗАГОЛОВКЕ НЕМЕЦКОГО МЕДИАТЕКСТА

Ключевые слова: фразеологические модификации, прагмалингвистика, особенности медиатекста, заголовков, немецкий язык, фразеология немецкого языка.

В статье рассматриваются типы фразеологических модификаций в заголовках немецкого медиатекста. Модифицированные фразеологизмы являются компонентами лозунговых заголовков. Частотные, прагматически обусловленные модификации фразеологизмов в заголовках обладают очевидным текстообразующим потенциалом, поддерживают связность текста, создают эмотивный фон и передают экспрессивную оценку.

K. V. MANEROVA

St. Petersburg State University

PRAGMATICALLY CONDITIONALITY OF THE MODIFIED IDIOMS IN THE HEADLINE OF GERMAN MEDIATEXT

Keywords: modified idioms and proverbs, pragmatics, features of the mediatext, headline, German Language, German phraseology.

The article is dedicated to modified idioms in the headline of German mediatext. The headlines from the on-line magazine Der Spiegel were taken as empiric part for the research. The short headline is connected with the more extensional lead, which prepares the reader for the information in the article. The form and meaning of the idioms in the headline are pragmatically significant.

Современный медиатекст как новый коммуникационный продукт предоставляет богатый материал для исследования семантико-деривационной динамики лексического состава немецкого

языка. Термин «медiateкст» возник в 90-х годах XX века в англоязычной научной литературе в работах Т. ван Дейка, М. Монтгомери, А. Белла. В отечественном языкознании спецификой медiateкста занимались Ю. В. Рождественский, Г. Я. Солганик, Д. Э. Розенталь и др. Исследовательница Т. Г. Добросклонская предложила особую концепцию медiateкста и выделила исследования подобного рода в особый раздел языкознания — «медиалингвистику» [3, с. 30].

Новый тип текста обладает определенными характеристиками и отвечает функциональным текстовым критериям, которые свойственны композиционно-речевой форме «сообщение» и иллокутивному классу репрезентативов. Медиалингвист Н. В. Чичерина среди характеристик медiateкста выделяет его динамический характер, проявляющийся на внутритекстовом, надтекстовом и гипертекстовом уровнях, многоплановость, многомерность, полифоничность, визуальность, дигитальность, гетерогенность и интегральность, а также языковую специфику, которая заключается в том, что он рассчитан на массовую аудиторию [6]. Эти характеристики обусловлены широким развитием инновационных технологий в сфере коммуникации и конвергенцией средств массовой информации, а также социально-регулятивной природой медiateкстов. Параметрический критерий безграничной открытости подразумевает особые источники распространения, обладающие определенными медийными свойствами, благодаря которым медiateксты могут быть доступны в любой точке мира и в любое время. Среди каналов распространения называют средства массовой информации: печать, радио, телевидение, интернет. Это соотносится с мнением Т. Г. Добросклонской о том, что концепция медiateкста приближается к семиотическому толкованию понятия «текст», которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков. Такими невербальными знаками могут быть изображения, аудио- и видеоматериалы — компоненты медiateкста согласно критерию дигитальности (нем. Text-Bild-Bezüge). Медiateксты, объединяющие вербальные и невербальные компоненты, являются «креолизованными» или «поликодовыми» [5, с. 180–181]. Согласно крите-

рию функционально-жанровой принадлежности, к медиатекстам в первую очередь относятся новости, комментарии, публицистика, рекламные тексты в письменной и устной форме. Примеры немецкого медиатекста представляет собой онлайн-версия немецкого журнала *Der Spiegel*, из которого отобран эмпирический материал для данной статьи.

Важнейшим компонентом в немецком медиатексте является так называемый заголовочный блок, включающий в себя заголовок и подзаголовок (по-английски называемый «lead»). Краткий и емкий заголовок медиатекста когезивно связан с более объемным подзаголовком, интригующим и подготавливающим читателя к информации, которая сообщается в статье. Заголовок не только графически и содержательно предвосхищает статью, но и исполняет функцию привлечения внимания к проблематике, излагаемой в статье медиатекста. Полная структура статьи в медиатексте отвечает так называемому «пирамидному принципу» развертывания информации [21, с. 1285], где воображаемую вершину образует заголовок, центр маркирует подзаголовок, «основанием» является сам текст статьи. Обычно краткий и емкий заголовок содержит основную тему статьи, в то время как более объемный подзаголовок мотивирует читателя к прочтению. Таким образом, именно заголовку отводится важная роль проводника и ориентира в информационном медиапространстве.

В медиатексте принято различать два типа заголовков: тематический и лозунговый. В первом типе заголовков называется предмет обсуждения и описания в статье, например, важное современное или историческое событие или же некая личность — персонаж статьи. Сама статья содержит, как правило, обзор и пространные комментарии к ситуативно-информационному контексту, раскрываемому в заголовке. Новостные тексты многих рубрик, освещающие актуальные события в общественной, политической, научной, спортивной жизни, обычно предваряются заголовками второго типа. Лозунговые заголовки, сформулированные таким образом, чтобы привлечь внимание читателя, часто содержат оригинальное высказывание, цитату, запоминающуюся реплику, экспрессивно-оценочные элементы.

Эмпирический материал, отобранный для данной статьи, показал, что именно лозунговые заголовки в немецкоязычных массмедийных статьях содержат в себе модифицированные фразеологизмы.

Что же представляют собой фразеологические модификации?

Наблюдаемое в последние десятилетия развитие новых научных направлений в лингвистике дало толчок для полипарадигмальных исследований фразеологических единиц с разных аспектов. В начале XXI века в центре внимания исследователей «оказываются связи и отношения фразеологических единиц с другими объектами научного познания, такими как речь, общение, деятельность, психика, культура и этнос» [1, с. 8]. Системно-структурную парадигму рассмотрения фразеологических единиц сменила когнитивно-прагматическая, ориентированная на текст и высказывание, основные аспекты которой разработаны и представлены в работах фразеологов А. М. Эмировой, В. Т. Бондаренко, Е. А. Добрыдневой, Х. Вальтера, Х. Бургера и др. Основная цель коммуникативно-прагматического исследования фразем заключается в познании прагматических свойств фразеологизмов в коммуникативных актах, в условиях целенаправленного применения текстов для воздействия на реципиента в различных социальных контекстах, или, иначе, в том, что, перефразируя Е. С. Кубрякову, можно назвать «фраземикой в действии». Базу и направление исследований в рамках данной парадигмы составляет принцип, который можно схематично представить как логическую цепочку «коммуникативная интенция — смысл — высказывание — понимание и интерпретация». Предмет когнитивно-прагматической фразеологии, согласно Н. Ф. Алефиренко, можно определить как «прагматический компонент фразеологической семантики и закономерности его дискурсивной реализации» [1, с. 116].

В рамках названных прагмалингвистических исследований фразеологизмов немецкого языка и их роли в конструировании текста особое внимание уделяется фразеологическим модификациям. В настоящей статье под фразеологическими модификациями понимаются окказиональные (ситуативные и текстуальные)

изменения формы и значения фразеологизмов (также идиом, крылатых слов, афоризмов), относящиеся к плану содержания речи как средству выражения личностных смыслов коннотативного и эмотивного наполнения.

Подобные прагматически обусловленные отклонения устойчивых словосочетаний от конвенциональной формы и значения, зафиксированного в словаре и в узусе говорящих, нарушают имманентный фразеологическим единицам принцип структурного единства, воспроизводимости в готовом виде. Однако они отвечают требованиям идиоматичности и так называемой «психолингвистической устойчивости», то есть закреплённости идиом в ментальном лексиконе в форме отдельной, целостной лексико-семантической единицы. О последней косвенно могут свидетельствовать так называемые «фразеологические оговорки» — случаи невольной окказиональной модификации устойчивых словосочетаний в речи, не мешающие, тем не менее, правильному пониманию идиом, например: *da drücken wir Ihnen alles Gute* (исходная форма «*da drücken wir Ihnen den Daumen*»), *ins Grab beißen* (исходная форма «*ins Gras beißen*») [17].

Фразеологические единицы с изменённым компонентным составом традиционно исследуются на материале авторской речи в художественном произведении и в публицистических текстах. Исследователи фразеологических модификаций называют их по-разному: индивидуально-авторскими преобразованиями, денотативными и коннотативными прагматическими вариантами, окказиональными вариантами фразеологизма [2], контекстуально преобразованными фразеологизмами [7], фразеологическими модификациями [20; 4, с. 27], «*kreativ-innovativen Gebrauch*» [14, с. 43], «*Sprachspiel*» [15]. Терминологическое разнообразие позволяет говорить о новизне подобных исследований и определённой энтропии в понимании лингвистической природы изменения устойчивых словосочетаний. Фразеологизмы с изменённой конфигурацией структуры широко изучаются как отечественными, так и немецкими лингвистами. Так, исследователи W. Koller [15], G. Greciano [14], B. Wotjak [22, с. 150–152], S. Elspaß [12] посвящают фразеологическим модификациям в своих трудах отдель-

ную главу. В работах этого плана различаются как структурные или семантические, так и комплексные структурно-семантические модификации фразеологизмов [9]. Общим для всех типов модификаций является то, что они прагматически обусловлены и могут быть поняты исключительно с учетом контекстуальных связей. В настоящее время еще нет отдельных исследований роли фразеологических модификаций в конструировании немецкого медиатекста.

Наряду с терминологической неоднородностью само определение понятия модификации долгое время считалось в фразеологии центральной проблемой исследований. Некоторые лингвисты рассматривают подобные конструктивные сдвиги как нежелательное «видоизменение фразеологизма», «отклонение» от нормы или нарушение качеств фразеологизма. Е. Лабно-Фалецька определяет модификации как «трансформации» любого вида, которые ведут к нарушению плана выражения и плана содержания, то есть к нарушению внутренней семантической устойчивости фразеологизма, а также к нарушению норм лингвистики текста и правил употребления подобных единиц [16, с. 123].

С точки зрения других исследователей (И. Барц [8], В. Фляйшера [13], Д. О. Добровольского [10], Х. Х. Люгера [18, с. 214, с. 227–230]) под модификацией нельзя понимать нарушение норм употребления фразеологизмов или нарушения качеств устойчивых словосочетаний, а следует понимать процесс изменения как новый способ употребления идиомы. В. Фляйшер говорит о том, что способность к модификации и вместе с тем связанное потенциальное повышение экспрессивности относится «к обусловленным системой качествам фразеологизмов» [13, с. 54]. Важным в характеристике модификаций является наличие у автора осознанной, прагматически обусловленной интенции к изменению фразеологизма и словотворческий характер ее оснований. Поэтому понятие модификации следует отличать от оговорок или ошибок. Д. О. Добровольский среди причин всех формальных изменений фразем различает:

- 1) вариации в рамках узуса, цель которых состоит во включении идиомы в текст;

2) языковую игру с целью достижения особенного перлокутивного эффекта путем целенаправленного отклонения от стандартного употребления фразеологизма;

3) «оговорки», то есть нецеленаправленное отклонение от нормы [11].

Следуя данной классификации, можно назвать причины, изложенные под пунктами 1 и 2, основными для модификаций фразеологизмов в современном медиатексте. Модификации, вызванные необходимостью включения фразеологизма в контекст, составляют большую часть всех возможных фразеологических изменений в данном типе текста независимо от того, в какой части они встречаются — в заголовке, подзаголовке или в тексте статьи. Для понимания сути модификации важно определить, является ли способность к изменению качеством всего фразеологизма в целом или только его отдельных компонентов, может ли быть преобразован любой компонент фразеологизма без «разрушения» самой единицы, какими связями в медиатексте обусловлено изменение. Можно сказать, что именно подобное изменение актуализирует текстообразующий потенциал фразеологизмов в функциональном аспекте, их способность порождать ассоциации и тем самым способствует когезии текста.

Механизмы, с помощью которых модифицированные фразеологизмы включаются в текст, имеют различную природу. Исследовательница С. Пташнюк в своей работе, посвященной окказиональному употреблению немецких фразеологических единиц, различает многочисленные возможности преобразования плана выражения и плана содержания фразеологизма: среди структурных модификаций она называет замещение, расширение, редукцию, согласование, уточнение, грамматические модификации, такие как изменение морфологической и синтаксической структуры. В качестве примеров семантических модификаций в данной работе приводятся различные сдвиги значения и их комбинации [20, с. 24]. В нашей статье рассмотрены замещение и расширение как частотные типы модификаций фразеологизмов в медиатекстовых заголовках.

Рассмотрим эти типы модификаций подробнее.

Примером структурной модификации в виде контекстуально обусловленного **замещения части фразеологизма** может служить следующий заголовок статьи: *Französisches Café erzieht Gäste: Wer sparen will, muss freundlich sein.*

Wer seinen Kaffee im Kommandoton bestellt, muss mehr bezahlen. Weil ihn unfreundliche Gäste störten, hat ein Wirt aus Nizza verschiedene Tarife festgelegt, für harsche und höfliche Kunden.

Das war zwar nicht ganz ernst gemeint, hat aber eine erstaunliche Wirkung. (1)

Вторая часть заголовка содержит модифицированное название стихотворения Теодора Фонтане «*Wer schaffen will, muß fröhlich sein*», ставшее крылатой фразой в немецком языке. В модифицированном варианте компоненты устойчивого выражения замещаются по принципу одинаковой частеречной принадлежности и аллитерации: *schaffen* → *sparen*, *fröhlich* → *freundlich*, с сохранением синтаксической структуры исходной формы сложного предложения. Данный пример показателен для раскрытия текстовых и семантических связей внутри заголовочного комплекса, так как смысл модифицированного устойчивого словосочетания раскрывается в подзаголовке: *verschiedene Tarife* (соотнесение с компонентом *sparen*), *für harsche und höfliche Kunden* (соотнесение с компонентом *freundlich*). Одновременно со структурным изменением наблюдается и семантическое, а именно: сдвиг значения, акцентирующий связь заголовка с информативным содержанием статьи. Таким образом, модификация не происходит произвольно, механизм замещения обусловлен контекстуально и отвечает уже названному выше принципу развертывания информации от заголовка к тексту статьи.

Модификации путем замещения разнообразны, компоненты замещения имеют одинаковую или — реже — разную частеречную принадлежность, могут соотноситься на парадигматическом уровне, быть синонимами или иметь схожее значение. При замещении может использоваться единица той же тематической группы, что и заменяемый компонент. Реже наблюдается прагматически обусловленное замещение, когда лексемы не коррелиру-

ют друг с другом ни на одном уровне. Кроме того, заменяющие компоненты могут быть разовыми образованиями, продуктами креативного словотворчества. При любом типе замещения происходит окказиональная замена компонентов, релевантная в условиях конкретного контекста.

Фонетически обусловленную модификацию прецедентного названия поэтически-философской книги Ф. Ницше «*Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen*», ставшего крылатым словом, представляет заголовок статьи о известном в Германии профессоре математики Й. Ловискаче: «*Mathe-Prof als YouTube-Star: Also sprach Zahl-Athustra*».

*Für Bummelstudenten lud er seine Vorlesungen bei YouTube hoch, mittlerweile sind die Clips von Mathe-Professor Jörn Lovis-
cach zu Hits geworden. Sechs Millionen Klicks hat er bereits einge-
sammelt. Doch der Hochschullehrer will mehr: den Unterricht revo-
lutionieren. (2)*

Профессор приобрел популярность благодаря своим лекциям по алгебре, размещенным на сайте YouTube специально для тех студентов, кто по какой-либо причине не смог присутствовать на его занятиях. Необычные лекции профессора привлекли внимание не только указанной целевой группы, но и широкого круга пользователей сайта. В этом заголовке происходит образное замещение компонента имени собственного Zarathustra на лексему Zahl. В таком замещении проявляет себя языковая игра на основе фонетической схожести лексемы и части имени. Данная модификация актуализирует коммуникативно-прагматическую функцию создания юмористического эффекта. Включение модифицированного крылатого слова в заголовок подчеркивает доброжелательно-шутливый тон, в котором написана статья о математике, заслужившем в интернет-сообществе титул «Zahlenguru» благодаря особому подходу к преподаванию математики.

Не только компоненты афоризмов, крылатых слов и прецедентных названий подвергаются модифицированному замещению в заголовках. В рамках исследования интернациональной фразеологии лингвисты выделяют группу фразем, известных

и употребляемых во многих языках, восходящих к общим культурно-историческим источникам, таким как античное наследие, устное народное творчество, Библия. Е. Пиирайнен называет такие устойчивые словосочетания «weit verbreitete Idiome» [19, с. 170]. Пример модификации библеизма — библейского слова или выражения, вошедшего в ряд языков — представляет собой часть заголовка научно-популярной статьи по биологии, рассказывающей о возникновении первых живых организмов на Земле: «Evolution der Tiere: Am Anfang war der Glibber».

Schwämme galten lange als die Wesen, die im Stammbaum der Tiere ganz unten stehen. Doch eine Genom-Analyse deutet jetzt in eine andere Richtung. Demnach spalteten sich Rippenquallen als Erste von den übrigen Tieren ab. Und die Schwämme verloren die Nerven. (3)

В фразеологизме *Am Anfang war das Wort*, в первой строке Евангелия от Иоанна, излагающем христианское вероучение о возникновении мира, замещен последний компонент. Заголовок представляет собой пример модификации, в которой между заменяющим и заменяемым нет семантических отношений, их объединяет частеречная принадлежность (*das Wort, der Glibber*). Таким образом, выбор компонента-заместителя для модификации библеизма и значение модифицированного фразеологизма можно объяснить только в условиях контекста статьи, повествующей о зарождении жизни: в подзаголовке механизм замещения получает свое обоснование через образное соотнесение лексем.

Комплексное замещение часто используется параллельно с синтаксической трансформацией, например: «Kochbuch von Asylsuchenden: Nächstenliebe, die durch den Magen geht».

Flüchtlingshilfe, die schmeckt: Studenten aus Berlin haben ein Kochbuch mit Rezepten Asylsuchender herausgegeben. Darin geht es jedoch um viel mehr als um die Zutatenliste der Leibgerichte von Menschen aus Ländern wie Irak, Äthiopien und Afghanistan. (4)

В данном примере часть известного фразеологизма *Liebe geht durch den Magen* синтаксически модифицирована в определитель-

ное придаточное, композит *Nächstenliebe* (любовь к ближнему) замещает компонент *Liebe* (любовь). В результате контекстуального замещения задействован сложный механизм обогащения содержания, коррелирующий с информацией как в подзаголовке, так и в тексте статьи: *Nächtstenliebe* → *Darin geht es jedoch um viel mehr als um die Zutatenliste // Nächstenliebe, die durch den Magen geht* → *Flüchtlingshilfe, die schmeckt*. Модификация актуализирует и фоновые знания, такие как общее представление о толерантности к мигрантам, ведь речь в статье идет не просто об инициативе берлинских студентов издать рецепты экзотических блюд, а о более значительных целях: о стремлении поддерживать взаимопонимание между представителями разных этносов, об уважительном отношении их друг к другу.

Расширение фразеологизма является частотной модификацией, встречающейся не только в заголовочном и подзаголовочном блоке, но и в самом медиатексте. Излюбленным приемом при конструировании лозунговых заголовков в медиатексте является расширение известных устойчивых выражений за счет интеграции дополнительных лексем в структуру базовой единицы. Прагматически обусловленное расширение фразеологизма в составе заголовка может рассматриваться как экономичное средство когезии текста, отражающее многочисленные семантические связи в массиве медиатекста: причину и следствие, сравнение, убеждение, аргументацию, противопоставление и др. Противопоставление, оформленное в тексте с помощью антонимов, может быть выражено и в соответствующей модификации. Расширение фразеологизма посредством включения антонимичного компонента как отражение связи заголовка с последующим текстом политической статьи, описывающей противопоставление двух ситуаций, представлено на следующем примере: «Keine Reise nach Sotschi: Gauck erntet Lob und Kritik».

Bundespräsident Gauck will die Olympischen Spiele in Sotschi nicht besuchen — und hat mit dieser Entscheidung eine Debatte angestoßen: Im In- und Ausland wird sie als Kritik an der russischen Menschenrechtspolitik interpretiert. Auch in Russland wurde die

Nachricht aus Deutschland zum Thema. Der Bundespräsident hätte lieber mal «den Mord an Kindern und Frauen in Pakistan und in Afghanistan» verurteilen sollen, schrieb Alexej Puschkow, Chef des Auswärtigen Ausschuss im russischen Parlament, auf Twitter. (5)

Фразеологизм *Lob ernten* (получить похвалу) расширен за счет включения антонимичного компонента «Kritik». С помощью механизма подобного контрастивного расширения заголовков предваряет статью, построенную на противопоставлении диаметрально разных оценок популистского решения президента Германии Й. Гаука (в подзаголовке — *Im In- und Ausland wird sie als Kritik an der russischen Menschenrechtspolitik interpretiert*).

Механизмы **замещения** и **расширения** часто действуют в сфере модификации фразеологизмов совместно. Комбинированная, прагматически обусловленная модификация подразумевает замену и интеграцию дополнительных лексем в структуру базовой единицы, что позволяет включить в механизм модификации дополнительную семантическую информацию, возникающую на основе и аргументации, эвфемистического эффекта. При этом выбор лексем для расширения состава фразеологизма контекстуально обусловлен.

Jung-Akademiker im Glück: Ich studiere, also bin ich erfolgreich

Die beste Versicherung gegen Arbeitslosigkeit: ein Studium. Zehn Jahre nach ihrem Abschluss ist nur ein Prozent der Akademiker ohne Job, zeigt eine aktuelle Studie. Zufriedenheit gibt es obendrauf — und viel Geld für jene, die das richtige Fach studiert haben. (6)

Приведенный заголовок предваряет статью о важной роли качественного высшего образования в современной Германии. Согласно статистике, только 1 % всех выпускников университетов Германии остаются безработными, что свидетельствует о стабильной востребованности молодых специалистов с университетским дипломом на рынке труда. В заголовке модифицируется афоризм Декарта *Ich denke, also bin ich* (Cognito ergo sum). Лексема *denke* в первой части заменяется глаголом *studieren*, вторая

часть расширяется за счет предикатива, выраженного прилагательным *erfolgreich*. Именно этот компонент модифицированного фразеологизма (*erfolgreich*) является средством, обеспечивающим когерентную связь с последующим текстом статьи, в которой идет речь об успешной профессиональной карьере и высоких заработках специалистов, окончивших немецкие университеты. Благодаря расширению устанавливается семантическая связь между элементами медиатекста и актуализируется дополнительный смысл: учеба в немецком университете является условием для успешной профессиональной карьеры.

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод о том, что частотные, прагматически обусловленные модификации фразеологизмов в заголовках медиатекста выполняют разнообразные функции. Они обладают очевидным текстообразующим потенциалом, являются средствами поддержки связности текста, создают определенный эмотивный фон и передают экспрессивную оценку сообщаемой информации. Позволим себе сделать вывод о нетривиальной языковой природе модификаций, так как эти краткие и содержательно емкие компоненты заголовков, на наш взгляд, могут рассматриваться и как средство языковой экономии. В свою очередь сам медиатекст, который, как и любой текст, «стремится быть прочитанным», влияет на фразеологизм в своей заголовке таким образом, что наряду с узуальным выражением появляется особенная, специально для этого случая сформированная, окказиональная модифицированная форма, привлекающая внимание читателя. Модифицированный фразеологизм позиционно закреплен обычно в конце заголовка. Стилистически нейтральное начало заголовка предваряет фразеологическую часть, содержащую экспрессивную оценку. Можно сказать, что такое расположение модифицированного фразеологизма является специфической чертой подачи заголовков в онлайн-версии журнала *Der Spiegel*.

Модификации всех типов являют собой феномен уровня речи («la parole») и предоставляют богатый материал для исследования воздействующего потенциала фразеологических ресурсов языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. М.: ЭЛПИС, 2008. 270 с.
2. *Батурова Н. И.* Место окказионального фразеологизма во фразеологической системе языка и его роль в контексте. [Электронный ресурс] режим доступа: URL: <http://www.google.ru> (дата обращения: 23.09.2013).
3. *Добросклонская Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). 2-е изд, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
4. *Солодилова И. А., Щербина В. Е.* Лингвокогнитивные и дискурсивные аспекты современной фразеологии. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2011. 377 с.
5. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
6. *Чичерина Н. В.* Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия Росс. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2007. № 9 (47). С. 159–165.
7. *Щербань Н. П.* Структурно-семантические особенности фразеологизмов немецкого языка. Черновцы: Черновиц. гос. ун-т, 1986. 53 с.
8. *Barz I.* Probleme der phraseologischen Modifikation // Deutsch als Fremdsprache. 1986. Heft 6. S. 321–326.
9. *Burger H.* Funktionen von Phraseologismen in den Massenmedien / Burger, H., Zett, R. (eds.) // Aktuelle Probleme der Phraseologie. Bern, Frankfurt a/M., New York, Paris: Peter Lang, 1987. S. 20–28.
10. *Dobrovolskij D.* Zur Dialektik des Begriffs der textbildenden Potenzen von Phraseologismen // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1980. Heft 33.6. S. 690–700.
11. *Dobrovolskij D.* Idiome im mentalen Lexikon: Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung. Fokus. Linguistisch-Philologische Studien. Bd. 18. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 1997. 288 S.
12. *Elspaß St.* Phraseologie in der politischen Rede: Untersuchungen zur Verwendung von Phraseologismen, phraseologischen Modifikationen und Verstößen gegen die phraseologische Norm in ausgewählten Bundestagsdebatten. Wiesbaden: Springer, 1998. 224 S.
13. *Fleischer W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchges. und ergänzte Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1997. 250 S.
14. *Greciano G.* Idiom und Text // Deutsche Sprache. 1987. Heft 3. S. 193–208.

15. *Koller W.* Redensarten: Linguistische Aspekte, Vorkommensanalysen, Sprachspiel (Reihe Germanistische Linguistik). Tübingen: Niemeyer, 1977. 240 S.
16. *Łabno-Falęcka E.* Phraseologie und Übersetzen. Eine Untersuchung der Übersetzbarkeit kreativ-innovativ gebrauchter wiederholter Rede anhand von Beispielen aus der polnischen und deutschen Gegenwartsliteratur. Frankfurt a/M.: Lang, 1995. 542 S.
17. *Leuninger H.* Reden ist Schweigen, Silber ist Gold. Gesammelte Versprecher. 6. Aufl. Zürich: Ammann, 1993. 174 S.
18. *Lüger H.-H.* Satzwertige Phraseologismen: Eine pragmalinguistische Untersuchung. Wien: Praesens Verlag, 1999. 320 S.
19. *Piirainen E.* Weit verbreitete Idiome in kulturhistorischen Bezügen: zum Verbreitungsmodus einiger Idiomgruppen // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch. Russland. Moskau, 2010. S. 167–181.
20. *Ptashnyk S.* Phraseologische Modifikationen und ihre Funktionen im Text: Eine Studie am Beispiel der deutschsprachigen Presse. Hohengehren: Schneider, 2009. 264 S.
21. *Schröder Th.* Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache des Journalismus in den Printmedien // Fix U., Gardt A., Knappe J. (Hrsg.) Rhetorik und Stilistik. Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung. HSK 31.2 Bd. 2. Berlin; New York: de Gruyter. 2008. S. 2182–2197.
22. *Wotjak B.* Verbale Phraseolexeme in System und Text. Tübingen: Niemeyer, 1992. 202 S.

Источники иллюстративного материала

- (1) URL: <http://www.spiegel.de/reise/europa/erziehung-durch-preisnachlass-caffe-in-nizza-gibt-hoeflichen-gaesten-rabatt-a-938702.html>
- (2) URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/studium/mathe-professor-loviscach-vorlesung-bei-youtube-a-843076.html>
- (3) URL: <http://www.spiegel.de/wissenschaft/natur/rippenquallen-genom-entschluesselt-hinweise-auf-stammbaum-der-tiere-a-938661.html>
- (4) URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/wunderbar/studenten-schreiben-kochbuch-mit-asylsuchenden-a-939765.html>
- (5) URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/gauck-erntet-lob-und-kritik-fuer-boycott-von-olympia-in-sotschi-a-937888.html>
- (6) URL: <http://www.spiegel.de/unispiegel/jobundberuf/studie-zu-jung-akademikern-studium-ist-die-beste-jobgarantie-a-912787.html>

REFERENCES

1. Alefirenko N.F. *Frazeologija v svete sovremennykh lingvističeskikh paradigm: monografiia* [Phraseology in the Context of Modern Linguistic Paradigms: A Monograph]. Moscow, ELPIS, 2008. 270 s.
2. Baturova N.I. *Mesto okkazional'nogo frazeologizma vo frazeologičeskoj sisteme iazyka i ego rol' v kontekste* [The Place of Occasional Phraseological Units in the Phraseological System of the Language and its Role in the Context]. [Elektronnyi resurs] Available at: URL: <http://www.google.ru> (accessed 23.09.2013).
3. Dobrosklonskaia T.G. *Voprosy izučeniia mediatekstov (opyt issledovaniia sovremennoi anglijskoj mediareči)*. 2-e izd, stereotip. [Issues of Media Texts Research: An Essay on Modern English Media Speech, 2nd reprint edition]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 288 s.
4. Solodilova I.A., Shcherbina V.E. *Lingvokognitivnye i diskursivnye aspekty sovremennoi frazeologii* [Linguo-Cognitive and Discursive Aspects of Modern Phraseology]. Orenburg: IPK GOU OGU, 2011. 377 s.
5. Sorokin Iu.A., Tarasov E.F. *Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaia Funktsiia* [Creolized texts and their communicative function]. Optimizatsiia rečevogo vozdeistviia [Optimization of Speech Influence]. Moscow, Nauka Publ., 1990. S. 180–186.
6. Chicherina N.V. *Tipologija mediatekstov kak osnova formirovaniia mediagramotnosti* [Typology of Media Texts as a Basis for Developing Media Literacy]. *Izvestiia Ross. gos. ped. un-ta im. A.I. Gertsena*. Saint Petersburg, 2007, № 9 (47). S. 159–165.
7. Shcherban' N.P. *Strukturno-semantičeskie osobennosti frazeologizmov nemetskogo iazyka* [Structural and Semantic Aspects of German Language Phraseological Units]. Chernovtsy, Chernovits. gos. un-t, 1986. 53 s.
8. Barz I. *Probleme der phraseologischen Modifikation. Deutsch als Fremdsprache*. 1986. Heft 6. S. 321–326.
9. Burger H. *Funktionen von Phraseologismen in den Massenmedien*. Burger H., Zett R. (eds.). Aktuelle Probleme der Phraseologie. Bern, Frankfurt a/M., New York, Paris, Peter Lang, 1987. S. 20–28.
10. Dobrovol'skij D. *Zur Dialektik des Begriffs der textbildenden Potenzen von Phraseologismen*. Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1980. Heft 33.6. S. 690–700.
11. Dobrovol'skij D. *Idiome im mentalen Lexikon: Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung*. Fokus. Linguistisch-Philologische Studien. Bd. 18. Trier, Wissenschaftlicher Verlag, 1997. 288 S.
12. Elspaß St. *Phraseologie in der politischen Rede: Untersuchungen zur Verwendung von Phraseologismen, phraseologischen Modifikationen und Ver-*

stößen gegen die phraseologische Norm in ausgewählten Bundestagsdebatten. Wiesbaden, Springer, 1998. 224 S.

13. Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache.* 2., durchges. und ergänzte Aufl. Tübingen, Niemeyer, 1997. 250 S.
14. Greciano G. *Idiom und Text.* Deutsche Sprache. 1987. Heft 3. S. 193–208.
15. Koller W. *Redensarten: Linguistische Aspekte, Vorkommensanalysen, Sprachspiel (Reihe Germanistische Linguistik).* Tübingen, Niemeyer, 1977. 240 S.
16. Łabno-Falęcka E. *Phraseologie und Übersetzen. Eine Untersuchung der Übersetzbarkeit kreativ-innovativ gebrauchter wiederholter Rede anhand von Beispielen aus der polnischen und deutschen Gegenwartsliteratur.* Frankfurt a/M., Lang, 1995. 542 S.
17. Leuninger H. *Reden ist Schweigen, Silber ist Gold. Gesammelte Versprecher.* 6. Aufl. Zürich, Ammann, 1993. 174 S.
18. Lüger H.-H. *Satzwertige Phraseologismen: Eine pragmalinguistische Untersuchung.* Wien, Praesens Verlag, 1999. 320 S.
19. Piirani E. *Weit verbreitete Idiome in kulturhistorischen Bezügen: zum Verbreitungsmodus einiger Idiomgruppen.* Das Wort. Germanistisches Jahrbuch. Russland. Moskau, 2010. S. 167–181.
20. Ptashnyk S. *Phraseologische Modifikationen und ihre Funktionen im Text: Eine Studie am Beispiel der deutschsprachigen Presse.* Hohengehren, Schneider, 2009. 264 S.
21. Schröder Th. *Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache des Journalismus in den Printmedien.* Fix U., Gardt A., Knappe J. (Hrsg.) *Rhetorik und Stilistik. Ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung.* HSK 31.2 Bd. 2. Berlin; New York, de Gruyter. 2008. S. 2182–2197.
22. Wotjak B. *Verbale Phraseolexeme in System und Text.* Tübingen, Niemeyer, 1992. 202 S.

Манерова Кристина Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Kristina V. Manerova

Docent of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: martinus2003@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Ключевые слова: деривация, каузация, деятель, предложение, художественный текст.

В статье проводится краткий анализ структур, находящихся в отношениях синтаксической деривации. Предложения, совместная встречаемость которых рассматривается на материале художественного текста, связаны таким подвидом деривационных отношений, как каузация. Исследование проведено на материале немецкой, австрийской и швейцарской художественной литературы XX века.

A. V. MELGUNOVA

St. Petersburg State University

SYNTACTIC DERIVATION IN TEXT OF FICTION

Keywords: derivation, causation, agent, sentence, text of fiction.

The article deals with the analysis of syntactical structures, which can be characterized as derivation or causation. The author analyses various types of such structures and the reasons of their usage. Research was done on material collected from German, Austrian and Swiss literature of the 20th century.

Под синтаксической деривацией понимается «преобразование одной структуры в другую, при которой производная структура и по своему грамматическому статусу, и по смыслу отличается от исходной структуры» [3, с. 139].

Преобразование структур в тексте происходит в связи с необходимостью описания события с разных позиций и введения дополнительной информации. Например, одно из предложений

представляет собой описание совершенного кем-либо действия или имеющего место факта. Подлежащее другого предложения — предложения-деривата — обычно называет деятеля, побудившего другого к совершению действия или того, благодаря кому произошло событие. *Das Mädchen weinte. Ihre Schwester hat sie zum Weinen gebracht.* Подобные семантические отношения называются также каузацией. Рассмотрим данный тип синтаксической деривации более подробно.

Каузативным конструкциям, то есть содержащим обозначение деятеля, соответствуют некаузативные. Предложение, противопоставляемое каузативному, называет «декаузативную ситуацию» — то есть такую, «которая, являясь частью каузативной ситуации, тем не менее в силу тех или иных причин осмысливается как автономная: Служитель опустил занавес. — Занавес опустил. Он разбил чашку. — Чашка разбилась» [1, с. 328].

Проанализируем совместную встречаемость в художественном тексте обеих частей описания каузативной ситуации. В дальнейшем будем это явление называть каузативным комплексом. Можно охарактеризовать данное явление в зависимости от следующих параметров.

1. Порядок следования частей каузативного комплекса в тексте

Можно отметить, что в большинстве приведенных примеров некаузативное предложение занимает первое место. Некаузативное предложение может вообще не употребляться, если в тексте присутствует каузативное. Например, из значения предложения *Er hat sie zum Lachen gebracht* следует верность предложения *Sie lachte*. И наоборот, из второго предложения не следует содержание предложения с каузативной семантикой. Поэтому можно говорить о частичной обусловленности предложений, входящих в каузативный комплекс. В случае совместной встречаемости именно этим объясняется употребление сначала необязательной части, а затем той, которая содержит дополнительную информацию: «<...> Frage nur im Dorf, wo *ich mein Auge verloren habe*. Jeder

weiß es. *Die Faschisten haben es mir ausgeschlagen, als ich unter Primo de Rivera im Gefängnis sass* [UBL, S. 512–513]. «Ich habe dich gerichtet, Gastmann, ich habe dich zum Tode verurteilt. *Du wirst den heutigen Tag nicht mehr überleben*. Der Henker, den ich ausersehen habe, wird heute zu dir kommen. *Er wird dich töten*, denn das muss nun eben einmal in Gottes Namen getan werden» [DRH, S. 129].

Менее характерны для каузации, но все же встречаются каузативные комплексы с другим порядком конверсных предложений, при котором из первого предложения следует содержание второго: «*Ich hatte ihn gerettet, er war gerettet*» [ZSN, S. 284]. «*Meine Zähne, diese noch so guten, wenig ausgebesserten Zähne knirschen, ich knirsche mit ihnen, da ich es denke*» [МТТ, S. 385]. В подобных случаях можно говорить не о введении дополнительной информации, а о повторе, цель которого — дополнительно подчеркнуть имеющее место событие или действие.

Можно отметить роль актуального членения предложения в выборе той или иной формулировки при описании события: «Выдвижение одного из участников каузативной ситуации, то есть субъекта энного порядка иерархической глубинной семантической каузативной структуры, в грамматический субъект (подлежащее) линейной поверхностной синтаксической структуры означает его выделение, маркировку, „тематикализацию или топикализацию“ как центра предложения, предмета высказывания, как того, о чем говорится» [2, с. 24].

2. Грамматические и лексические средства описания каузативных деривационных отношений

К самым частотным средствам описания каузативных отношений можно отнести следующие:

а) глагол *lassen*, имеющий значение побуждения, приказа: «<...> oder wenn ich auf Wache stehe, so *müsste er herumhüpfen* auf einem Bein, wie eben, um mich zu unterhalten, und *ich würde ihn hüpfen lassen*, bis er umfiele!» [FFE, S. 62];

б) глагол *machen*, обычно в сочетании с прилагательными. Традиционной парой к этому глаголу является *werden* (или *sein*)

в некаузативной части. «Um ganz offen zu sein», begann Rumpf in deutscher Sprache, als sie allein waren, «*ich bin krank geworden, ich bin seelisch erkrankt, der russische Feldzug hat mich krank gemacht!*» [КВТ, S. 423];

с) наряду с рассмотренными структурами используются также и другие глаголы и словосочетания, обладающие каузативной семантикой: «*Er verlangte, sie solle sich auf den Divan setzen, und sie setzte sich* [МНУ, S. 73]. *Sie sind doch in Sicherheit, und wir haben sie in Sicherheit gebracht!*» [SWU, S. 383];

д) в двух частях каузативного комплекса могут использоваться разные залоговые формы. Пассивный залог часто присутствует в некаузативном предложении, что объясняется возможностью неупоминания деятеля, а в дополняющем его предложении-дезивате используется предложение в активном залоге, в котором деятель обозначен. Сказуемое при этом может быть выражено либо одним и тем же глаголом, либо синонимичными глаголами: «*Lohmann stand da, voll eines großen Schreckens, denn hier wurden Verbrechen begangen. Unrat, der interessante Anarchist, beging ausgemachte Verbrechen*» [МНП, S. 246]. «Also musste er warten, denn er konnte doch keinen Zettel in den Briefkasten werfen: “*Kommen Sie sofort zur Kriminalpolizei. Im Mittelstädter Forst wurde eine weibliche Leiche gefunden. Man hält es für möglich, dass es sich um Ihre Frau handelt!*” *Es waren zwei Bäuerinnen gewesen, die die Tote entdeckt hatten*» [WКН, S. 115–116].

К более редким средствам представления каузативной ситуации в тексте относятся пары глаголов, различающихся по признаку наличия или отсутствия возвратности. «<...> *Ein Defekt wird sich doch wohl finden*». «Diederich begriff. Er versprach: “*Sie werden ihn finden*”» [МНУ, S. 171].

3. Тип деятеля в каузативном предложении

Деятель, указанный в каузативной части конструкции, относится к следующим типам:

а) одушевленный: «*Und du bist abtrünnig geworden; ich habe dich abtrünnig gemacht...*» [SWU, S. 104]. При этом возможно так-

же указание неопределенного деятеля, обозначенного при помощи местоимений соответствующей семантики. «Diese Zärtlichkeit, die muss sie gelernt haben, **jemand** muss sie ihr beigebracht haben, ich nicht, jemand...» [SWU, S. 68]. «Also — *ich habe mich verlobt... nein, man hat mich verlobt...*» [ZSU, S. 337];

b) неодушевленный: «*Ich war verrückt vor Wut und Todesangst. Die Bombennacht hat mich verrückt gemacht...*» [RBF, S. 192].

Необходимо также отметить, что предложения, входящие в каузативный комплекс, чаще всего являются частью авторского описания происходящего или прямой речи одного персонажа произведения, но могут представлять собой и реплики разных персонажей в диалоге. В зависимости от данного параметра можно выявить некоторые особенности рассмотренных каузативных ситуаций в отношении их тематической и временной отнесенности. В повествовательном тексте или монологе функция синтаксической деривации заключается прежде всего в дополнении и уточнении, и данное уточнение чаще направлено в прошлое: «Nachmittags taucht plötzlich Otto auf. Man hat ihn hergerufen, ein Brief für ihn war da» [ZSN, S. 37].

В случаях, если предложения являются репликами разных персонажей, функция уточнения тоже присутствует в каузативном предложении, но связана обычно с такими коммуникативными намерениями говорящего, как побуждение (приказ, поручение), обещание. При этом побуждение выражается при помощи форм индикатива. «Es gibt Möglichkeiten, wo es nicht untersagt, vielmehr geboten ist». «Aber diese erfordern eine ärztliche Indikation». «So werden Sie diese Indikation finden. Sie sind der Arzt» [ZSN, S. 170]. Соответственно, в подобных случаях можно говорить о направленности каузативного предложения в будущее.

Рассмотренные выше случаи являются наиболее типичными примерами каузативных комплексов. Однако каузативная синтаксическая деривация, безусловно, представляет собой более сложное языковое явление, имеющее множество вариантов реализации в разных типах текста, и заслуживает всестороннего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Долнина И. Б.* Рефлексивность и каузативность (категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносимых с каузативными конструкциями) / Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991. С. 125–141.
2. *Максапетян А. Г.* Каузация (лингвистические и экстралингвистические аспекты). Ереван, 1990. 338 с.
3. *Храковский В. С.* Деривационные отношения в синтаксисе / Инвариантные синтаксические значения и структура предложения / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1969. С. 138–147.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

- ZSN — *Dürrenmatt Fr.* Der Richter und sein Henker. Die Panne. Berlin, 1965. 243 S.
- FFE — *Fühmann F.* Erzählungen. Rostock, 1977. 551 S.
- KBT — *Kellermann B.* Totentanz. Berlin, 1954. 495 S.
- MHP — *Mann H.* Professor Unrat. Moskau, 1952. 248 S.
- MHU — *Mann H.* Der Untertan. Berlin, 1958. 426 S.
- MTT — *Mann Th.* Der Tod in Venedig. Erzählungen. Berlin, Weimar, 1969. 430 S.
- RBF — *Reimann B.* Die Frau am Pranger. Das Geständnis. Die Geschwister. Drei Erzählungen. Berlin, 1969. 350 S.
- SWU — *Steinberg W.* Als die Uhren stehenblieben. Halle, 1961. 435 S.
- UBL — *Uhse B.* Leutnant Bertram. Berlin, Weimar, 1974. 763 S.
- WKH — *Weber K. H.* Auf lange Sicht. Berlin, 1971. 303 S.
- ZSN — *Zweig St.* Novellen. Moskau, 1964. 472 S.
- ZSU — *Zweig St.* Ungeduld des Herzens. Berlin, Weimar, 1971. 397 S.

REFERENCES

1. Dolinina I.B. *Refl eksivnos' i kauzativnost' (kategorial'naia semantika re-fleksivnykh konstruksii, sootnosimykh s kauzativnymi konstruksiiami)* [Reflexivity and causativity: Categorical semantics of reflexive constructions in relation to causative constructions]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*, отв. ред. A.V. Bondarko [Functional Grammar Theory. Person. Voice. Ed. by A.V. Bondarko]. Saint Petersburg, 1991, S. 125–141.

2. Maksapetian A.G. *Kauzatsiia (lingvisticheskie i ekstralingvisticheskie aspekty)* [Causation: Linguistic and Extralinguistic Aspects]. Erevan, 1990. 338 s.
3. Khrakovskii V.S. *Derivatsionnye otnosheniia v sintaksise* [Derivational relations in syntax]. *Invariantnye sintaksicheskie znacheniiia i struktura predlozheniia*, otv. red. N.D. Arutiunova [Invariant Syntactic Meanings and Sentence Structure, ed. by N.D. Arutyunova]. Moscow, 1969. S. 138–147.

Мельгунова Анна Владиславовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Anna V. Melgunova

Docent of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: melgunova@rambler.ru

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ И ФРАЗЕОЛОГИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: прецедентные имена, прецедентные высказывания, фразеология, значение ФЕ, социализация.

В статье рассматриваются прецедентные имена и высказывания как основа для создания фразеологических единиц (ФЕ). Подобные фразеологические единицы представляют прецедентные тексты (сказки, стихи, песни, игры-потешки) и вызывают ассоциации, связанные с воспоминаниями из детства. Они объединяют людей по принципу общей культуры. Все прецедентные имена и высказывания имеют более общее значение, чем в исходном тексте, и содержат культурную коннотацию.

T. V. PONOMAREVA

St. Petersburg State University

PRECEDENT TEXTS AND PHRASEOLOGY IN GERMAN

Keywords: precedent words, precedent phrases, phraseology, meanings of PU (phraseological units), socialization.

This article discusses precedent names and phrases as a framework for creating PU. Such PU introduce precedent texts (fairy tales, poems, songs etc.) and evoke associations referring to recollections from the childhood. They unite people based on principal of common culture. All precedent names and phrases have a more general meaning that in the initial text and contain a cultural connotation.

О том, что в сознании языковой личности имеется «базовое стереотипное ядро знаний», которое постоянно повторяется в процессе социализации индивидуума в данном обществе (на уровне этнической культуры, а не личности) и свидетельствует

о принадлежности индивида к определенной культуре, говорили и говорят многие специалисты, предлагая при этом различные подходы к исследованию когнитивной базы как составляющей культурного пространства [2, с. 7]. Этими проблемами занимаются многие ученые в рамках культурологии и лингвострановедения (Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, Д. Г. Мальцева).

Составители «Лингвокультурологического словаря» на материале русского языка И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. отмечают, что в настоящее время внимание наиболее видных представителей лингвострановедения направлено на изучение национально-культурных стереотипов речевого общения и таких единиц, как логоэпистемы [2, с. 8]. В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова пишут, что «логоэпистемами можно назвать <...> сигналы, заставляющие вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст» [5, с. 70]. Возможность оживить в памяти такие фоновые знания свидетельствует о принадлежности языковой личности к определенной культуре, о наличии в сознании человека национально обусловленной системы символов, ассоциаций и информации. Каждый человек, чтобы стать личностью и членом того или иного культурного сообщества, должен пройти процесс социализации или, как отмечал А. Н. Леонтьев, «путь вранения ребенка в цивилизацию». Процесс социализации начинается с самого момента рождения человека, и основным каналом передачи культуры является язык, на начальном этапе социализации культура передается в том числе и виде фольклорных текстов, игр-потешек и детской литературы (например, сказок, песен, стихов и т. д.). У каждого носителя языка (языковой личности) складываются индивидуальные представления о мире на материале фольклорных текстов, но они одновременно являются и коллективными, так как известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества. «Сказки — форма фольклорной поэзии, первые счастливые воспоминания для детей, наследство для взрослых, сохраняемое на всю жизнь» — пишет Л. Денеке в краткой биографии братьев Гримм, Якоба и Вильгельма [3, с. 124]. Почти каждый человек в течение

своей жизни многократно возвращается к детским сказкам, стихам и играм-потешкам, сначала слушая их от родителей, потом сам, будучи взрослым, рассказывает или читает их своим детям, затем внукам, а иногда и правнукам. Таким образом, имена сказочных героев, окруженные целым рядом ассоциаций, входят в сознание каждого представителя нации, некоторые типичные ситуации и произносимые в них слова запоминаются и цитируются часто без указания источника, потому что он всем известен. И так как цитируются они практически без изменений, часто в сходных, но не точно таких же ситуациях, то их смысл, с одной стороны, абстрагируется, а с другой стороны, возвращает человека и его собеседников в общее счастливое детство. В силу своей устойчивости и повторяемости цитаты из сказок превращаются во фразеологические выражения, иногда сокращаются до словосочетания или отдельного слова.

Устойчивые выражения и словосочетания нередко фиксируются фразеологическими словарями, однако недостаточно последовательно. Иногда дается комментарий, из какой это сказки и чьи это слова, иногда нет. Цитаты из сказок можно отнести к крылатым словам, правда, с той оговоркой, что это слова не реальных исторических личностей, а фольклорных сказочных героев. В предисловии к словарю крылатых слов и выражений из серии «Duden» «Zitate und Aussprüche» (т. 12) говорится о том, что в немецком языке второй половины XX века не столь важно точное цитирование с целью показать свою начитанность и эрудицию, сколько желание между делом вызвать у собеседника определенные ассоциации. Здесь отмечается также, что и состав крылатых слов частично изменился. Теперь это уже не библейские цитаты или цитаты из античной и европейской, в частности немецкой, литературы, а все чаще высказывания политиков, не столько серьезные, сколько курьезные рекламные тексты, цитаты из общеизвестных фильмов, сериалов, популярных стихов и песен [10, с. 13–14]. Вот этой группе фразеологизмов и будет уделено основное внимание в данной статье. Хочется заметить, что в своем «Русско-немецком словаре крылатых слов» Ю. Н. Афонькин приводит наряду с устойчивыми выражениями и так на-

зываемые «прецедентные имена» (например, героев некоторых произведений, в том числе сказок: Золушка, Иванушка-дурачок, Кощей Бессмертный). Ю. Н. Афонькин отмечает, что «будучи однословными единицами, они не могут считаться фразеологизмами. Но поскольку они используются как цитаты, исключать их из категории крылатых слов было бы нецелесообразно; кроме того, подобные имена встречаются также и в форме словосочетаний» [1, с. 5]. Прецедентные имена окружены целым ореолом ассоциаций, идущих из детства. Нам представляется такой подход оправданным.

В качестве распространенного источника фразеологизмов в немецком языке выступают «Детские и семейные сказки» («Kinder- und Hausmärchen»), собранные и обработанные в начале XIX века братьями Я. и В. Гримм. Первый том немецких народных сказок был опубликован перед Рождеством 1812 года, второй том — два года спустя, в 1814 году. Сказки можно отнести к «прецедентным текстам», а их названия, часто присвоенные по именам сказочных героев, и сами имена героев — к «прецедентным именам», так как они являются уникальными, неповторимыми фольклорными текстами или их неотъемлемой частью. Прецедентные феномены известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, они всегда актуальны в познавательном и эмоциональном плане, обращение к ним в коллективе постоянно возобновляется в речи представителей данного сообщества. За прецедентным феноменом всегда стоит определенное представление о нем, общее и обязательное для всех представителей языкового коллектива, и это обобщенное представление делает все обращения к прецедентному феномену прозрачными, абсолютно понятными и имеющими стилистические коннотации (так называемая «культурная коннотация»). Участники разговора сразу понимают, что они выросли в одной стране, воспитаны одним народом, у них было «общее» детство, они читали одни и те же книжки, слушали одни и те же сказки, что они «одной крови».

Значение прецедентных феноменов всегда шире, чем значение их составляющих, при этом они вызывают в памяти себе-

седника (слушателя) весь исходный текст и соответствующие положительные или отрицательные эмоции. Таким образом, сказки относятся к прецедентным текстам, а имена сказочных героев — к прецедентным именам. Часто говорят также и о прецедентных ситуациях или о характеризующих данные ситуации прецедентных высказываниях. Выделяются и прецедентные артефакты, предметы вторичного, сказочного мира, существующие только в виртуальном пространстве (скатерть-самобранка, шапка-невидимка, ковер-самолет и т. д.).

Проиллюстрируем данные положения конкретными примерами. Выше уже говорилось о том, что сказки часто названы именем (реже именами) главного героя. Такие имена сказочных героев относятся к прецедентным именам, например, «Hänsel und Gretel», а также название сказки «Brüderchen und Schwesterchen». Так могут называть не только сказочных героев, но и любых братика и сестричку, особенно держащихся за руки. Именем главной героини называется и сказка «Aschenputtel» («Золушка»). Это имя часто используется тогда, когда называют милую и добрую девушку, которая в детстве претерпевает множество лишений, а затем в результате удачного замужества становится богатой и счастливой. Так, Золушкой часто называют в немецких журналах герцогиню Кембриджскую Кейт Миддлтон, испанскую принцессу Летицию, княгиню Шарлен в княжестве Монако и многих других, так как они по факту рождения не являются особами «королевских кровей».

Именем Rapunzel (Рапунцель), ставшим известным и в России благодаря рекламе немецкого шампуня фирмы «Шварцкопф», немцы называют любую девушку с длинными и крепкими волосами. Длина волос героини в сказке «Рапунцель» достигала 20 локтей, то есть в переводе на современные меры длины около 12 метров (один локоть равен 40–60 см). Рапунцель спускала косу из башни, в которую она была заточена и где не было ни лестниц, ни дверей, чтобы к ней могла забираться сначала злая колдунья, забравшая ее у родной матери, а позднее и прекрасный принц, освободивший ее из заточения и взявший ее затем в жены. Реклама с экзотическим именем Рапунцель, обладающим

выраженным национально-культурным компонентом, не имела в России ожидаемого эффекта и довольно быстро была снята с экранов телевидения, так как носители русской культуры не знакомы с такой сказкой, и соответственно это имя не вызывало у зрителей ожидаемых ассоциаций. Таким образом, цель рекламного текста «Мойте голову шампунем „Шварцкопф“, и тогда ваши волосы станут длинными и крепкими, как у Рапунцель» не была достигнута. Этот пример как нельзя лучше демонстрирует важность национально-культурного компонента у прецедентного имени.

Имя Schneewittchen (Белоснежка) получает любая девушка со светлой кожей и черными как смоль волосами (в сказке «как эбеновое дерево», или черное дерево). Девушка, которая постоянно и во всем видит опасность и по всякому ничтожному поводу делает далеко идущие выводы, получает ироничное имя Die kluge Else (Умная Эльза), так же, с легкой иронией, называют и действительно умную девушку. Метонимическое имя (перенос с части на целое) Rotkäppchen (Красная шапочка) получает по цвету форменной фуражки дежурная и даже дежурный по вокзалу или станции метро. Из разговора на перроне: «Hat der Zug nach N. eine Verspätung?» в ответ звучит: «Fragen Sie bitte das Rotkäppchen!» (Поезд на N. опаздывает? — Спросите у Красной шапочки).

Hans im Glück (Счастливый Ганс) называют молодого, беззаботного и неунывающего человека. Так звали героя одноименной сказки, который по простоте душевной в результате нескольких неудачных сделок обменял полученный им за семь лет тяжелой работы слиток золота, размером с детскую головку, на точильный камень, который падает у него в колодезь, и Ганс остается ни с чем. Но молодой человек чувствует себя счастливым и свободным от большого груза и в конце сказки восклицает: «So glücklich wie ich gibt es keinen Menschen unter der Sonne!» («На всем белом свете нет человека счастливее меня!») Само это выражение можно отнести к прецедентным высказываниям, оно употребляется, когда человек все потерял, но не унывает и радуется жизни.

Именем Rumpelstilzchen (Румпельштильцхен), в переводе Т. Г. Габбе «гном Тихогром», называют человека, мужчину, который радуется, что о его неблагоприятных поступках никому ничего не известно и поэтому он может избежать наказания. В сюжете сказки братьев Grimm Румпельштильцхен помогает дочери мельника прясть из соломы золотую нить, за что он берет с нее обещание, что, став королевой, она должна будет отдать ему своего первенца. Однако гном обещает вернуть молодой женщине ее ребенка, если она назовет его (гнома) имя, которого, как он думал, на земле никто не знает. Гном считал, что выполнить такое задание никому не по силам. Радуясь в предвкушении своей победы, гном напевает: «Ach, wie gut, dass niemand weiß, dass ich Rumpelstilzchen heiß!» (В переводе Т. Г. Габбе: «На земле никому, никому невдомек, как меня под землею зовут!») Первые две строчки из песенки гнома также цитируются как прецедентное высказывание при желании выразить свое злорадство.

Название одной из сказок братьев Grimm «Schlaraffenland», которой в русской фольклорной традиции соответствует «Страна с молочными реками и кисельными берегами», используется для обозначения страны всеобщего изобилия, где никому нет нужды трудиться, где все, что только душе угодно, имеется в изобилии, страны чревоугодников и лентяев. От названия страны было произведено слово Schlaraffia, которым называют компанию молодых беззаботных бездельников. А в магазинах продают матрасы «Schlaraffia», на которых якобы спится как в раю. Вот опять пример того, как реклама обращается к детским воспоминаниям людей, вызывая у них целый ряд приятных ассоциаций и эмоций. Данный пример также демонстрирует, как развивается словарный состав языка, как на базе всем известных сказок возникают новые слова.

Но прецедентные имена ведут свое начало не только из сказок, но и из других произведений для детей. Цикл из 10 небольших стихотворений «Struwwelpeter» (русский аналог — Стёпка-растрёпка) был издан в 1845 году, а его герои: Struwwelpeter, Suppenkaspar, Zappelphilipp — популярны до сих пор. Два друга Max und Moritz (Макс и Моритц); озорные мальчишки из одно-

именного цикла юмористических стихов В. Буша, появились в 1865 году, но до сих пор так называют любых мальчишек, склонных к озорству.

Термин «прецедентное высказывание» (далее ПВ) был предложен В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой и, в их понимании, охватывает единицы, полученные в результате текстовой редукции. То есть за основу здесь берется критерий свертывания текста до отдельного слова, словосочетания или фразы, которые «аккумулируют прецедентность этого текста», являясь его символом [2, с. 31]. Все прецедентные высказывания обладают несколькими уровнями значения, которые взаимодействуют друг с другом.

При изучении семантики ПВ И. С. Брилева, Н. П. Вольская и др. выделяют три уровня значения:

1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания;

2) глубинное значение, которое не равно сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру;

3) системный смысл, представляющий собой «сумму» глубинного значения высказывания и знания прецедентного феномена (прецедентного текста или прецедентной ситуации) и связанных с ними коннотаций [2, с. 33].

При взаимодействии всех трех значений и возникают присущие ПВ культурные коннотации. Примеры показывают, что из сказочных текстов чаще всего цитируются многократно повторяющиеся в тексте сказки, и потому легко запоминающиеся слова сказочных героев. Например, если женщина слишком часто, долго или в неподходящей ситуации смотрит в зеркало, то ей могут сказать: «Spieglein, Spieglein an der Wand, (wer ist die Schönste im ganzen Land?)» Эти слова произносит в сказке «Schneewittchen» («Белоснежка и семь гномов») злая королева, которая хочет сжить со света Белоснежку. Только теперь, вне сказки, эти слова произносятся слегка иронично, полушутя. Нередко это высказывание произносится лишь наполовину, вторая половина автоматически восстанавливается в памяти собеседника, как и вся сказ-

ка. Из этой же сказки происходит и фразеологическое словосочетание *Hinter sieben Bergen bei den sieben Zwergen* со значением «очень далеко», и которое соответствует русскому «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве».

К повторяющимся высказываниям относится и выражение «*Sieben auf einen Streich!*» («Семерых одним ударом!» из сказки «Храбрый портняжка» («*Das tapfere Schneiderlein*»). В сказке храбрый портняжка убивает одним ударом семь мух, севших на варенье на его куске хлеба. Он вышивает на своем поясе слова: «*Sieben auf einen Streich!*» Люди, которые попадают на его пути, думают, что он одним ударом может поразить семь человек, боятся и почитают его, в результате чего он становится королем и долго правит страной. Эта цитата используется, когда кто-либо хвастается своими подвигами или его «подвиги» всем известны, чаще в ироничном смысле. Однако в заметке о встрече американских президентов в журнале «*Bunte*» это выражение в статье «*5 amerikanische Präsidenten*» используется с восторгом и без всякой иронии: «*Fünf auf einen Streich! Wir sehen fünf Männer, die Weltgeschichte schrieben, Kriege führten, Frieden brachten, skandalös waren und bewundernswert*» [56, с. 20]. При этом даже изменение числительного в прецедентном высказывании не влияет на его понимание. Лексическое варьирование вполне допустимо, а само высказывание настолько устойчиво и хорошо знакомо, что изменение числительного в поверхностной структуре почти не влияет на понимание, но вызывает «эффект обманутого ожидания», то есть придает прецедентному высказыванию дополнительный стилистический оттенок.

Возможны и более значительные лексические изменения в поверхностном значении, но это почти не влияет на узнаваемость цитаты: «*Großmutter, warum kannst du so gut mithalten?*» («Бабушка, ты почему так хорошо за нами успеваешь?») Так оформляется рекламный слоган на препарат, активирующий физическую форму пожилого человека, в журнале «*Die Aktuelle*». В основу данной рекламы положены вопросы Красной шапочки к бабушке из известной сказки «Красная шапочка»: «*Großmutter, warum hast du so große Augen (Ohren, Zähne)?*» [16, с. 58].

Но, как уже говорилось, не только сказки лежат в основе прецедентных высказываний, но и известные стихи, песни, фильмы. Так, известное детское стихотворение «Der Herr, der schickt den Jockel aus», цитируется по первой строчке, когда кто-либо уходит искать потерявшегося человека и надолго пропадает сам. В тексте стихотворения хозяин посылает Йоккеля жать овес, а тот ничего не делает и домой не возвращается. Господин посылает за ним несколько разных домашних животных, которые, отправившись на поиски Йоккеля, надолго пропадают. В результате хозяин сам отправляется искать пропавшего работника и обнаруживает его спящим в поле.

Следующий пример рекламного текста демонстрирует использование песенки певички из портового ресторана в фильме Джозефа Штернберга «Голубой ангел» с Марлен Дитрих в главной роли, вышедшем на экраны в 1930 году: «Wir sind von Kopf bis Fuß auf Getriebe eingestellt. Willkommen im Land der Pferdestärken» [66, S. 36]. Здесь без труда узнается начало песни Марлен Дитрих: «Ich bin von Kopf bis Fuß auf Liebe eingestellt», при этом на ментальном уровне восстанавливается не только текст, но и мелодия песни. А изменение формы лица и числа у местоимения и глагола, а также замена слова Liebe на лексему Getriebe не мешает узнаванию прецедентного высказывания, позволяет включить его в другой контекст. Слова Liebe — Getriebe в большей части совпадают по составу фонем и поэтому при необходимости вполне заменимы.

Возможно и неточное цитирование. Например, когда идет густой снег, немцы в шутку говорят: «Frau Holle schüttelt ihre Betten aus» (букв. «Фрау Холле выбивает свои перины»). Выражение восходит к сказке братьев Гримм «Frau Holle» («Госпожа Метелица»), хотя таких слов не произносит ни один из персонажей, зато несколько раз повторяется ситуация с выбиванием перин. Такое объяснение этого выражения дает Д. Г. Мальцева в своем «Немецко-русском лингвострановедческом словаре» [3в, с. 31].

И в художественной литературе используются прецедентные высказывания и их сокращенные части. Например, в романе Ханны Йохансен «Lena» главная героиня рассказывает: «Ich war

es, die seine kleinen Finger genommen und gesagt hat, *das ist der Daumen, der schüttelt die Pflaumen*» [36, с. 85]. Это высказывание из детской игры-потешки, вроде русской «Сорока-ворона кашку варила, деток кормила. Этому дала (отгибается большой палец), этому дала (указательный) и т. д.». В данном случае это высказывание имеет значение «играла с ребенком, развлекала его». При этом читатель сразу же вспоминает эту игру и свои впечатления из раннего детства.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

В немецком языке, как и в любом другом, существует набор прецедентных имен и высказываний, которые накапливаются в процессе социализации личности и происходят из известных народных сказок, игр-потешек, стихов, песен и фильмов. Эти высказывания и имена сопровождают языковую личность в течение всей жизни.

Подобные прецедентные имена и высказывания в реальном употреблении приобретают более широкое значение, чем в исходном тексте, используются в похожих ситуациях и несут положительную национально-культурную коннотацию. Эта коннотация связана с детскими воспоминаниями, с миром детства и родного дома, с положительными эмоциями, но и с некоторым оттенком шутки, когда взрослые люди цитируют сказки, детские стихи, потешки.

Мышление языковой личности формируется с использованием прецедентных имен и высказываний, поэтому взрослые носители языка столь часто обращаются к прецедентным именам и высказываниям, как бы соотнося актуальные ситуации с действиями и поступками сказочных героев и героев поэзии для детей. Такие «детские воспоминания» подают собеседникам сигнал, что они принадлежат одному народу, единому коллективу, что они «одной крови», у них есть общие воспоминания.

Прецедентные имена и высказывания входят во фразеологический фонд языка в разряд «крылатых слов и выражений», иногда утрачивая сведения об источнике ФЕ, укорачиваются, цитируются частично, но при восприятии текст высказывания и источник сразу же всплывают в памяти реципиента и вызыва-

ют ряд детских воспоминаний. Значение таких ФЕ всегда шире, чем значение прецедентного высказывания в исходном тексте.

Прецедентные имена и высказывания знакомы каждой языковой личности, они понятны каждому носителю языка без дополнительных комментариев и расшифровки даже при некотором морфологическом и лексическом варьировании в поверхностной структуре. Прецедентные имена и высказывания становятся источником фразеологических единиц, их значение не складывается из значения составляющих их элементов, так как прецедентные высказывания обладают тремя уровнями значения: поверхностным, глубинным и системным смыслом. Некоторые прецедентные имена и высказывания фиксируются фразеологическими и лингвострановедческими словарями, но недостаточно последовательно. Поэтому данный материал требует более тщательного исследования, желательно с привлечением информантов-носителей языка.

Наличие национально-культурного компонента у прецедентных высказываний требует ознакомления студентов-иностранцев с фольклорными текстами как источниками прецедентных имен и высказываний. Составление списка прецедентных текстов и их лингвистическая обработка еще ждет своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афонькин Ю. Н.* Русско-немецкий словарь крылатых слов. М.; Лейпциг: Русский язык, 1985. 286 с.
2. *Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В.* Лингвокультурологический словарь. М.: ГНОЗИС, 2004. 315 с.
3. *Денеке Л.* Братья Гримм / Aschenputtel. Золушка. Bonn: Inter Nationes. 1990. 128 S.
4. *Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1., М., 1997. С. 82–103.
5. *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. № 1.
6. *Мальцева Д. Г.* Национально-культурный аспект фразеологии. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1991.

7. Мокиенко В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Флинта, Наука, 2007. 462 с.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М., 1996.
9. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.
10. Duden. Zitate und Aussprüche. B. 12. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. Dudenverlag, 1993.

Список источников примеров

1. Aktuelle. № 34. 2013.
2. Die Kinder-und Hausmärchen der Brüder Grimm. Berlin: Kinderbuchverlag, 1972.
3. Hanna Johansen. Lena. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 2002.
4. Julian Jusim. Der Herr der schickt den Jockel aus. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 1996.
5. Bunte. № 19. 2013.
6. Stern. № 48. 21.11.2013.

Список использованных словарей

1. Duden. Redewendungen. B. 11. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. Dudenverlag, 1993.
2. Duden. Zitate und Aussprüche. B. 12. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. Dudenverlag, 1993.
3. Мальцева Д. Г. Немецко-русский лингвострановедческий словарь. Германия. Страна и язык. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000.
4. Мальцева Д. Г. Немецко-русский словарь современных фразеологизмов. М.: Русский язык; Медиа, 2003.
5. Большой немецко-русский словарь / ред. О. И. Москальская. Т. 1–2. М.: Советская энциклопедия, 1969.

REFERENCES

1. Afon'kin Iu.N. *Russko-nemetskii slovar' krylatykh slov* [Russian-German Dictionary of Popular Expressions]. Moscow; Leiptsig, Russkii iazyk Publ., 1985. 286 s.
2. Brileva I.S., Vol'skaia N.P., Gudkov D.B., Zakharenko I.V., Krasnykh V.V. *Lingvokul'turologicheskii slovar'* [Linguistic Cultural Dictionary]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 315 s.

3. Deneke L. *Brat'ia Grimm* [The Brothers Grimm]. *Aschenputtel. Zolushka* [Aschenputtel. Cinderella]. Bonn, Inter Nationes, 1990. 128 S.
4. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. *Pretsedentnoe vyskazyvanie i pretsedentnoe imia kak simvol'y pretsedentnykh fenomenov*. [Precedent statement and precedent name as symbols of precedent phenomena]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Language, Consciousness, Communication]. Vyp. 1. Moscow, 1997. S. 82–103.
5. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. *Kak teksty stanoviatsia pretsedentny-mi* [How Texts Become Precedent Texts]. *Russkii iazyk za rubezhom*. 1994. № 1.
6. Mal'tseva D.G. *Natsional'no-kul'turnyi aspekt frazeologii*. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [National and Cultural Aspects of Phraseology. Post-Doctoral Dissertation Summary]. Moscow, 1991.
7. Mokienko V.M. *Obrazy russkoi rechi. Istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Patterns of Russian Speech: Historical and Etymological Essays on Phraseology]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007. 462 s.
8. Teliia V.N. *Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i kul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Cultural Aspects]. Moscow, 1996.
9. Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1982.
10. Duden. *Zitate und Aussprüche*. B.12. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag, 1993.

Пономарева Татьяна Витальевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Tatyana V. Ponomareva

Docent of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: tania54@inbox.ru

РЕЧЕВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

Ключевые слова: радиопьеса, диалог, характеристика персонажа, номинация, устный текст.

В данной статье исследуются лингвистические способы представления информации о персонажах в радиопьесе. В работе выделяются прямая и косвенная номинация сведений о действующих лицах. При этом уделяется внимание рассмотрению диалогических структур, при которых коммуникативно оправдана прямая номинация, а также способов косвенной демонстрации личностных характеристик.

A. K. FILIPPOVA

St. Petersburg State University

LINGUISTIC VARIETY OF PERSONAL CHARACTERISTICS IN A SPOKEN FICTIONAL DIALOGUE

Keywords: radioplay, dialogue, personal characteristics, nomination, spoken text.

The article describes linguistic methods of representing personal characteristics in radioplays. A distinction is drawn between direct and indirect nomination of personal characteristics. Special attention is paid to dialogical structures where direct nomination is communicatively relevant and to various indirect ways of demonstrating personal characteristics.

Изучение устных текстов остается важной областью современных научных исследований. Благодатный материал для наблюдений над различными характерными особенностями устной коммуникации представляет радиопьеса.

Радиопьеса является драматическим произведением особого жанра, специально созданным для постановки в аудиостудии и рассчитанным прежде всего на слуховое восприятие. Отсутствие зрительного изображения затрудняет слушателю(-ям) полноценное восприятие и понимание всех деталей сюжета [6, с. 470]. При работе над текстом пьесы автор, используя разнообразные способы введения информации, изобразительных средств и постановочных указаний, пытается компенсировать отсутствие видеоряда и создать тем не менее убедительное и художественно-выразительное представление всех деталей сюжета.

Настоящая работа посвящена изучению личностных характеристик, то есть особенностей представления и характеристики действующих лиц в радиопьесе. Анализу подвергаются введение информации об имени, профессии и профессионального статуса персонажа, возраста, места проживания и т. д., а также сведения о прошлых событиях в жизни персонажа и о его характере. Материалом исследования послужили радиопьесы немецкоязычных писателей Фридриха Дюрренматта, Ингеборг Бахманн и Генриха Белля.

Личностные характеристики в настоящей статье рассматриваются в номинативном аспекте. Номинации существуют, с одной стороны, для того, чтобы идентифицировать объект и, с другой стороны, чтобы сообщить что-либо об этом объекте. Таким образом, номинация имеет две основные функции — функцию идентификации и характеристики лица [5, с. 379]. В аспекте содержания понятие номинации трактуется в широком плане, «как обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего и мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий [3, с. 234]. При этом большинство исследователей — А. А. Бекбалаев [2], В. Г. Гак [3], А. А. Уфимцева, Э. С. Азнаурова, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия [7], Н. Д. Арутюнова [1], Е. В. Падучева [4] и другие — отмечают, что ономаσιология объединяет единицы номинации всех уровней строения языка и включает единицы номинации любой структурной простоты или сложности, любой протяженности. Таким образом, в область рассмотрения теории номинации попадают

не только языковые единицы (слова и словосочетания), но и речевые — предложения, обозначающие преимущественно событийные характеристики [7, с. 35–36].

Номинация сведений о персонажах может осуществляться прямым или косвенным способом. Как прямые рассматриваются номинации, закрепленные в системе языка, обладающие самостоятельной номинативной функцией и указывающие на определенный объект в любом контексте. Косвенные номинации представляют собой ситуативно обусловленные обозначения, лишенные самостоятельной номинативной функции, использующиеся для обозначения одного объекта вместо другого.

Рассмотрим последовательно способы прямой и косвенной номинации личностных характеристик в радиопьесах.

Прямая номинация сведений о персонаже

Основной текст драмы составляют диалоги, в них отражена основная часть драматического сюжета. Поэтому значительная часть личностных характеристик радиопьесы выражается в диалогах персонажей.

Прямая номинация сведений о персонажах может заключаться в следующих диалогических структурах:

1) отдельная реплика персонажа. В этом случае номинация заключена в реплике одного персонажа, которая может быть рассмотрена без связи с предыдущими и последующими репликами. Такой способ представления информации сходен с представлением сведений в монологе;

2) диалогическое единство, то есть единство двух реплик — иницирующей и ответной. При этом в иницирующей реплике содержится какой-либо запрос на предоставление информации о персонаже, а ответная реплика каким-либо образом дополняет иницирующую.

1. **Отдельная реплика персонажа.** Номинация сведений о персонаже может заключаться как в реплике самого персонажа, так и в реплике его собеседника или какого-либо третьего лица. Рассмотрим пример автохарактеристики:

(1) *Stranitzky: <...> Ich bin **Fußballspieler** gewesen und du ein **Marinetaucher**.* (F. Dürrenmatt. *Stranitzky und der Nationalheld*, S. 609)

В этом примере, представляющем собой реплику в одной из начальных сцен радиопьесы, информация о профессии персонажей должна, по мнению автора, с самого начала создать определенный образ персонажей. Номинация профессий двух персонажей здесь выражена словами, обозначающими предмет — существительными *Fußballspieler* и *Marinetaucher* (выделено в примере).

Аналогичным образом персонаж может представлять также других действующих лиц радиопьесы. Однако таким способом может вводиться ограниченная информация, поскольку другой персонаж меньше знает о собеседнике, чем сам собеседник о себе.

(2) *Stranitzky: <...> Das ist das **Fräulein Marie von der Mansarde Nummer neunzehn**.* (F. Dürrenmatt. *Stranitzky und der Nationalheld*, S. 610)

В примере (2) персонаж представляет радиослушателям персонажа, готового появиться в комнате. Его реплика не адресована какому-либо другому действующему лицу, он рассуждает наедине сам с собой. Номинациями сведений о персонаже здесь являются слова, обозначающие предмет (имя собственное *Fräulein Marie*) и словосочетание *von der Mansarde Nummer neunzehn*, обозначающее место проживания персонажа, о котором идет речь.

В примере (3) описывается характер персонажа, не участвующего в диалоге:

(3) *Pölzig: Trotzdem: Ich neige immer dazu, die Ursachen für solche Zwischenfälle im Inneren, nicht im Äußeren zu suchen. / Druven: In Brühl selbst? Ach, Sie kennen ihn doch, er ist so **zuverlässig** und **korrekt**, und dabei gar **nicht stur**. Ich glaube nicht, dass in seinem Inneren die Ursache für einen solchen Zwischenfall zu suchen ist. Ich bin sicher, dass er in Gefahr ist und dass man die Polizei verständigen sollte.* (H. Böll. *Die Spurlosen*, 122)

В данном примере посредством слов, обозначающих признак, называются черты характера, которыми обладает персонаж (выделены в примере).

Прямая номинация сведений о персонаже внутри отдельной реплики может осуществляться также посредством обращения к нему или его упоминания. При этом главная цель участника диалога, в реплике которого заключена номинация — не дать характеристику персонажа (себя или другого), а сообщить о каких-либо действиях или событиях. При этом сведения о действующем лице представляются в контексте этих действий:

(4) *Anna: <...> Sie sehen so blass aus, Herr Mandl!* (I. Bachmann. Ein Geschäft mit Träumen, S. 179)

Номинация имени персонажа (*Herr Mandl*) здесь представлена словом, выражающим имя собственное.

2. *Диалогическое единство*. При номинации какого-либо сведения о персонаже, заключенного в диалогическом единстве, необходимо рассматривать обе реплики — и иницирующую, и ответную. Диалогическое единство также может быть оформлено различными способами. Мы будем выделять три основных способа в зависимости от характера иницирующей реплики.

1) Иницирующая реплика — частный вопрос.

Здесь в первой реплике содержится запрос о какой-либо определенной информации, а во второй — прямой ответ на него:

(5) *Der Autor: Wer sind Sie? / Der Besucher: Mein Name ist Hofer. Fürchtegott Hofer.* (F. Dürrenmatt. Abendstunde im Spätherbst, S. 700)

Номинация имени и фамилии персонажа здесь также представлена словом (именем собственным).

2) Иницирующая реплика — общий вопрос.

В устной разговорной речи прямые запросы об информации встречаются нечасто. Более часто в диалогах встречается запрос об информации в виде общего вопроса, который содержит в себе часть информации о собеседнике. При этом собеседник своим ответом, как правило, подтверждает или опровергает предполо-

жение, содержащееся в вопросе, и при этом дополнительно развивает тему. В этом случае номинация личностной характеристики осуществляется в единстве вопроса и ответа:

(6) *Robert: Ihr Vater — war — Vincent Nadolt? / Frau Borsig: Ja, er war mein Vater.* (H. Böll. Zum Tee bei Dr Borsig, S. 259)

В примере (6) персонаж подтверждает информацию, содержащуюся в вопросе. При этом следует отметить, что с точки зрения структуры вопрос построен как повествовательное предложение (то есть представляет собой так называемый «утверждающий вопрос» — «Bestätigungsfrage»). О том, что это вопрос, при передаче в радиоэфире свидетельствует только вопросительная интонация. Подобная конструкция вопросов характерна для устной разговорной речи. Номинации сведений о персонаже передаются посредством слов (подчеркнуты).

3) Иницилирующая реплика — повествовательное предложение.

Побуждением к рассказу персонажа о себе также может служить не вопрос, а реплика в повествовательной форме, представляющая собой скрытый вопрос. Она тоже может содержать предположение о какой-либо информации:

(7) *Träger: <...> älter als vierzig würde ich Sie nicht schätzen. / Chrantox: Ihre Schätzung stimmt fast, ich bin dreiundvierzig alt. Warum sollte ich nicht siebzehn Jahre hier gelebt haben?* (H. Böll. Eine Stunde Aufenthalt, S. 65)

В этом примере персонаж, которому принадлежит ответная реплика, уточняет информацию, содержащуюся в вопросе. Номинация возраста действующего лица здесь представлена посредством слов (числительных).

Косвенная номинация сведений о персонаже

Посредством косвенной номинации в диалоге какая-либо устойчивая характеристика персонажа не называется, а демонстрируется, то есть акцент перемещается на поведение персо-

нажа. Это проявляется в том, что по каким-либо особенностям поведения персонажа слушатели и читатели радиопьесы могут получить определенную информацию о профессии, профессиональном статусе, возрасте и т. д. самого персонажа или его собеседника. Таким образом, как основная единица номинации в большинстве примеров здесь выступает предложение.

Способ указания на характерное поведение персонажа иллюстрирует пример (8):

(8) *Eine zweite Männerstimme: Im Namen des Gesetzes, öffnen Sie.* (I. Bachmann. Die Zikaden, S. 278)

По манере речи и характерному профессиональному обороту, содержащемуся в данной реплике (*Im Namen des Gesetzes*), можно сделать вывод, что данный мужской голос принадлежит полицейскому.

Следующий пример показывает характерное поведение другого персонажа в диалоге с персонажем, имеющим определенный профессиональный статус:

(9) *Generaldirektor (unangenehmes Organ): Haben Sie nicht gehört, ich habe Sie zweimal angerufen, warum heben Sie das Telefon nicht ab?) / Anna: Oh, ich weiß nicht. Es hat nicht geläutet! Vielleicht haben Sie eine falsche Klappe gewählt, nein, es hat sicher nicht geläutet, ich war keinen Augenblick weg, nicht einmal einen Schritt.* (I. Bachmann. Ein Geschäft mit Träumen, S. 181)

Манера речи персонажа (Анны) (повторы *Es hat nicht geläutet — es hat sicher nicht geläutet*, сбивчивая речь, усилительные средства *sicher, keinen Augenblick*, гиперболизация *nicht einmal einen Schritt*) характерна для персонажа, испытывающего состояние смущения, и также свидетельствует о том, что он разговаривает с лицом, стоящим выше его по социальному положению. По контексту (действие происходит в бюро) можно заключить, что собеседник Анны — ее начальник по работе.

Посредством указания на поведение персонажей часто актуализируется также информация об их характерах. Это — наиболее частый способ, так как способом прямой номинации черты

характера персонажа обозначаются редко. Косвенная номинация характера персонажа осуществляется, как правило, посредством указания на действия, которые наиболее однозначно характеризуют его. В примере (10) полицейский Клеффер посредством указания на определенные действия банды «Неуловимых» дает ей косвенную характеристику:

(10) *Kleffer: Noch nie hat diese Bande jemanden ermordet, noch nie. Er lebt, er lebt bestimmt noch — noch möchte ich wissen, wo.* (H. Böll. Die Spurlosen, S. 127)

Посредством указания на факт, что банда ни разу не убивала ни одного человека, в данном примере передается косвенная характеристика «Неуловимых»: они не соответствуют общепринятому образу преступной банды, это сразу позволяет сделать вывод, что они представляют собой необычных преступников. В чем заключается их особенность, более подробно раскрывается в дальнейшем тексте радиопьесы.

В следующем примере косвенная номинация осуществляется посредством указания на место, с которым, согласно контексту радиопьесы, связаны определенные ассоциации:

(11) *Der Gefangene: Wollen wir annehmen, dass ich von dort [von der kleinen Insel] komme? / Robinson: Ach, ich verstehe. Und Sie sind die ganze Strecke geschwommen? Unerhört.* (I. Bachmann. Die Zikaden, S. 246)

В данном примере, кроме прямо выраженной информации о том, что персонаж только что приплыл на остров с другого острова, также содержатся сведения о том, что он — сбежавший заключенный: во вступлении к радиопьесе «Цикады» Повествователь рассказывает, что на другом острове, меньшего размера, расположена тюрьма.

Итак, номинация сведений о персонажах в радиопьесах может быть прямой и косвенной. При прямой номинации какая-либо информация о персонаже называется прямо посредством слов и словосочетаний, выражающих определенную характеристику действующего лица. Эта характеристика осуществляется посред-

ством обозначений предметов, имен собственных и обозначений признаков предметов. При косвенной номинации изображаемая характеристика персонажа не называется, а демонстрируется определенным поведением персонажей. Единицей косвенной номинации наиболее часто выступает предложение.

Номинация сведений о персонажах может заключаться как в отдельных репликах диалога, так и в диалогических единствах. Посредством отдельных реплик диалога может осуществляться автохарактеристика, характеристика какого-либо персонажа или актуализация сведений посредством обращения к действующему лицу или его упоминания. В диалогических единствах важную роль для представления информации о персонаже играет иницирующая реплика. Она может быть выражена частным вопросом, общим вопросом или скрытым побуждением в форме повествовательного предложения.

Более ясным для передачи содержания является способ прямой номинации, поэтому в диалогах радиопьес информация в основном передается этим способом. Однако введение информации в диалогах должно быть мотивировано определенной ситуацией коммуникации, и это требует от авторов использования дополнительных приемов, оправдывающих присутствие в диалогах тех или иных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 188–206.
2. Бекбалаев А. А. Вопросы истории и теории синтаксической номинации. Бишкек: Илим, 1991. 162 с.
3. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 230–293.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 270 с.
5. Потапова С. Ю. Неофициальная номинация лица в современной немецкой прессе // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Т. IV. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 373–380.

6. Радиожурналистика: Учебник / под ред. А. А. Шереля. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 480 с.
7. Уфимцева А. А., Азнаурова Э. С., Кубрякова Е. С., Телия В. Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация. Общие вопросы / под ред. Б. А. Серебренникова и А. А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. С. 7–98.

Список источников

1. *Bachmann I.* Werke. Band I. Gedichte, Hörspiele, Libretti, Übersetzungen. München, Zürich: Piper, 1978. 683 S.
— Ein Geschäft mit Träumen, S. 177–216.
— Die Zikaden, S. 217–268.
— Der gute Gott von Manhattan, S. 269–327.
2. *Böll H.* Zum Tee bei Dr Borsig. Hörspiele. München, 1964. 186 S.
— Mönch und Räuber, S. 7–32.
— Eine Stunde Aufenthalt, S. 63–86.
— Bilanz, S. 87–116.
— Die Spurlosen, S. 117–148.
— Klopffzeichen, S. 149–160.
— Sprechanlage, S. 161–172.
— Konzert für vier Stimmen, S. 173–184.
3. Dialoge. Hörspiele. 3. Aufl. Berlin: Henschelverlag Kunst und Gesellschaft, 1969. 535 S.
— Dürrenmatt F. Der Prozess um des Esels Schatten, S. 5–44.
— Böll H. Zum Tee bei Dr Borsig, S. 247–276.
4. *Dürrenmatt F.* Gesammelte Werke in sieben Bänden. Band 3. Stücke 3, Hörspiele. Zürich: Diogenes Verlag, 1996. 730 S.
— Nächtliches Gespräch mit einem verachteten Menschen, S. 579–602.
— Stranitzky und der Nationalheld, S. 603–645.
— Das Unternehmen der Wega, S. 647–694.
— Abendstunde im Spätherbst, S. 695–726.
5. *Dürrenmatt F.* Werkausgabe in 30 Bänden. Band 16. Die Panne. Zürich: Diogenes Verlag, 1985. 180 S.

REFERENCES

1. Arutiunova N.D. *Nominatsiia, referentsiia, znachenie* [Nomination, reference, meaning]. *Iazykovaia nominatsiia: Obshchie voprosy* [Linguistic Nomination: General Issues]. Moscow, Nauka Publ., 1977. S. 188–206.

2. Bekbalaev A.A. *Voprosy istorii i teorii sintaksicheskoi nominatsii* [Issues in History and Theory of Syntactic Nomination]. Bishkek, Ilim Publ., 1991. 162 s.
3. Gak V.G. *K tipologii lingvisticheskikh nominatsii* [On typology of linguistic nomination]. *Iazykovaia nominatsiia: Obshchie voprosy* [Linguistic Nomination: General Issues]. Moscow, Nauka Publ., 1977. S. 230–293.
4. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu* [Utterance and its Correlation with Reality]. Moscow, Nauka, 1985. 270 s.
5. Potapova S.Iu. *Neofi tsial'naia nominatsiia litsa v sovremennoi nemetskoj presse* [Informal nomination of a person in modern German press]. *Russkaia germanistika. Ezhegodnik rossiiskogo soiuza germanistov. Tom IV.* [Russian Germanic Philology. Annual Publication of the Russian Union of Germanic Philologists. Vol. 4]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008. S. 373–380.
6. *Radiozhurnalistska: Uchebnik* [Radio Journalism: A Textbook], pod red. A.A. Sherelia [ed. by A.A. Sherel]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 2000. 480 s.
7. Ufimtseva A.A., Aznaurova E.S., Kubriakova E.S., Teliia V.N. *Lingvisticheskaia sushchnost' i aspekty nominatsii* [Linguistic essence and aspects of nomination]. *Iazykovaia nominatsiia: Obshchie voprosy* [Linguistic Nomination: General Issues]. Moscow, Nauka Publ., 1977. S. 7–98.

Филиппова Анастасия Константиновна

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры немецкой филологии СПбГУ.

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Anastasia K. Filippova

Assistant teacher of German Philology Department, St. Petersburg State University, Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: anasty2002@mail.ru

Г. В. СНЕЖИНСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ

Светозарова Н. Д., Павлова А. В. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. СПб.: Антология, 2012. 480 с.

G. V. SNEZHINSKAJA

St. Petersburg State University

REVIEW:

N. D. Svetozarova, F. V. Pavlova. Difficulties and Potentials in Russian to German and German to Russian Translation: A Reference Guide. SPb: Antologia, 2012. 480 p.

В этом справочном пособии, служащем практическим целям, рассмотрен целый ряд переводческих трудностей, то есть случаев, представляющих известную сложность при переводе с русского на немецкий и с немецкого на русский, выявленных авторами как в живой устной речи, языке СМИ и современной беллетристике, так и в известных и широко распространенных словарях. Но, кроме того, в книге Н. Д. Светозаровой и А. В. Павловой освещены многие актуальные вопросы двуязычной лексикографии и современной теории перевода.

Посвятив свою работу памяти Валерия Павловича Беркова, авторы во многом опираются на положения и выводы, сформулированные профессором еще в «Вопросах двуязычной лексикографии» (1973), и, в частности, исходят из принципиально важного положения: двуязычный словарь прежде всего отражает способы передачи смыслов, предлагая некоторые закономерности замены лексических единиц одного языка лексическими единицами другого языка, происходящей при переводе. Словарь информирует читателя о системных соответствиях между единицами лексики двух языков и, кроме того, сообщает в большем или меньшем объеме и более или менее последовательно сведения о лексической, грамматической и стилистической сочетаемости. Если теория перево-

да изучает самый процесс перевода, то двуязычная лексикография входит в теорию перевода как ее часть — исследуя способы фиксации эквивалентных отношений между элементами лексики двух языков. Из-за отсутствия симметрии между лексическими и грамматическими системами языков, из-за значительных расхождений в словообразовании, доходящих в иных случаях до полярной противоположности, эта эквивалентность является относительной, что и порождает трудности для начинающих переводчиков.

Авторы скромно оговариваются, что книга содержит лишь некоторые теоретические положения, однако читатель почерпнет в ней немало полезнейшей информации по существенным вопросам теории перевода, связанных с темами, которые оживленно обсуждаются в последние годы: о так называемых лакунах, о проблеме непереводаемости (или отсутствии таковой), о сложностях, возникающих с переводом реалий и с передачей национальной культурной специфики, о «новом издании» гипотезы лингвистической относительности и др.

Но главное назначение Справочника — облегчить и по возможности улучшить работу переводчиков-германистов, а также помочь изучающим немецкий или русский язык углубить свои знания и более успешно решать задачи письменной и устной коммуникации. Последнее означает по возможности избегать буквализмов («переводизмов»), предстающих в виде продуктов интерференции на разных языковых уровнях как «германизмы» или, наоборот, «русизмы», и не допускать «просто» ошибок, не только стилистических, но и смысловых, приводящих к заминкам и даже сбою коммуникации. Справочник оказывает помощь переводчику и в другом плане — расширяя арсенал вариантов перевода по сравнению с традиционными словарями, поскольку перевод могут обогатить и сделать более ярким стилистически корректно и к месту употребленные идиомы и устойчивые словосочетания. В книге Н. Д. Светозаровой и А. В. Павловой предлагается уточненный или не вошедший в старые словари перевод многих слов, устойчивых словосочетаний, речевых формул и клише, учтены маргинальные пласты лексики: междометная фразеология, диминутивы, лексические единицы, коммуникатив-

но-стилистическое своеобразие которых обусловлено словообразовательным формантом (*наработаться, папаша, отсиживать* и т. п.) или продуктивной словообразовательной моделью (*zukunftsorientiert, benutzerfreundlich*), не остались без внимания и служебные слова (*мол, небось, erst, zwischendurch* и др.).

Авторы опирались на лучшие лексикографические труды (БНРС под ред. О. И. Москальской, РНС под ред. Е. И. Лепинга, Н. П. Страховой и др., РНС под ред. М. Я. Цвиллинга, Словарь разговорной лексики В. Д. Девкина, Langenscheidt, Duden, Wahrig, словари «ложных друзей переводчика», словарь паронимов русского языка, сост. К. Готлиб), этнолингвистические и культурологические справочники, а также учебные пособия по переводу.

В качестве адресата книги авторы называют прежде всего многочисленную в наши дни и все растущую группу лиц, в силу жизненных обстоятельств вынужденных часто переводить на неродной язык (русский — для немцев, немецкий — для русских) или на «второй родной», — усвоенный, например, иммигрантами в Германии немецкий. Это целевая группа, о которой в пособиях по переводу упоминают редко, в частности, по той причине, что существует положение, хорошо известное и подтвержденное рекомендациями Международной федерации, союзов и др. организаций переводчиков: желательно переводить на родной язык, потому что в этом случае множество вопросов о способах и средствах перевода, о соответствии переводов грамматической, лексической, сочетаемостной и стилистической норме снимается «по умолчанию», не требуя специального обсуждения; кроме того, лишь при переводе на родной язык переводчик вполне корректно использует всю палитру языковых изобразительных средств и уверенно «держит курс круче к ветру», как советовал в свое время М. Л. Лозинский. Авторов Справочника интересует противоположная ситуация — когда уверенности у переводчика как раз нет, когда отсутствует и редактор-профессионал (носитель языка, на который осуществляется перевод) — и они предлагают множество полезных рекомендаций и сведений, ценных в первую очередь для начинающих переводчиков. Книга Н. Д. Светозаровой и А. В. Павловой может значительно расширить лингвистиче-

ский кругозор этой группы читателей. Отметим также, что Справочник особенно пригодится устным переводчикам, — в случае письменной работы в распоряжении переводчика имеется время, он может провести детальный филологический анализ текста, обращаясь к любым, в том числе электронным источникам, а также, что особенно плодотворно, к аналоговым текстам и одноязычным толковым словарям, и создать перевод верный во всех важнейших аспектах. При устном переводе временной интервал отсутствует, в высоком темпе должны порождаться верные по смыслу, иногда сокращенные, но стилистически корректные, как правило нейтральные, высказывания, обеспечивающие коммуникацию. Для устного переводчика (на неродной язык) Справочник может стать своего рода «книгой для чтения», проработав которую, он значительно улучшит свое знание языка и уточнит прежние либо освоит новые переводческие трансформации, замены и т. д.; письменный переводчик скорее использует эту книгу как ценное дополнение к другим источникам и пособиям.

Две главы книги посвящены проблемам двуязычной лексикографии и некоторым вопросам частной теории перевода, в третьей главе рассматриваются практические вопросы. Для примера приведем лишь некоторые «проблемные» группы лексических единиц: 1) слова, для которых в языке перевода нет денотата (*Gesundheitsamt*, *жилконтора*); 2) слова, которым нет прямого однословного соответствия в языке перевода (*Termin*, *gönnen*, *удаль*, *бездорожье*); 3) слова, для которых соответствия есть, но они представлены набором слов, и перевод обусловлен контекстом (полисемия); с точки зрения носителей языка перевода, такие слова не являются синонимами (*пошлый* — *fade*, *ordinär*, *spiessig*, *kleinkariert*, *schlüpfrig*; *nüchtern* — *трезвый*, *натощак*); 4) фразеология: идиоматика и устойчивые словосочетания (*куры не клюют*, *пустой звук*, *облегчить участь*, *Tapetenwechsel*, *auf der Kippe stehen*); 5) «ложные друзья переводчика», заимствования с «обманчивой» формой, как бы подсказывающей перевод, который оказывается неправильным (*intelligent*, *Artist*, *катаракта*), паронимы; 6) слова с «усилительными» элементами (*рад-радёшенек*, *handfest*); 7) слова, лексическое своеобразие которых обусловлено слово-

образовательным формантом (*мамаша, засидеться, inhaltstreu*); 8) слова, не совпадающие в языке оригинала и языке перевода по частеречной принадлежности (*писать начерно* и *Schmierpapier*); 9) эмоционально окрашенная лексика; 10) сокращения и мн. др.

После детального рассмотрения лексических «подводных камней» следует очерк о трудностях перевода на грамматическом уровне — это несовпадение категорий, особенности употребления некоторых частей речи; особо рассмотрены модальные глаголы, местоимения, в синтаксисе — эллиптические конструкции, коммуникативные типы предложений и др.

И наконец, Справочник предлагает нам анализ словарей немецкого языка как иностранного, причем высказаны соображения о необходимости более детальных стилистических помет, грамматических характеристик (sg. и pl. tantum, формах рода и др.) и уделено большое внимание так называемым открытым синтаксическим конструкциям, которые, безусловно, должны найти свое место в словарях (авторы предлагают помещать их в рамках примеров к словарным статьям).

Как показал опыт работы со студентами кафедры немецкой филологии СПбГУ, книга Н. Д. Светозаровой и А. В. Павловой может служить полезным подспорьем для преподавателей и студентов, занимающихся по образовательной программе «Теория перевода и межъязыковая коммуникация». Здесь и богатейший языковой материал, и анализ актуальных вопросов теории, и прекрасное, доступное изложение, благодаря которому книга читается с неослабевающим интересом.

Снежинская Галина Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Galina V. Snezhinskaja

Docent of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences.

Address: 7/9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Email: sneginska@inbox.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

I. АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКОВ ТЕКСТУАЛЬНОСТИ В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

И. А. Вороновская

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ: ФУНКЦИИ И СТРУКТУРА (на материале немецкоязычных монографий по лингвистике)	9
---	---

Л. Н. Григорьева

ФЕНОМЕН ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ В ТЕКСТЕ И ЕГО РОЛЬ В ПЕРЕВОДЕ	20
--	----

С. Т. Нефёдов

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ АВТОРСКОГО ПРЕДИСЛОВИЯ	32
---	----

Е. С. Солнцева

ТЕКСТ КАК 3D-МОДЕЛЬ (на примере немецкого публицистического текста)	49
--	----

II. ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ РАЗНЫХ ТИПОВ

Л. Ф. Бирр-Цуркан

ЗАГАДКА КАК ТИП ТЕКСТА В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА (на примере народных и литературных загадок средневерхненемецкого периода)	61
---	----

Е. А. Гончарова

СТАТУС И ФУНКЦИИ «ИЗОБРАЖЕННОЙ РЕЧИ» В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	73
---	----

И. Е. Езан, Е. А. Ковтунова

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ...	90
---	----

<i>К. Р. Новожилова</i>	
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАРРАТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ	106
<i>Е. С. Садовская</i>	
ТИП ТЕКСТА «КОЛОНКА» (на материале публикаций М. Райх-Раницкого)	120
<i>К. А. Филиппов</i>	
К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В НЕМЕЦКОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ XVIII ВЕКА	131

III. ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>М. Н. Дмитриева</i>	
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АРГУМЕНТАЦИИ (на материале трактата «Утешение Философией» в переводе Ноткера Немецкого)	143
<i>К. В. Манерова</i>	
ПРАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ В ЗАГОЛОВКЕ НЕМЕЦКОГО МЕДИАТЕКСТА	151
<i>А. В. Мельгунова</i>	
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	168
<i>Т. В. Пономарева</i>	
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ И ФРАЗЕОЛОГИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	175
<i>А. К. Филиппова</i>	
РЕЧЕВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ	189
<i>Г. В. Снежинская</i>	
РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ Светозарова Н. Д., Павлова А. В. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода	200

TABLE OF CONTENTS

Foreword	5
----------------	---

I. ACTUALIZATION OF TEXTUALITY STANDARDS IN THE STRUCTURE OF THE TEXT

I. A. Voronovskaya

AUTHORIAL PREFACE: FUNCTIONCS AND STRUCTURE (by the example of german linguistic monographs)	9
---	---

L. N. Grigorieva

PRECEDENCE IN TEXTS AND ITS ROLE IN TRANSLATION	20
---	----

S. T. Nefedov

THE INTERTEXTUAL DIMENSIONS OF THE AUTHORIAL PREFACE	32
---	----

E. S. Solntseva

TEXT AS 3D-MODEL (represented for a german journalistic text)	49
--	----

II. PRINCIPLES USED IN CONSTRUCTION OF TEXTS BELONGING TO DIFFERENT TYPES

L. F. Birr-Tsurkan

RIDDLES (RÄTSEL) AS A TYPE OF TEXT IN THE HISTORY OF THE GERMAN LANGUAGE (case study: folk and literary riddles of the middle high german period)	61
--	----

E. A. Goncharova

THE STATUS AND FUNCTIONS OF REPRESENTED SPEECH IN FICTIONAL NARRATIVE TEXT	73
---	----

I. E. Jesan, E. A. Kovtunova

PRAGMALINGUISTIC CHARACTERISTIC OF POLITICAL MEMOIR-AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS	90
---	----

<i>X. R. Novozhilova</i>	
NARRATOR'S VIEW POINTS IN LITERARY TEXT AND THEIR VERBALIZATION	106
<i>E. S. Sadovskaya</i>	
COLUMN AS A TEXT TYPE (based on publications of Marcel Reich-Ranicki)	120
<i>K. A. Filippov</i>	
ON CONCEPTIONAL GRAMMAR TEXTS IN GERMAN SCIENTIFIC DISCOURSE OF THE 18 th CENTURY	131

III. TEXTUAL FUNCTIONS OF LINGUISTIC UNITS

<i>M. N. Dmitrieva</i>	
LANGUAGE MEANS OF ARGUMENTATION (on the Material of the «Treatise in Translation» by Notker Teutonicus) ...	143
<i>K. V. Manerova</i>	
PRAGMATICALLY CONDITIONALITY OF THE MODIFIED IDIOMS IN THE HEADLINE OF GERMAN MEDIATEXTEXT	151
<i>A. V. Melgunova</i>	
SYNTACTIC DERIVATION IN TEXT OF FICTION	168
<i>T. V. Ponomareva</i>	
PRECEDENT TEXTS AND PHRASEOLOGY IN GERMAN	175
<i>A. K. Filippova</i>	
LINGUISTIC VARIETY OF PERSONAL CHARACTERISTICS IN A SPOKEN FICTIONAL DIALOGUE	189
<i>G. V. Snezhinskaja</i>	
REVIEW: N. D. Svetozarova, F. V. Pavlova. Difficulties and Potentials in Russian to German and German to Russian Translation	200